

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ*

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ
В СОСТОЯНИИ ОСТРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ
(ХИКИКОМОРИ)

ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОЛГОВОГО
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРАКТА

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ

2022 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д-р психол. наук, проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. – д-р психол. наук, доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. – к. псх. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. – д. псх. н., проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Карри К. – д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. – д-р психол. наук, доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. – д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. – д-р психол. наук, координатор исследований, Хайфский университет (Государство Израиль)

Утлик Э. П. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. – д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. – д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. – д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2022. – № 2. – 156 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences”
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsiyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Dr. Sci. (Psychology), Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2022. – no. 2. – 156 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Катькало К. Д., Печеркина А. А.* Теоретическая модель личностно-профессиональной самореализации 6
- Каяшева О. И.* Личностная рефлексия как механизм осознания самообмана клиентом в экзистенциально-ориентированном консультировании 20
- Тарасова Е. М., Разуваева Л. Н.* Мотивация аффилиации у студентов поколения Z . . . 36

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Борисова А. М., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Махнач А. В.* Взаимосвязь психологических характеристик и представлений о COVID-19 с адаптивным реагированием на пандемию 47
- Гагарина М. А., Рябов В.Б.* Исследование содержания долгового психологического контракта 60
- Звонова Е. В.* Кросс-культурная коммуникация в искусстве: социально-психологические основы 79
- Кононов А. Н.* Психоэмоциональное состояние граждан России, перенёсших COVID-19 90
- Маралов В. Г., Кудака М. А., Смирнова О. В., Корягина И. И.* Отношение людей к опасностям в контексте теории чувствительности к подкреплению Дж. Грея . . 102
- Нестерова А. А., Кичман Д. Н.* Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори) 117

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- Булгаков А. В., Андреева Н. Ю., Бережная М. Н.* Мудрая человечность в организациях различного типа: методология и методика исследования 135

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- K. Katkalo, A. Pecherkina.* Theoretical Model of Personal and Professional Self-Realization 6
- O. Kayasheva.* Personal Reflection as a Mechanism of Self-Deception Awareness by the Client in Existential-Oriented Counseling 20
- E. Tarasova, L. Razuvaeva.* Motivation of Affiliation Among Generation Z Students . . 36

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- A. Borisova, T. Kubrak, V. Latynov, A. Makhnach.* Interdependence of Psychological Characteristics and Perceptions of COVID-19 with the Adaptive Pandemic Response. . 47
- M. Gagarina, V. Ryabov.* Research of a Psychological Debt Contract Content. 60
- E. Zvonova.* Cross-Cultural Communication in Art: Socio-Psychological Foundations. 79
- A. Kononov.* Psychoemotional State of Russian Citizens Who Had Suffered the COVID-19 90
- V. Maralov, M. Kudaka, O. Smirnova, I. Koryagina.* People's Attitude to Dangers in the Context of J. Gray's Theory of Sensitivity to Reinforcement 102
- A. Nesterova, D. Kichman.* Personal Characteristics of People in a State of Acute Social Self-Isolation (Hikikomori) 117

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- A. Bulgakov, N. Andreeva, M. Berezhnaya.* Wise Humanity in Organizations of Various Types: Methodology and Research Methodology 135

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-6-19

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Катькало К. Д., Печеркина А. А.

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель настоящей работы заключается в разработке и обосновании теоретической модели личностно-профессиональной самореализации человека. Эта модель рассматривается как инструмент оценки степени соответствия характеристик профессионального развития ценностным установкам и ресурсам личности.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели применялись теоретические методы: анализ, сравнение и обобщение подходов к самореализации личности как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Для разработки теоретической модели личностно-профессиональной самореализации использовался метод моделирования, в рамках которого выделены факторы, структурные компоненты и критерии успешности личностно-профессиональной самореализации.

Результаты. Теоретическое обобщение подходов к исследованию самореализации личности в релевантной отечественной и зарубежной литературе позволило сделать вывод о необходимости проработки данной проблемы с позиции личностно-профессионального подхода, что соответствует современным тенденциям развития психологического знания, и о необходимости разработки соответствующего инструментария для применения на практике.

Основываясь на системном подходе и принципе детерминизма, мы разработали теоретическую модель личностно-профессиональной самореализации. В модели конкретизированы её структурные компоненты, а также факторы и критерии успешности личностно-профессиональной самореализации.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе разработанной модели личностно-профессиональной самореализации предполагается проведение эмпирических исследований, связанных с изучением особенностей соотношения характеристик про-

фессионального и личностного развития. Перспективным направлением в данном проблемном поле может стать изучение психологических предикторов и стратегий достижения личностно-профессиональной самореализации, что в свою очередь может послужить источником поддержания удовлетворённости жизнью и психологического благополучия человека.

Ключевые слова: самореализация личности; профессиональная самореализация; личностная самореализация; системный подход; психологическое благополучие

THEORETICAL MODEL OF PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-REALIZATION

K. Katkalo, A. Pecherkina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin pr-t Lenina, 51, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation

Abstract

Aim of this work is to develop and substantiate a theoretical model of a person's personal and professional self-realization as a tool for assessing the degree of correspondence between the characteristics of professional development and the value orientations and resources of the individual.

Methodology. To achieve this goal, theoretical methods were used: analysis, comparison and generalization of approaches to self-realization of the individual in both domestic and foreign psychology. To develop a theoretical model of personal and professional self-realization, the modeling method was used, within which factors, structural components and criteria for the success of personal and professional self-realization were identified.

Results. The theoretical generalization of approaches to the study of personality self-realization in the relevant domestic and foreign literature led to the conclusion that it is necessary to study this problem from the standpoint of a personal-professional approach, which corresponds to modern trends in the development of psychological knowledge, and to develop appropriate tools for practical application.

Based on a systemic approach and the principle of determinism, we have developed a theoretical model of personal and professional self-realization. The model specifies its structural components, as well as the factors and criteria for the success of personal and professional self-realization.

Theoretical and/or practical significance. On the basis of the developed model of personal and professional self-realization, it is planned to conduct empirical research related to the study of the features of the correlation between the characteristics of professional and personal development. A promising direction in this problematic field can be the study of psychological predictors and strategies for achieving personal and professional self-realization, which in turn can serve as a source of maintaining life satisfaction and psychological well-being of a person.

Keywords: self-realization of the individual; professional self-realization; personal self-realization; systemic approach; psychological well-being

Введение

На современном этапе развития психологического знания особую актуальность приобретают вопросы соотношения личностного и профессионального развития. Это обусловлено тем, что в условиях постоянно изменяющихся реалий человек в качестве ответа на вызовы окружающей действительности обращается к поискам способов реализации собственного потенциала и путей самовыражения в деятельности, воплощения сущности в продукте собственного труда. Самореализация становится целью и смыслом, интегрирующим личностные ресурсы с профессиональными условиями деятельности человека. Многочисленные исследования в области психологии личности свидетельствуют о том, что наличие успешной самореализации на протяжении жизненного пути является необходимым условием психологического благополучия, психологической удовлетворённости. Особое значение это приобретает сегодня, когда наблюдаются значительные изменения во всех сферах жизни человека.

Для исследования проблемного поля реализации личностных ресурсов в профессиональной деятельности нами предложен конструкт «личностно-профессиональная самореализация».

Цель настоящей работы – теоретическое обоснование и разработка модели личностно-профессиональной самореализации.

Подходы к рассмотрению личностно-профессиональной самореализации

В настоящее время проблема самореализации личности относится к чис-

лу интенсивно изучаемых. Благодаря многочисленным трудам отечественных и зарубежных исследователей мы можем говорить о том, что современная психология располагает научно обоснованными сведениями о видах самореализации, внешних и внутренних детерминантах, субъективных и объективных факторах и условиях самореализации, уровнях самореализации, формах, механизмах, критериях и т. д. Однако, само понятие «самореализация», являясь многогранным и многоаспектным феноменом, нуждается в конкретизации, концептуализации, что необходимо для проработки инструментария его оценки в целях практического применения.

Рассмотрение концепций самореализации в отечественной психологии позволило выделить ряд подходов к изучению данного феномена: ресурсный [2; 4; 8; 9; 13]; процессный [12; 22]; системный [3; 14; 15].

С позиции *ресурсного подхода* самореализация рассматривается как некий результат, интегрирующий личностные ресурсы с профессиональными условиями деятельности. В этой связи авторы выделяют средовые и личностные ресурсы. К средовым относятся, например, обеспечение обществом сохранности естественной среды обитания, доступности научных знаний, информации и получения соответствующего образования каждым человеком [2], востребованность определённых способностей личности со стороны социума, высокий уровень качества жизни [11]. Личностные ресурсы как продукт образования и воспитания находятся в фокусе исследовательского интереса. К ним авторы относят, например, конструктивность,

осмысленность целей-установок, активность и креативность, оптимистичность [13], высокий уровень осмысленности жизни и позитивное отношение к ней, направленность личности как интегральную характеристику, определяющую психический облик личности, её поведение и деятельность, а также рефлексию как специфическую человеческую способность [9].

С позиции *процессного подхода* самореализацию можно рассматривать как последовательность неких этапов, составляющих жизненный путь личности. При переходе от одного этапа к другому происходит не только развитие самой личности, но и меняются её отношения с социумом, окружающими. Рассмотрение самореализации как процесса актуализирует научный поиск и определение возрастных интервалов, обуславливающих последовательную смену этапов личностно-профессиональной самореализации. Так, Е. А. Лукиной предложена периодизация жизненного пути на основе приоритетных потребностей на разных возрастных этапах: самоутверждение (20–25 лет), самоактуализация (26–40 лет), самореализация (41–55 лет).

С позиции *системного подхода* самореализация может рассматриваться как многомерное психологическое образование, детерминированное совокупностью внешних и внутренних факторов, обеспечивающих успешность самовыражения личности в разных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза. Это предположение основывается на системной концепции самореализации личности С. И. Кудинова, в рамках которой выделены формы проявления самореализации, её виды, а также представлена

психологическая структура данного феномена и разработана психодиагностическая методика исследования самореализации личности [14].

В зарубежной психологии феномен самореализации рассматривается главным образом посредством проблематизации личностного и профессионального развития через раскрытие концепций: психологического благополучия личности – *psychological well-being* [27; 30] – и значимой профессиональной деятельности – *meaningful work* [25; 26] – соответственно.

В рамках концепции психологического благополучия личности основной интерес исследователей сосредоточен на изучении позитивных эмоциональных состояний (счастье, удовлетворённость жизнью, психологическое благополучие, переживание потока, надежда, оптимизм и др.) и позитивных черт личности как факторов самореализации личности в контексте психологического благополучия. Американский психолог К. Рифф рассматривает психологическое благополучие как интегральное системное состояние человека, которое представляет собой сложную взаимосвязь физических, психологических, культурных, социальных и духовных факторов и отражает восприятие и оценку человеком своей самореализации с точки зрения пика потенциальных возможностей [27].

Концепция значимой профессиональной деятельности [25] представляет собой подход, изучающий восприятие ценности и нахождение человеком смысла в выполняемой профессиональной деятельности. При этом оценка производится по трём направлениям: самореализация в вы-

бранной профессии, значимость деятельности и общественная полезность выполняемой деятельности. Обзор эмпирических исследований показал, что на воспринимаемую значимость профессиональной деятельности оказывают влияние саморегуляция [22; 23], профессиональная идентификация [24], приверженность карьере [29], а также соответствие роли и деятельности в профессии [28].

Отдельный интерес представляет рассмотрение видов самореализации. Учёные, занимающиеся данной проблематикой, выделяют профессиональную, творческую, социальную, личностную самореализацию и даже самореализацию в брачных отношениях. Однако, одной из ключевых проблем в современной психологии является соотношение личностной и профессиональной самореализации.

Под профессиональной самореализацией (с позиции процессного подхода) понимается сознательный, целенаправленный процесс раскрытия собственного потенциала и опредмечивания сущностных сил личности в её профессиональной деятельности. При этом критериями успешности самореализации в профессии может являться как карьерный рост, так и удовлетворённость трудом и признание в профессиональном кругу.

Личностная самореализация определяется как совпадение (или гармоничное сочетание) желаемых и достигнутых целей и ценностей, а также эмоциональная стабильность, связанная с достижением (или приближением) к жизненно важным смыслам и ценностям ближайшего окружения.

Анализ литературы позволил выделить два различных подхода к понима-

нию соотношения профессиональной и личностной самореализации:

1. В рамках первого подхода личностная самореализация изучается отдельно от профессиональной. В центре внимания данных исследований находятся тенденции и качественные особенности личностной самореализации [15; 17].

2. Второй подход базируется на предположении о взаимосвязи и взаимозависимости профессионального и личностного аспектов самореализации. Предполагается, что деятельность (в частности, профессиональная) и личностная самореализация, не кардинально противоположны, а выступают как два взаимосвязанных процесса, которые в совокупности определяют возможность самореализации субъекта в целом [13; 19].

Таким образом, сравнение подходов к изучению самореализации личности в отечественной и зарубежной литературе позволило выявить ряд различий концептуального характера, а именно: отсутствие единой концепции, разрозненность теоретических оснований при выделении подходов, рассмотрение личностной и профессиональной самореализации как отдельных категорий. В то же время в научных кругах нет единого мнения относительно различения отдельных видов самореализации и исследования их взаимосвязи.

В настоящее время всё отчётливее наблюдается тенденция, связанная с критическим переосмыслением методологических принципов анализа проблемы самореализации личности. Так, авторы указывают на дефицит «личностного фактора» в исследованиях по проблеме профессионального развития. В связи с этим становятся особен-

но актуальными личностно-профессиональный, акмеологический подходы [1; 16; 18], рассматривающие профессиональное развитие в единстве с развитием личности.

Исходя из вышесказанного, нам видится перспективной идея о существовании взаимосвязи между личностным и профессиональным аспектом самореализации. Действительно, зачастую значимые достижения в профессии не соотносятся с истинными ценностными установками личности, вследствие чего возникает профессиональный кризис [20; 21]. В то же время есть все основания полагать, что достижение самореализации выступает необходимым условием профессиональной успешности личности [10], а удовлетворённость профессиональной деятельностью и самореализация в профессии в современных исследованиях рассматриваются как ключевые, интегральные показатели, позволяющие составить обобщённую оценку личностного развития.

Теоретическая модель личностно-профессиональной самореализации личности

Опираясь на положение о сопряжённости личностного и профессионального становления [1; 18], а также основываясь на трудах исследователей самореализации в рамках системного подхода [14], нами предложен конструкт *личностно-профессиональная самореализация*, который определяется как интегральная характеристика личности, включающий в структурную организацию совокупность оценочно-целевой, ресурсной, деятельностной и эмоциональной составляющих, обеспечивающих интеграцию личност-

ных ресурсов с профессиональными условиями деятельности, сопровождающееся с ощущением удовлетворённости жизнью.

Полисистемная модель самореализации личности С. И. Кудинова [14], структурно-функциональная модель Л. А. Коростылевой, а также модель профессиональной самореализации личности Е. А. Гавриловой [3] могут служить основой для выделения компонентов, или единиц анализа, личностно-профессиональной самореализации как самостоятельного конструкта. Объективно наблюдаемые личностные образования и профессиональные характеристики, взятые в системном рассмотрении, могут раскрываться в следующих компонентах личностно-профессиональной самореализации:

1) оценочно-целевой компонент интегрирует цели, ценности, мотивы и побуждения в общую ценностно-смысловую концепцию жизненного пути;

2) ресурсный компонент объединяет устойчивые индивидуальные характеристики саморегуляции и самосознания;

3) деятельностный компонент включает в себя основные аспекты проявления самореализации в профессии, что выражается в карьерном успехе, профессиональной идентичности, удовлетворённости трудом;

4) эмоциональный компонент выражается в позитивном психоэмоциональном настрое, радости и удовлетворении от процесса и результатов собственной деятельности, проявлении эмоциональной толерантности к временным профессиональным неудачам и трудностям.

Разработка теоретической модели личностно-профессиональной самореализации предполагает понимание факторов, оказывающих влияние на личностно-профессиональную самореализацию, а также понимание критериев, свидетельствующих об успешности личностно-профессиональной самореализации.

Мы можем говорить о том, что личностно-профессиональная самореализация детерминирована внешними и внутренними факторами. К объективным факторам относятся: культурные, социальные, экономические, демографические, физиологические. Иными словами, внешние факторы обеспечивают востребованность личности и наличие условий для её успешной самореализации как в личной, так и профессиональной сферах. Внутренние факторы образуют группы субъектно-личностных и профессиональных качеств, детерминиру-

ющих позитивную направленность процесса личностно-профессиональной самореализации.

В качестве критериев успешности личностно-профессиональной самореализации мы предполагаем использовать следующие:

1) профессиональная идентичность. Данный критерий позволяет оценить результат активного рефлексивного процесса, отражающий подлинные представления субъекта о себе, собственном пути профессионального развития;

2) удовлетворённость жизнью, или шкала субъективного счастья. Данный критерий позволяет оценить эмоциональное переживание собственной жизни как целого, отражающее психологическое благополучие человека.

Графически представить теоретическую модель личностно-профессиональной самореализации можно следующим образом (рис. 1).

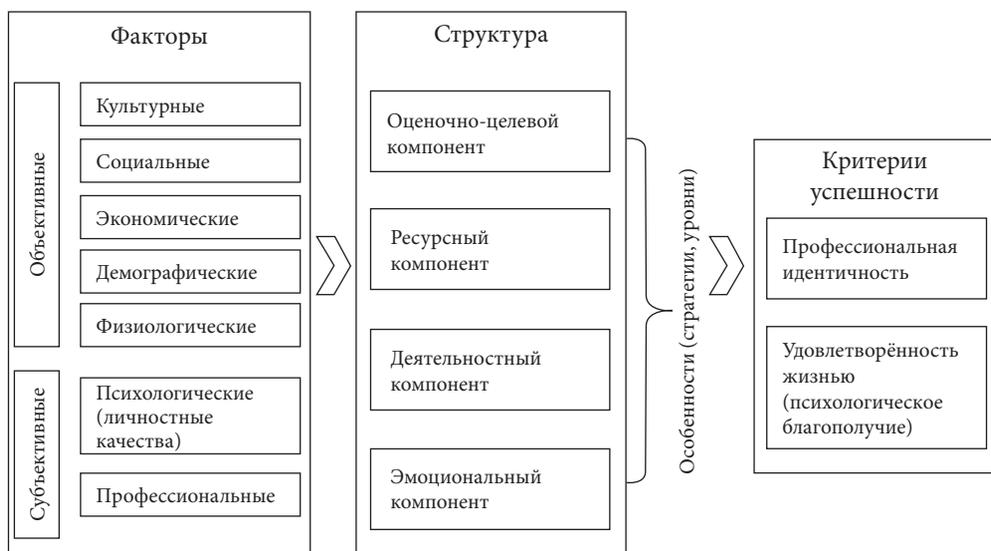

Рис. 1 / Fig. 1. Теоретическая модель личностно-профессиональной самореализации / Theoretical model of personal and professional self-realization

Источник: данные авторов

Основанием модели служит системный подход и принцип детерминизма. Мы предполагаем, что системное рассмотрение факторов личностно-профессиональной самореализации личности позволит выявить её предикторы, а специфическое сочетание факторов и структурных компонентов позволит выделить особенности личностно-профессиональной самореализации.

Теоретическая модель включает следующие элементы. В центре модели находятся компоненты личностно-профессиональной самореализации – это специфические сочетания характеристик ценностно-смысловой (цели, мотивы), ресурсной (саморегуляция, самосознание), деятельностной (карьера, признание) и эмоциональной сфер, которые в значительной мере определяют особенности (уровни, стратегии, виды) личностно-профессиональной самореализации. В качестве факторов выступают демографические переменные (пол, возраст, уровень образования), физиологические (уровень физического здоровья), социальные (семейный статус, профессия), экономические (экономические аттитюды и активность), психологические (жизненные ценности) и профессиональные (карьерный успех, признание) факторы. Критериями успешности личностно-профессиональной самореализации, согласно модели, являются достигнутая профессиональная идентичность и удовлетворённость жизнью как показатель психологического благополучия личности.

Предложенная модель личностно-профессиональной самореализации носит гипотетический характер и подлежит верификации в эмпирическом исследовании.

Заключение

В рамках данной статьи проведено обоснование необходимости разработки модели личностно-профессиональной самореализации как инструмента оценки степени реализации личностных ресурсов в профессиональной деятельности, а также меры соответствия значимых достижений в профессиональной деятельности ценностным установкам личности.

Теоретическое обобщение подходов к исследованию самореализации как в отечественной психологии, так и в зарубежной, позволило сделать вывод о существовании противоречия: с одной стороны, феномен самореализации является фокусом исследовательского интереса большого круга специалистов, имеется большой массив проработанных концепций и теорий, с другой стороны, данные теории имеют различия концептуального характера, затрудняющие их применение на практике.

Одной из ключевых проблем является рассмотрение личностной и профессиональной самореализации как отдельных категорий. В то же время, нам видится перспективной идея о существовании взаимосвязи между личностным и профессиональным аспектом самореализации. Эта идея положена нами в основание разработки модели личностно-профессиональной самореализации.

Под *личностно-профессиональной самореализацией* мы понимаем интегральную характеристику личности, включающую в структурную организацию совокупность оценочно-целевой, ресурсной, деятельностной и эмоциональной составляющих, обеспечивающих интеграцию личностных ресур-

сов с профессиональными условиями деятельности, критерием успешности которой является ощущение удовлетворённости жизнью.

Основываясь на системном подходе и принципе детерминизма, мы разработали теоретическую модель личностно-профессиональной самореализации, которая может послужить основой для оценки степени соответствия характеристик профессионального развития ценностным установкам и ресурсам личности. Данный аспект является значимым в контексте рассмотрения современных тенденций развития личности, когда наибольшую значимость приобретает не наличие профессиональной квалификации, а уровень личностного потенциала к овладению конкретной профессией, обуславливающий возможность прогнозирования индивидуальной траектории личностного развития.

Разработанная модель обладает рядом достоинств. Практически все её структурные элементы могут быть исследованы с применением существующих валидных методик, что, вероятно, облегчит её эмпирическую проверку. Так, для верификации оценочно-смыслового компонента мы предполагаем использовать Тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева, Шкалу удовлетворённости жизнью Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осиной, для ресурсного компонента – Тест жизнестойкости Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой,

Опросник волевого самоконтроля А. Г. Зверкова, Е. В. Эйдмана, Дифференциальный тест рефлексии Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина и другие.

Кроме того, эмпирические исследования на основе данной модели могут позволить выявить преобладающие стратегии личностно-профессиональной самореализации и стать основой для разработки прогноза успешности развития личности в данном аспекте. Инструментом такого прогноза может выступить исследование предикторов личностно-профессиональной самореализации, что в свою очередь имеет важное значение для решения таких прикладных задач, как профессиональный отбор, психологическое и профессиональное консультирование, построение программ психопрофилактики кризисов развития и многих других важных прикладных аспектов, направленных на повышение эффективности жизнедеятельности и поддержание психологического благополучия человека.

Дальнейшая работа будет продолжена в направлении эмпирической верификации модели личностно-профессиональной самореализации и её последующей адаптации с учётом специфики профессиональной группы педагогов-психологов, на которой планируется выполнить основное исследование.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодаев А. А. Акме-эффект личностного осуществления в процессе социализации и индивидуализации взрослого человека // Мир психологии. 1998. № 1 (13). С. 59–65.
2. Веряскина А. Н. Самореализация человека в контексте устойчивого развития // Евразийское научное объединение. 2019. № 5-6 (51). С. 377–380.
3. Гаврилова Е. А. Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной

- самореализации»: разработка, описание и психометрия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 3. С. 19–34.
4. Горская Г. Б., Фомиченко Н. Г. Проблема раскрытия личностных ресурсов самореализации (на примере спортсменов высокой квалификации) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 303–306.
 5. Григорьева А. А. Проблема соотношения и взаимодействия профессиональной самоактуализации и профессиональной самореализации личности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 166–174.
 6. Дементий Л. И. Субъектность как фактор личностного развития на этапе самореализации // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 68–78.
 7. Деркач А. А., Сайко Э. В. Самореализация – основание акмеологического развития: монография. Воронеж: МОДЭК, 2010. 224 с.
 8. Дружинина С. В. Ресурсная роль интеллекта и креативности в самореализации подростков старшего возраста // Акмеология. 2015. № 4. Т. 56. С. 66–71.
 9. Егорычева И. Д. Самореализация: сущность, детерминанты, этапы становления в онтогенезе // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: монография. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 169–181.
 10. Зеер Э. Ф. Самореализация человека в возрасте поздней зрелости как предиктор обеспечения профессиональной деятельности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 4 (201). С. 100–114.
 11. Зобов Р. А., Келасев В. Н. Самореализация человека: введение в человекознание. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. 280 с.
 12. Козлова Т. З. Самореализация личности по возрастным интервалам (на примере современных россиян) // Социология и жизнь. 2017. № 3. С. 63–69.
 13. Костакова И. В., Белоусова (Григорьева) С. С. Психологическая основа профессиональной самореализации личности // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 84–89.
 14. Кудинов С. И., Кудинов С. С. Системный подход в исследовании самореализации личности // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 138–143.
 15. Кулагина И. В. Исследование особенностей самореализации личности в среднем возрасте // Концепт. 2020. № 3. С. 101–107.
 16. Манжос Л. В. Интегративно-ресурсный подход к процессу личностно-профессиональной самореализации педагога // Kant. 2020. № 1 (34). С. 290–294.
 17. Плотникова Е. С., Гордеева В. В. Гендерные различия самореализации и самоактуализации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 358–362.
 18. Реан А. А. Психология личности: социализация, поведение, общение. М.: АСТ, 2007. 407 с.
 19. Сизова Л. А. Влияние пространства самореализации на становление профессиональной идентичности медицинской сестры // Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всероссийской психологической научно-практической конференции / Майкоп, 03–04 января 2014 года / под ред. В. В. Знакова. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2014. С. 183–185.
 20. Садовникова Н. О. Психологические механизмы переживания профессионального кризиса личности. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2018. 105 с.

21. Сыманюк Э. Э. Жизнеспособность как предиктор конструктивного профессионального развития // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 525–537.
22. Солодникова И. В. Самореализация взрослых людей: возрастная и гендерная специфика // *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН / Архангельск, 07–10 сентября 2017 года*. Архангельск: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 193–201.
23. Allan B. A., Autin K. L., and Duffy R. D. Self-determination and meaningful work: exploring socioeconomic constraints // *Frontiers in Psychology*. 2016. № 7 (71). URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 25.02.22).
24. Bunderson J., Thompson J. The call of the wild: zookeepers, callings, and the double-edged sword of deeply meaningful work // *Administrative Science Quarterly*. 2009. № 54. Pp. 32–57.
25. Lepisto D. A., Pratt M. G. Meaningful work as realization and justification toward a dual conceptualization // *Organization Psychology Review*. 2017. № 7. Pp. 99–121.
26. Roessler B. Meaningful work: arguments from autonomy // *Journal of Political Philosophy*. 2012. № 20. Pp. 71–93.
27. Ryff C. D. Well-Being With Soul: Science in Pursuit of Human Potential // *Perspectives on Psychological Science*. 2018. Vol. 2. № 13. P. 242–248.
28. Schnell T., Hüge T., Pollet E. Predicting meaning in work: theory, data, implications // *Journal of Positive Psychology*. 2013. № 8, Pp. 543–554.
29. Steger M. F. “Experiencing meaning in life – Optimal functioning at the nexus of well-being, psychopathology, and spirituality,” in *The Human Quest for Meaning // Theories, Research, and Applications*. New York: Routledge. Pp. 165–184
30. Waterman A. S. Predicting the Subjective Experience of Intrinsic Motivation: the roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. № 11. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 22.02.22).

REFERENCES

1. Bodalev A. A. [Acme-effect of personal implementation in the process of socialization and individualization of an adult]. In: *Mir psihologii* [World of Psychology], 1998, no. 1 (13), pp. 59–65.
2. Veryaskina A. N. [Human self-realization in the interests of broad development]. In: *Evrasijskoe nauchnoe ob'edinenie* [Eurasian scientific association], 2019, no. 5-6 (51), pp/ 377–380.
3. Gavrilova E. A. [Psychodiagnostic technique “Type and level of professional self-realization”: development, description and psychometry]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and psychology], 2015, no. 3, pp. 19–34.
4. Gorskaya G. B., Fomichenko N. G. [The problem of identifying personal resources of self-realization (to improve athletes of the highest qualification)]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 22, pp. 303–306.
5. Grigor'eva A. A. [The problem of correlation and combination of professional self-actualization and professional self-realization of the individual]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2015, no. 3, pp. 166–174.
6. Dementij L. I. [Subjectivity as a factor of personal development in the direction of self-realization]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika*.

- Psihologiya. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2020, vol. 26, no. 2, pp. 68–78.
7. Derkach A. A., Sajko E. V. *Samorealizaciya – osnovanie akmeologicheskogo razvitiya: monografiya* [Self-realization – the basis of acmeological development: monograph]. Voronezh: MODEK Publ., 2010. 224 p.
 8. Druzhinina S. V. [Resource role of intellect and creativity in the self-realization of older adolescents]. In: *Akmeologiya* [Akmeology], 2015, no. 4, vol. 56, pp. 66–71.
 9. Egoricheva I. D. [Self-realization: essence, determinants, stages of formation in ontogenesis]. In: *Psihologiya i pedagogika XXI veka: teoriya, praktika i perspektivy: monografiya* [Psychology and pedagogy of the XXI century: theory, practice and perspectives: monograph]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2015, pp. 169–181.
 10. Zeer E. F. [Self-realization of a person at the age of late maturity as a predictor of professional doing]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture], 2020, vol. 26, no. 4 (201), pp. 100–114.
 11. Zobov R. A., Kelas'ev V. N. *Samorealizaciya cheloveka: vvedenie v chelovekoznanie* [Human self-realization: an introduction to human knowledge]. Saint Petersburg, Petersburg State University Press, 2001. 280 p.
 12. Kozlova T. Z. [Personality self-realization by age intervals of Russians]. In: *Sociologiya i zhizn'* [Sociology and life], 2017, no. 3, pp. 63–69.
 13. Kostakova I. V., Belousova (Grigor'eva) S. S. [Psychological basis of professional self-realization of personality]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [Natural psychological journal], 2014, no. 3 (15), pp. 84–89.
 14. Kudinov S. I., Kudinov S. S. [A systemic approach to the study of personality self-realization]. In: *Rossijskij nauchnyj zhurnal* [Russian scientific journal], 2015, no. 2 (45), pp. 138–143.
 15. Kulagina I. V. [Study of the characteristics of personality self-realization in middle age]. In: *Koncept* [Concept], 2020, no. 3, pp. 101–107.
 16. Manzhos L. V. [Integrative-resource approach to the process of personal and professional self-realization of a teacher]. In: *Kant*, 2020, no. 1 (34), pp. 290–294.
 17. Plotnikova E. S., Gordeeva V. V. [Gender differences in self-realization and self-actualization]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2020, vol. 9, no. 2 (31), pp. 358–362.
 18. Rean A. A. *Psihologiya lichnosti: socializaciya, povedenie, obshchenie* [Psychology of personality: socialization, behavior, communication]. Moscow, AST Publ., 2007. 407 p.
 19. Sizova L. A. [Changing the space of self-realization for the formation of a professional identity of a nurse]. In: Znakov V. V., ed. *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti: materialy Vserossijskoj psihologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferencii / Majkop, 03–04 yanvarya 2014 goda* [Personal identity: challenges of our time: materials of the All-Russian psychological scientific and practical conference / Maykop, January 03–04, 2014]. Maykop, Adyghe State University Publ., 2014, pp. 183–185.
 20. Sadovnikova N. O. *Psihologicheskie mekhanizmy perezhivaniya professional'nogo krizisa lichnosti* [Psychological phenomena of professional growth of personality]. Yekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2018. 105 p.
 21. Symanyuk E. E. [Viability as a predictor of constructive professional development]. In: *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [Human viability: features, professional and social aspects]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 525–537.

22. Solodnikova I. V. [Self-realization of adults: age and gender specific]. In: *Sila slabyh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem: Materialy Desyatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN / Arhangel'sk, 07–10 sentyabrya 2017 goda* [Strength of the weak: Gender aspects of mutual assistance and leadership in the past and present: Proceedings of the Tenth International Scientific Conference of RAIJI and IEA RAS / Arkhangelsk, September 07–10, 2017]. Arkhangelsk, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay RAN Publ., 2017, pp. 193–201.
23. Allan B. A., Autin K. L., and Duffy R. D. Self-determination and meaningful work: exploring socioeconomic constraints. In: *Frontiers in Psychology*, 2016, no. 7 (71). Available at: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 25.02.22).
24. Bunderson J., Thompson J. The call of the wild: zookeepers, callings, and the double-edged sword of deeply meaningful work. In: *Administrative Science Quarterly*, 2009, no. 54, pp. 32–57.
25. Lepisto D. A., Pratt M. G. Meaningful work as realization and justification toward a dual conceptualization. In: *Organization Psychology Review*, 2017, no. 7, pp. 99–121.
26. Roessler B. Meaningful work: arguments from autonomy. In: *Journal of Political Philosophy*, 2012, no. 20, pp. 71–93.
27. Ryff C. D. Well-Being With Soul: Science in Pursuit of Human Potential. In: *Perspectives on Psychological Science*, 2018, vol. 2, no. 13, pp. 242–248.
28. Schnell T., Hüge T., Pollet E. Predicting meaning in work: theory, data, implications. In: *Journal of Positive Psychology*, 2013, no. 8, pp. 543–554.
29. Steger M. F. “Experiencing meaning in life – Optimal functioning at the nexus of well-being, psychopathology, and spirituality,” in *The Human Quest for Meaning*. In: *Theories, Research, and Applications*. New York, Routledge Publ., pp. 165–184
30. Waterman A. S. Predicting the Subjective Experience of Intrinsic Motivation: the roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, vol. 29, no. 11. Available at: <https://journals.sagepub.com> (accessed: 22.02.22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каткало Ксения Дмитриевна – аспирант кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: katkaloksenia@mail.ru;

Печеркина Анна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, директор департамента психологии, заведующий кафедрой педагогики и психологии образования Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: 79apa@mail.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ksenia D. Katkalo – Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Psychology of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; e-mail: katkaloksenia@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-9473>

Anna A. Pecherkina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Director of the Department of Psychology, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; e-mail: 79apa@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2261-2505>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Каткало К. Д., Печеркина А. А. Теоретическая модель личностно-профессиональной самореализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 6–19.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-6-19

FOR CITATION

Katkalo K. D., Pecherkina A. A. Theoretical model of personal and professional self-realization. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 6–19.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-6-19

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-20-35

ЛИЧНОСТНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОСОЗНАНИЯ САМООБМАНА КЛИЕНТОМ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Каяшева О. И.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – выявление особенностей личностной рефлексии как механизма осознания самообмана клиентом в экзистенциально-ориентированном консультировании.

Процедура и методы. На основе теоретического анализа и обобщения исследований отечественных и зарубежных авторов уточнены понятия самообмана и личностной рефлексии, определено место личностной рефлексии в экзистенциальном консультировании как метода работы с самообманом клиентов.

Результаты. Выявлены основные характеристики, причины и последствия самообмана для клиентов в практике психологического консультирования, трудности, возникающие при работе с самообманом, возможности использования личностной рефлексии в обнаружении противоречий у клиента в представлениях о самом себе, о роли Других в возникновении психологических проблем у клиента, принятия ответственности за свою жизнь и осуществление выбора среди альтернатив. Отмечено, что личностная рефлексия в экзистенциальном подходе является средством разграничения истинного и неистинного бытия клиента, Я-реального и Я-фальшивого. Самообман раскрывается как неотъемлемая часть бытия человека и результирующий компонент индивидуального опыта и взаимодействия ряда защитных механизмов, выполняющих функции снижения уровня экзистенциальной тревоги и страхов, возникающих в связи со встречами с конечными данностями существования.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье предложен краткий анализ феноменов личностной рефлексии и обмана. Выявлены возможности личностной рефлексии как механизма осознания самообмана клиентом в экзистенциально-ориентированном консультировании.

Ключевые слова: самосознание, рефлексия, самопознание, самопонимание, обман, экзистенциализм, защитные механизмы

PERSONAL REFLECTION AS A MECHANISM OF SELF-DECEPTION AWARENESS BY THE CLIENT IN EXISTENTIAL-ORIENTED COUNSELING

O. Kayasheva

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. Identification of the features of personal reflection as a mechanism of awareness of self-deception by the client in existentially-oriented counseling.

Methodology. On the basis of theoretical analysis and generalization of research by domestic and foreign authors, the concepts of self-deception and personal reflection are clarified, the place of personal reflection in existential counseling as a method of working with clients' self-deception is determined.

Results. The main characteristics, causes and consequences of self-deception for clients in the practice of psychological counseling, difficulties encountered when working with self-deception, the possibility of using personal reflection in detecting contradictions in the client's ideas about himself, about the role of Others in the occurrence of psychological problems in the client, taking responsibility for his life and making a choice among alternatives are revealed. It is noted that personal reflection in the existential approach is a means of distinguishing between the true and untrue being of the client, I-real and I-fake. Self-deception is revealed as an integral part of human existence and the resultant of individual experience and interaction of a number of protective mechanisms that perform the functions of reducing the level of existential anxiety and fears and arising in connection with the encounter with the ultimate realities of existence.

Theoretical and/or practical significance. The article offers a brief analysis of the phenomena of personal reflection and deception. The possibilities of personal reflection as a mechanism of awareness of self-deception by the client in existentially-oriented counseling are revealed.

Keywords: self-awareness, reflection, self-knowledge, self-understanding, deception, existentialism, defense mechanisms

Введение

Первые представления о рефлексии стали развиваться в философии, начиная с периода Античности [1; 7], затем проблема рефлексии на рубеже XIX–XX вв. была привнесена в контекст психологических исследований. Рефлексия изучалась Г. Гегелем и понималась как сложная философская категория, связанная с бытием человека. Имеющееся бытие является основой для происхождения сущности человека, но необходимо учитывать, что видимое человеку бытие и само исходное явление различны. Рефлексия спо-

собствует приданию бытию важных характеристик – определённости и качества, позволяет человеку определить себя, вернуться к самому себе и при необходимости выйти за пределы непосредственного опыта [2]. Идеи Г. Гегеля нашли продолжение в экзистенциальной философии и психологии.

В настоящее время различают различные формы, типы и виды рефлексии (по временному принципу, по форме организации и др.). Личностная рефлексия – одна их форм рефлексии, способствующая обращению к самому себе, интеграции личности, обеспе-

чению процессов самопознания (и на этой основе – пониманию человеком самого себя), разрешения внутренних противоречий и структурированию значимых смыслов [8]. Рефлексия (и одна из её форм – личностная рефлексия) необходима для самоорганизации и организации внутренних и внешних миров, существующих для человека, осуществления процессов перехода за границы и возвращения к самому себе [2]; осуществления функции коммуникации, помимо самоорганизации и саморегуляции человека в мире; сосредоточения на самом себе и овладения самим собой как предметом, для познания самого себя и знания и того, что знаешь; достижения индивидуализации и через сосредоточивание на самом себе обретение способности к развитию в новой сфере (искусстве, науке и др.) [4].

В экзистенциальной психологии и психотерапии личностная рефлексия понимается как метод открытия глубинного содержания конечных данностей (смерти, свободы, изоляции и бессмысленности), с которыми встречается человек. Необходимость применения личностной рефлексии актуализируется при конфронтациях субъекта с конечными данностями, в том числе в сложных условиях получения экстремального опыта (угрозы жизни, здоровью и др.). Способствуют процессам познания самого себя одиночество, молчание, наличие времени и освобождение личного опыта от отвлечений [17].

Личностная рефлексия как сложный многокомпонентный психологический феномен в экзистенциальном подходе приобретает значение метода, определяющего подлинное и неподлинное

бытие для человека, ставит вопросы о том, кем и каким действительно является человек в контексте подлинного бытия, какое место он занимает в мире сложных социальных отношений, требующих от человека соответствия определённым требованиям (бытие-для-другого) и в реальном мире (как объективно существующем феномене вне зависимости от самого человека и других людей). На границе взаимодействия человека с миром, с другими людьми появляется осознание самого себя, что способствует интеграции, обеспечению целостности человека [8; 15].

Обман (и одна из его распространённых форм, обнаруживаемых в процессе психологического консультирования, – самообман) неотъемлемая составляющая бытия. Обман стал предметом изучения в античной философии Платона, Аристотеля, Сократа и др. С начала зарождения экзистенциализма проблема обмана привлекла внимание С. Кьеркегора, позже – М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, И. Ялома и др. [9; 12; 14; 17]. М. Хайдеггер полагал, что обман постоянно и неотъемлемо присутствует в нашем бытии [14]. Обман сложен по структуре и включает действие и результат. Основные средства, противостоящие обману, – проверка и критичность по отношению к себе и другим [5].

Под внешним, иллюзорным скрывается истинная природа объекта, но нельзя отрицать, что и сама видимость относится к одним из многообразных проявлений сущности бытия. Человеческая реальность динамична, не константна, что приводит к несопадениям у человека с самим собой,

к возникновению различных противоречий. Существование человека связано с самообманом. Обманывающий самого себя полагает, что его трудности непреодолимы, но при этом символические действия человека остаются истинными и позволяют обманщику осознать себя обманутым самим собой. Пребывание в самообмане удовлетворяет различные желания человека (в свободе, безопасности и др.), скрывает то, что может страшить, тревожить, унижить и др. [12].

Самообман приводит к двусмысленности, нарушению координации между свойствами фактичности и трансцендентности бытия; субъект в результате этого не может ответить для себя на вопрос о том, чем он является и чем не является. Двойственность бытия человека выступает дополнительным инструментом самообмана и обнаруживается в бытие-для-себя и бытие-для-другого. Распадающийся синтез бытия и стремление человека к бегству от возникших трудностей приводят к отстранению от такой универсальной ценности как искренность. Самообман существует, когда человеком не достигнута какая-либо цель, и он не осознаёт то, чем сущностно является. В результате человек представляется не тем, что он есть, его бытие не реально, не истинно. Основными характеристиками самообмана становятся отход от критичности мышления, присутствие «неубедительной очевидности», основывающейся только на вере, желаниях человека, но не на истине [12].

Во лжи (как сознательном искажении истины посредством умолчания и искажения [16]) и обмане (действиях, способствующих заблуждению других, или ложных убеждениях), приводя-

щих к неверному восприятию бытия, проявляется человеческая свобода. Субъект осуществляет свой выбор, совершая обман. При самообмане как форме обмана сделанный выбор часто не осознаётся человеком. Ложь противоположна истине, но не абсолютно антагонистична ей [11]. Обман возможен не только в собственных интересах, но и в интересах других людей, в альтруистических целях [19]. Соответственно результаты совершенного обмана (и самообмана) могут иметь различные последствия для человека и других людей.

Термин «самообман» часто заменяется на категорию психологических защитных механизмов (вытеснения, проекции, отрицания и т. д.) [3; 5; 20] и др. Самообман может пониматься как способ рационализации и результат возникшего когнитивного диссонанса в ситуации выбора между различными возможностями. Человек либо отрицает возможность выбора и тем самым снимает с себя ответственность, либо придерживается убеждения, что действует «во благо» жертве (проявление «ложного альтруизма» для оправдания своих негативных действий для других людей и самого себя) [10].

В экзистенциальном подходе проблема неподлинного бытия и обмана является одной из важных в процессе консультативной и психотерапевтической работы. Самообман становится для клиента средством, помогающим справиться с психотравмирующими факторами. Искажение информации, вера в «истинность» ложной информации, построение фальшивого Я личности и иллюзия собственной жизни – его основные результаты. Самообман, как правило, произволен и не пред-

полагает критичного осознания информации о себе, других людях и трудной ситуации. В то же время отмечаются исследования, в которых показано, что самообман возможен в результате преднамеренных действий со стороны обманывающего себя [23].

Самообман основывается на вере в несуществующие явления для удовлетворения человеком своих желаний; способствует экономии когнитивных ресурсов и снижает когнитивную нагрузку в межличностной коммуникации как специфическая стратегия взаимодействия между людьми. Склонность к самообману чаще проявляется у людей с высокой когнитивной нагрузкой, поскольку из-за ограниченного объёма когнитивных ресурсов они пытаются уменьшить данную нагрузку с помощью самообмана [21].

Человек избегает встречи с подтверждениями существования самообмана и акцентирует внимание только на желательных «доказательствах», предполагающих двусмысленность и, соответственно, оставляющих место для ошибок и искажений. Самообман эволюционно появился как помощь для обмана других, поскольку человек, обманувший самого себя, не демонстрирует явных признаков лжи [18; 25]. Самообман необходим для выживания в обществе и обнаруживается с периода раннего детства, он следствие привязанностей, страхов отвержения и непризнания ребёнка, необходимости утверждения себя среди других людей и предрассудков окружающих взрослых [24; 26].

Самообман часто способствует кратковременному повышению самооценки, завышению своих результатов в учебной, профессиональной деятель-

ности и др. Самообман может корректироваться при наличии обратной связи со стороны других людей [18], в том числе, психолога или психотерапевта.

Позитивные ложные иллюзии (иллюзии контроля, превосходства, нереалистического оптимизма и др.) и убеждения человека способствуют поддержанию физического и психического здоровья, но при этом формируют нереалистично оптимистичные прогнозы. Жизненный опыт человека, определённый этап возрастного развития, который он проходит, условия текущей ситуации, последствия психотравмы и др. обуславливают особенности прогнозирования будущего – реалистичного или ложного [26]. В связи с особенностями функционирования лобных долей головного мозга обмануть человеку самого себя практически невозможно, т. е. самообман приводит к рассогласованию внутреннего мира человека [13].

Самообман характерен для клиентов, страдающих аддикциями, и связан с негативными установками (например, алкогольной установкой). При жёсткой фиксации человека на психотравмирующем опыте выявляется суицидальная установка, не позволяющая человеку осознать существование различных модальностей бытия. Самообман также понимается как особый внутренний диалог, в котором в одном лице представлены обманывающий и обманываемый, что существенно затрудняет осознание заблуждений. Критичность чаще проявляется при манипуляции со стороны других людей в адрес субъекта, чем со стороны субъекта в адрес самого себя [3].

В экзистенциальном консультировании анализ самообмана необходим

при встрече клиента с конечными данностями бытия [17]. Самообман – это реальное психологическое явление и особая реакция человека на конфронтацию с самим собой. Основой для самообмана может стать нарциссическая самопроецирующая реакция личности [20].

Способы самообмана – выборочное внимание и пристрастное объяснение произошедших событий (обвинение других при неудаче и пр.) [3]. Критериями самообмана являются наличие у человека двух противоречащих друг другу убеждений, представленных одновременно, отсутствие осознания того, что индивид придерживается одного из убеждений; неосознанность и осознанность убеждения мотивированы самим человеком [20]. Причины самообмана заключаются в вере человека в ложные убеждения без подтверждения, в наличие ложных знаний, связанных с не критичным восприятием информации, личностные особенности, способствующие самообману (неадекватно завышенная или заниженная самооценка, тревожность и др.). Длительный самообман приводит к жизни в альтернативной реальности, отличной от истинного бытия, обманываясь сам, человек начинает обманывать других.

Обнаружить самообман и устранить его субъекту сложно, поскольку необходимы достаточные знания о психике человека и о защитных механизмах, способность встретиться с реальностью (истинным бытием), несмотря на собственные страхи, экзистенциальную тревогу и др. При самообмане очевидна способность человеческого разума создавать одновременно различные противоречащие друг другу

концепции (форма обособления, проявляющаяся в феномене «логиконепроницаемой перегородки»). Глубокая рефлексия способствует осознанию субъектом степени его ответственности и осмыслению моральных поступков других людей с учётом собственных слабостей и обстоятельств произошедшего [6].

Личностная рефлексия – динамическое образование, осмыслить которое до конца невозможно. Попытка «окончательного» осмысления приводит к противоречиям, характерные для экзистенциального подхода. Феномен не познаваем, мы можем только наблюдать его проявления при непосредственном взаимодействии с клиентом на сессиях в процессе психологического консультирования, но в то же время личностная рефлексия становится важным инструментом самопознания человеком самого себя и изменения представлений о себе с помощью других людей (психотерапевтов, психологов и др.).

Задачи исследования: выявление особенностей личностной рефлексии в контексте экзистенциально-ориентированного консультирования и основных характеристик самообмана как вида обмана; определение функций самообмана и его психологических последствий для клиента; выявление специфики использования личностной рефлексии как метода открытия глубинного содержания конечных данностей (смерти, свободы, изоляции и бессмысленности), с которыми встречается клиент.

Для достижения поставленных цели и задач нами применялись **теоретические методы исследования** – анализ, сравнение и обобщение работ отече-

ственных и зарубежных философов и психологов по проблемам личностной рефлексии и психологическим феноменам обмана и самообмана.

Процедура исследования включала 3 этапа.

На первом этапе: нами использовался теоретический анализ, обобщение и сравнение научных философских и психологических трудов по проблемам личностной рефлексии, обмана и самообмана; уточнялись представления о самообмане в экзистенциально-ориентированном подходе и о личностной рефлексии как механизме познания человеком самого себя; выявлялись основные психологические функции и последствия самообмана, связи личностной рефлексии с феноменом самообмана.

На втором этапе были выявлены возможности использования личностной рефлексии в практике экзистенциального консультирования с использованием подхода И. Ялома при работе со встречами клиента с конечными данностями существования (смертью, свободой, изоляцией и бессмысленностью). Было обращено внимание на то, что неготовность клиента к встрече с конечными данностями способствует активизации сложного механизма самообмана.

На третьем этапе исследования подводились итоги работы, оформлялись обобщающие схемы соотношений обмана и его вида – самообмана, психологических последствий самообмана и возможностей личностной рефлексии в практике экзистенциального консультирования, и решаемых с её помощью практических задач; разрабатывалась схема консультирования клиентов по проблеме самообмана (было пред-

ложено 7 этапов, включающих рефлекссию клиентом своих личностных особенностей со своей позиции, с позиции других людей (диссоциация, взгляд на себя стороны), рефлекссию противоречий между различными позициями, рефлекссию психологических причин самообмана, углублённую рефлекссию самообмана по отношению к самому себе, другим людям и окружающему миру, интеграцию личности клиента, обретение самостоятельности клиентом от значимых других (завершение сепарационных процессов) с последующим расширением возможностей в преодолении самообмана посредством личностной рефлексии), итоговые результаты и заключение по проведённой работе.

Научная новизна исследования состоит в том, что были обобщены и систематизированы представления о личностной рефлексии как механизме работы экзистенциально-ориентированного психолога-консультанта с самообманом клиента, предложена теоретическая модель обмана и самообмана как одного из видов обмана, раскрывающая характеристики данных явлений, предложены этапы работы с самообманом в экзистенциально-ориентированном консультировании.

Результаты исследования предложены нами в тексте и на рисунках 1–3.

1. В ряде зарубежных исследований акцентируется внимание на позитивных аспектах самообмана для личности (снижение уровня тревоги, негативных переживаний вследствие полученного травматического опыта и др.). В практике психологического консультирования обнаруживается, что самообман представляет собой не только позитивные, но и негативные

Обман

Направленность - на других; на себя (при самообмане).

Основная цель: преднамеренное скрытое воздействие на других лиц (воздействие на самого себя при самообмане) для введения их в заблуждение.

Признаки: обманывающий знает о том, что передаваемые убеждения ложны; отмечается намерение ввести в заблуждение другого; чаще используются реальные факты (при применении лжи, являющейся частью обмана, недостоверные факты) [6]; неконгруэнтное поведение, "утечки" (оговорки, микровыражения и др.) [13], невербальная информация об обмане (паузы, дыхание, темп речи, цвет кожных покровов и др.) [16].

Основные причины: получение материальной и/ или психологической выгоды, защита, характерологические особенности обманщика и др.

Виды обмана: самообман, альтруистический обман, лесть, патологический обман и др.

Последствия: адаптация и социализация (обман как один из элементов естественной коммуникации и снижения конфликтности), нанесение вреда другому, получение выгоды обманываемым, обман "во благо другому" и др.

Самообман как вид обмана

Направленность на себя; направленность на других вторична и является следствием самообмана, ложной убежденности в чем-либо; самообман возможен относительно предметов, событий, обстоятельств [5].

Причины: ложные убеждения, знания; обеспечение защиты от мира, других людей и самого себя; инфантилизм, нежелание брать ответственность за свою жизнь и др.

Признаки: двусмысленность, двойственность бытия; наличие противоречащих друг другу убеждений, представленных одновременно; некритичное отношение к своему заблуждению; неосознанность и осознанность убеждения мотивированы человеком и др.

Способы самообмана: выборочное внимание и пристрастное объяснение произошедших событий.

Последствия: искажение восприятия предметов и явлений; приводит к неистинному бытию, отказу от самого себя; поддержание позитивного или негативного образа самого себя и других (людей, организаций). Самообман требует поддержки и работы защитных механизмов, что временно улучшает эмоциональную саморегуляцию личности, но затем вызывает сложности в различных сферах личности, становится основой для развития психосоматических заболеваний и др.

Рис. 1 / Fig.1. Особенности обмана и самообмана / Features of deception and self-deception.

Психологические последствия самообмана

Фрагментация, отсутствие целостности личности, проблемы личностной идентичности, сложности - в дифференциации своего Я от Других, в построении психологических границ.

Когнитивная сфера личности: искажение жизненных смыслов; когнитивный диссонанс, негативные установки и ложные представления о себе, о других и о мире в целом и др..

Эмоционально-волевая сфера: сложности эмоционально-волевой саморегуляции, перекалывание ответственности за свою жизнь на других, склонность к обвинениям окружающих и др..

Поведенческая сфера: самообман приводит к изменению активности человека - повышению активности через погружение в различные виды деятельности (работа, учеба и др., как бегство от неразрешенных проблем), или к уходу от активности (прокрастинация, ограничение социальных контактов и др.).

Личностная рефлексия (как метод экзистенциального консультирования) и решаемые практические задачи

- Интеграция личности, обретение целостности.

- Работа с личностной идентичностью (Кто я есть и кто я не есть? Каковы моя сущность, мои реальные потребности, каковы потребности других людей? и др.)

Когнитивная сфера (обретение смысла существования, осознание своей сущности, обнаружение и рефлексия самообмана и др.). Поиск и нахождение ответов на вопросы: Каково мое место в мире? Как я взаимодействую с миром? Как мир взаимодействует со мной?

Эмоционально-волевая сфера: через принятие ответственности за свой выбор снижение уровней экзистенциальной тревоги и страха встречи с конечными экзистенциальными данностями; повышение уровня эмоционально-волевой саморегуляции.

Поведенческая сфера: активность человека осуществляется согласно его внутреннему состоянию и самостоятельно осуществленным выборам, поддержание баланса в процессе обмена, взаимодействия с другими (разграничение Я и Другой).

Рис. 2 / Fig.2. Последствия самообмана для клиента и роль личностной рефлексии в работе с самообманом / The consequences of self-deception for the client and the role of personal reflection in working with self-deception.

убеждения о себе, несмотря на наличие опровергающих доказательств. Клиент уходит с помощью самообмана от ответственности и необходимости осуществлять выбор, существовать как активный трансцендентный субъект.

2. Обманывающий себя, несмотря на отказ от принятия ответственности, всё же осуществляет специфический выбор и, следовательно, несёт ответственность за его последствия. Самообман как защита от встречи с конечными данностями останавливает развитие человека, но в то же время способствует временному снижению уровней экзистенциальной тревоги, страхов одиночества, смерти и др. Попытка уйти от ответственности выражается в нежелании клиента осознавать свои психологические проблемы, решать трудные ситуации в семейной и иных сферах. Сокрытие от самого себя информации приводит к тому, что существующая проблема не решается и ответственность перекладывается на других людей (членов семьи, коллег, психолога и др.). Возможны уход клиента от проблемы в различные виды деятельности либо отказ от активности в реальном бытии и уход в мир неистинного, иллюзорного бытия (в виртуальную реальность и др.).

3. Самообман – сложное комплексное образование, включающее результаты индивидуального опыта от встречи с реальным бытием и действие ряда защитных психологических механизмов, в совокупности приводящих к искажению восприятия самого себя, социального окружения и мира в целом.

4. Самообман – естественное психологическое явление, его негатив-

ные аспекты носят выраженный перспективный характер, т. е. в случае длительного неразрешения трудной жизненной ситуации самообман способствует активизации внутриличностных и межличностных конфликтов. Для клиента самообман – это не только возможность уйти от ответственности, но также от необходимости самопонимания и самоизменения, осуществления работы с самим собой. Самопознание в процессе психотерапевтической работы способствует сохранению психического здоровья человека [22] и позволяет устранить негативные психологические последствия самообмана.

5. Работа с самообманом клиента представляется сложным процессом и часто вызывает у специалистов негативные чувства в связи с обнаружением и осознанием зон собственной недостаточной некомпетентности. Отмеченный ракурс психологического консультирования способствует переосмыслению психологом своего опыта взаимодействия с клиентом (посредством личной психотерапии, супервизий и др.). Для специалиста конструкция самообмана клиента предоставляет дополнительные интерпретационные возможности [27].

6. Осознание самообмана способно усилить чувство вины у клиента, которое не всегда им своевременно осознаётся. Опора на факты, обнаружение несоответствий в процессе консультирования позволяет использовать как специфический метод личностную рефлексивность. Через оценку достоверности–недостоверности фактов человек начинает понимать себя настоящего, открывать свои реальные ощущения и чувства, познавать себя через отра-

жение, восприятие себя значимыми Другими.

7. Новый экзистенциальный опыт необходим человеку для его развития, обретения целостности, личностной зрелости, значимых смыслов и независимости. Экзистенциальный опыт становится основой для перехода от самопознания к самопониманию, осознанию ограничений своего существования и особенностей бытия в этом мире. Для осознания самого себя в мире и своего места в мире необходима рефлексия. Она способствует самодетерминации и самосозиданию, расширяет возможности по решению возникающих противоречий в жизни человека [12]. Обретение свободы позволяет встретиться с конечными данностями и познать себя на качественно новом уровне в этой встрече. Личностная рефлексия способствует устранению противоречия между желаемым и действительным для клиента, осознанию им границ собственной свободы в реальном бытии и объективных ограничений, связанных с эффектами «вброшенности» в этот мир.

8. При рефлексии самообмана в процессе консультирования возможна активизация защитных механизмов клиента, который, как правило, испытывает усиление страхов встречи с конечными данностями, тревоги, чувства вины и др., стремится вернуть себе прежнее состояние. Естественными становятся проявление гнева и других сильных эмоций и чувств по отношению к специалисту. Ресурсные и медитативные техники, ведение дневниковых записей, поддержка со стороны специалиста позволяют клиенту принять реальное бытие и себя подлинно-го в нем.

9. В консультативной деятельности экзистенциально-ориентированного специалиста мы выделили основные этапы работы с самообманом клиента, длительность и успешность прохождения которых связана с рядом факторов (сложности психологического запроса клиента, уровня мотивации обратившегося за психологической помощью и др.):

– на первом этапе акцентируется внимание на рефлексии клиентом представлений о своих личностных особенностях и его личностных особенностях в представлениях других людей (родителей, супруга или супруги, детей, друзей, коллег и др.);

– на втором этапе осуществляется переход к работе с самообманом клиента. Необходима рефлексия соответствия и несоответствия представлений о самом себе и представлений о клиенте других людей. Встреча с различными представлениями способствует преодолению самообмана, но в то же время она может активизировать защитные механизмы личности и желание клиента оставаться в иллюзорном бытии;

– третий этап предполагает переход к рефлексии клиентом психологических причин самообмана и его выгод (обеспечение безопасности, отказ от самостоятельности и принятия ответственности и др.) и негативных последствий для человека и других людей. Необходима рефлексия ограничений, созданных самим клиентом, в осуществлении им самостоятельного выбора и отказа от ответственности за свои решения;

– на четвертом этапе происходит принятие клиентом решения о необходимости продолжения работы с са-

мообманом в различных контекстах (самообман о себе, о других людях, об окружающем мире), если это предполагает и включает психологический запрос и заключённый психологический контракт. Осуществляется рефлексия действия защитных механизмов и по-

веденческих паттернов, приводящих к самообману. В процессе работы с самообманом клиента знакомят с различными ресурсными техниками, поскольку они становятся альтернативой самообману как специфической комплексной психологической защиты (рис. 3).

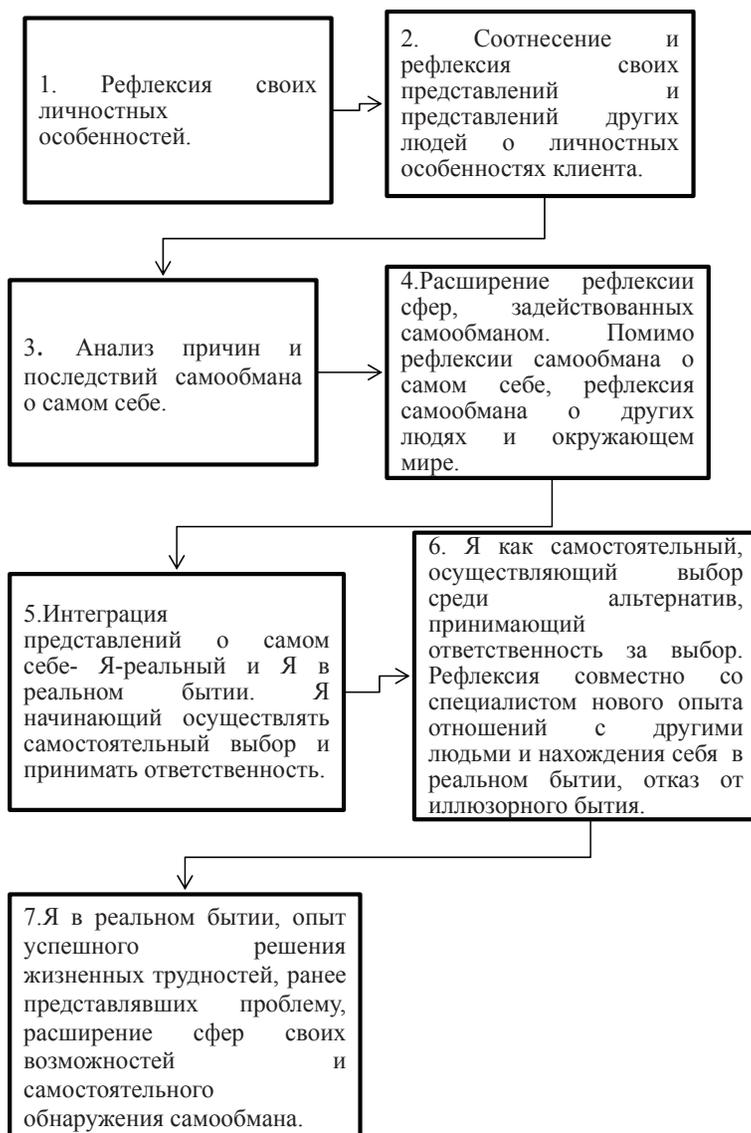

Рис. 3 / Fig.3. Схема консультативной работы с самообманом клиента / The scheme of consulting work with the client's self-deception.

В случае отказа клиента от работы проходит обсуждение возможных последствий самообмана для него и других людей, завершение консультативных сессий и мотивирование клиента на возможность возвращения к консультированию. Дополнительно предоставляются контактные данные психологических центров и специалистов;

– пятый этап работы направлен на интеграцию представлений клиента: о Я-реальном; о себе, начинающем принимать ответственность за свой самостоятельный выбор, за последующие действия и результаты; о себе, как самостоятельном субъекте, в системе межличностных отношений и в мире (в реальном бытии). Рефлексия актуализации желания клиента переложить ответственность на специалиста или значимых других (родителей, партнёра и др.), рефлексия возможных обвинений в своих проблемах других людей, проявления негативных эмоций и чувств.

– шестой этап консультативной работы предполагает самостоятельное продолжение клиентом познания самого себя посредством получения нового жизненного опыта, и взаимодействия с окружающими людьми. Рефлексия клиентом совместно со специалистом дневниковых записей, нового опыта клиента в познании самого себя и отношений с другими людьми.

– седьмой этап – завершающий. Переход на данный этап свидетельствует о возможности осуществления клиентом самостоятельной рефлексии

своего поведения в сложных жизненных ситуациях, о понимании себя на основе имеющихся знаний о самом себе и толерантности к неопределённости, готовности к осуществлению выбора и принятию на себя ответственности. Принятие реального бытия с его сопутствующими конечными данностями. Осуществление договорённости с клиентом о возможности поддержания связи посредством онлайн-переписки, записи на дополнительные консультации при возникновении новых запросов и др.

Заключение

Личностная рефлексия является одним из механизмов преодоления самообмана у клиентов в экзистенциально-ориентированном консультировании. При работе с самообманом личностная рефлексия позволяет обнаружить противоречия в представлениях клиента о самом себе (как позитивных, так и негативных), действительной и «спроецированной» роли в психологических проблемах клиента других людей, нежелании брать на себя ответственность и быть самостоятельным и др.; обнаружить возможности для личностных изменений, самопознания и самопонимания. В перспективе мы предполагаем дальнейшее изучение личностной рефлексии клиентов и механизмов самообмана, анализ случаев из практики психологического консультирования с клиентами.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Апполонова Ю. С. Экзистенциализм и постэкзистенциализм // Философские дескрипты. 2020. № 22. URL: <http://philosophdescript.ru> (дата обращения: 06.12.21).
2. Гегель Г. Наука логики / пер. Г. П. Столпнера. М.: АСТ, 2021. 960 с.

3. Гнездилов Г. В., Амелина А. А. Феномен самообмана – как иллюзия восприятия собственной реальности // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 1 (9). С. 24–26.
4. Де Шарден П. Т. Феномен человека / пер. О. С. Вайнера и Н. А. Садовского. М.: АСТ, 2012. 384 с.
5. Дубровский Д. И. Самообман // Обман. Философско-психологический анализ. М.: Реабилитация, 2010. 336 с.
6. Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 281 с.
7. Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФРАН, 2015. 189 с.
8. Каяшева О. И. Онтогенетические аспекты развития рефлексии человека: теоретический анализ проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 40–50.
9. Кьеркегор С. Или–или / пер. П. Г. Ганзена. М.: АСТ, 2021. 416 с.
10. Налчаджян А. А. Фрустрация, психологическая самозащита и характер // Защитные механизмы, самосознание и характер Т. 2. М. : А. А. Налчаджян, 2013. 560 с.
11. Разинов Ю. А. Как возможен самообман // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2004. № 1 (31). С. 15–29.
12. Сартр Ж. П. Бытие и ничто / пер. В. И. Колядко. М.: АСТ, 2020. 1072 с.
13. Спирица Е. В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца. СПб.: Питер, 2017. 272 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. Б. Б. Бибихина. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
15. Шаров А. С. Рефлексивная концепция «я» и сопряжение миров // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 39–41.
16. Экман П. Психология лжи / пер. Н. Исуповой. СПб.: Питер, 2021. 384 с.
17. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. Т. С. Дробкиной. М.: Класс, 2019. 576 с.
18. Chance Z., Gino F., Norton M. The slow decay and quick revival of self-deception // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389> (дата обращения: 21.12.21).
19. Cui F., Wu S., Wu H. Altruistic and self-serving goals modulate behavioral and neural responses in deception // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2018. № 13 (1). P. 63–71.
20. Gur R. C., Sackeim H. A. Self-Deception: a Concert in Search of a phenomenon // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. № 37 (2). P. 147–169.
21. Jian Z., Zhang W., Tian L. Self-Deception Reduces Cognitive Load: The Role of Involuntary Conscious Memory Impairment // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles> (дата обращения: 21.12.21).
22. Kramer U., Pascual-Leone A. Self-Knowledge in Personality Disorders: An Emotion-Focused Perspective // *Journal of Personality Disorders*. 2018. № 32 (3). P. 329–350.
23. Lynch K. An agentive non-intentionalist theory of self-deception // *Canadian Journal of Philosophy*. 2017. № 47 (6). URL: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 21.12.21).
24. Rochat P. Self-Deception in Development // *Moral Acrobatics: How We Avoid Ethical Ambiguity by Thinking in Black and White*. Oxford: Scholarship Online, 2021. P. 116–121.
25. Schwarzmann P., van der Weele J. Deception and Self-Deception // *Nature Human Behaviour*. 2019. № 3 (10). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 21.12.21).
26. Van der Leer L., McKay R. The optimist within? Selective sampling and self-deception // *Consciousness and Cognition*. 2017. № 50. P. 23–29.

27. Westland S., Shinebourne P. Self-deception and the therapist: an interpretative phenomenological analysis of the experiences and understandings of therapists working with clients they describe as self-deceptive // *Psychology and Psychotherapy*. 2009. № 82 (4). P. 385–401.

REFERENCES

1. Appolonova Yu. S. [Existentialism and post-existentialism]. In: *Filosofskie deskripty* [Philosophical descripts], 2020, no. 22. Available at: <http://philosophdescript.ru> (accessed: 06.12.21).
2. Hegel G. *Wissenschaft der Logik* (Rus ed.: Stolpner G. P., transl.; Gegel' G. Nauka logiki. Moscow, AST Publ., 2021. 960 p.).
3. Gnezdilov G. V., Amelina A. A. [The phenomenon of self-deception as an illusion of perceiving one's own reality]. In: *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of Ekaterininsky Institute], 2010, no. 1 (9), pp. 24–26.
4. Teilhard de Chardin P. *Le Phenomene Humain* (Rus. ed.: Vainer O. S., Sadovskii N. A., transl.; De Sharden P. T. Fenomen cheloveka. Moscow, AST Publ., 2012. 384 p.).
5. Dubrovskij D. I. [Self-deception]. In: *Obman. Filosofsko-psihologicheskij analiz* [Deception. Philosophical and psychological analysis]. Moscow, Reabilitaciya Publ., 2010. 336 p.
6. Znakov V. V. *Psihologiya ponimaniya pravdy* [Psychology of understanding the truth]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1999. 281 p.
7. Kasavina N. A. *Ekzistencial'nyj opyt v filosofii i social'no-gumanitarnyh naukah* [Existential experience in philosophy and social sciences and the humanities]. Moscow, IFRAN Publ., 2015. 189 p.
8. Kayasheva O. I. [Ontogenetic aspects of the development of human reflection: theoretical analysis of the problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 4, pp. 40–50.
9. Kierkegaard S. *Enten-eller* (Rus. ed.: Ganzen P. G., transl.; K'erkegor S. Ili-ili. Moscow, AST Publ., 2021. 416 p.).
10. Nalchadzhyan A. A. [Frustration, psychological self-defense and character]. In: *Zashchitnye mekhanizmy, samosoznanie i harakter. T. 2.* [Defense mechanisms, self-consciousness and character. Vol. 2]. Moscow, A. A. Nalchazhyan Publ., 2013. 560 p.
11. Razinov Yu. A. [How self-deception is possible]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyj vypusk* [Bulletin of Samara State University. Humanitarian Edition], 2004, no. 1 (31), pp. 15–29.
12. Sartre J.-P. *L'Être et le nyant: Essai d'ontologie phnomnologique* (Rus. ed.: Kolyadko V. I., transl.; Sartr Zp. P. Bytie i nichto. Moscow, AST Publ., 2020. 1072 p.).
13. Spirica E. V. *Psihologiya lzhi i obmana. Kak razoblachit' lzheca* [Psychology of lies and deceit. How to expose a liar]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2017. 272 p.
14. Heidegger M. *Sein und zeit* (Rus. ed., Bibihin B. B., transl.; Hajdegger M. Bytie i vremya. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2015. 460 p.).
15. Sharov A. S. [The reflexive concept of "I" and the conjugation of worlds]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research], 2017, no. 4 (17), pp. 39–41.
16. Ekman P. *Psychology of lies* (Rus ed.: Isypova I., transl.; Ekman P. Psihologiya lzhi. Saint Petersburg, Piter Publ., 2021. 384 p.).
17. Yalom I. *Existential Psychotherapy* (Rus. ed.: Drabkina T. S., transl.; Yalom I. Ekzistencial'naya psihoterapiya. Moscow, Klass Publ., 2019. 576 p.).
18. Chance Z., Gino F., Norton M. The slow decay and quick revival of self-deception. In:

- Frontiers in Psychology*, 2015, no. 6. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389> (accessed: 21.12.21).
19. Cui F., Wu S., Wu H. Altruistic and self-serving goals modulate behavioral and neural responses in deception. In: *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2018, no. 13 (1), pp. 63–71.
 20. Gur R. C., Sackeim H. A. Self-Deception: a Concert in Search of a phenomenon. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1979, no. 37 (2), pp. 147–169.
 21. Jian Z., Zhang W., Tian L. Self-Deception Reduces Cognitive Load: The Role of Involuntary Conscious Memory Impairment. In: *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles> (accessed: 21.12.21).
 22. Kramer U., Pascual-Leone A. Self-Knowledge in Personality Disorders: An Emotion-Focused Perspective. In: *Journal of Personality Disorders*, 2018, no. 32 (3), pp. 329–350.
 23. Lynch K. An agentive non-intentionalist theory of self-deception. In: *Canadian Journal of Philosophy*, 2017, no. 47 (6). Available at: <https://www.tandfonline.com> (accessed: 21.12.21).
 24. Rochat P. Self-Deception in Development. In: *Moral Acrobatics: How We Avoid Ethical Ambiguity by Thinking in Black and White*. Oxford, Scholarship Online Publ., 2021, pp. 116–121.
 25. Schwarzmann P., van der Weele J. Deception and Self-Deception. In: *Nature Human Behaviour*, 2019, no. 3 (10). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 21.12.21).
 26. Van der Leer L., McKay R. The optimist within? Selective sampling and self-deception. In: *Consciousness and Cognition*, 2017, no. 50, pp. 23–29.
 27. Westland S., Shinebourne P. Self-deception and the therapist: an interpretative phenomenological analysis of the experiences and understandings of therapists working with clients they describe as self-deceptive. In: *Psychology and Psychotherapy*, 2009, no. 82 (4), pp. 385–401.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каяшева Ольга Игоревна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета; e-mail: art1230@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8337-3704>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Kayasheva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Psychological Counseling, Moscow Region State University; e-mail: art1230@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8337-3704>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Каяшева О. И. Личностная рефлексия как механизм осознания самообмана клиентом в экзистенциально-ориентированном консультировании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 20–35. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-20-35

FOR CITATION

Kayasheva O. I. Personal reflection as a mechanism of self-deception awareness by the client in existential-oriented counseling. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 20–35. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-20-35

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-36-46

МОТИВАЦИЯ АФФИЛИАЦИИ У СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

Тарасова Е. М. Разуваева Л. Н.

Пензенский государственный университет

440026, Пензенская обл., г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация

Аннотация.

Цель – изучение некоторых характеристик коммуникативной сферы представителей поколения Z (центениалов) на фоне противоречивости и недостаточности научных знаний по проблеме.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ научных источников, позволивший обнаружить радикально различающиеся сведения о социально-психологических особенностях центениалов, предпринято локальное диагностическое исследование с применением «Теста мотивов аффилиации» А. Мехрабиана и «Теста профиля отношений» Р. Борнштейна.

Результаты. Получены данные о среднем уровне выраженности мотивации аффилиации у студентов-центениалов; обнаружены высокие показатели как нормативной, так и чрезмерной межличностной зависимости, а также некоторая тенденция к проявлениям дисфункционального отделения в межличностных контактах.

Теоретическая и/или практическая значимость: Результаты исследования **не позволяют делать вывод о** низкой тенденции к аффилиации, склонности к интровертности и эскапизму студентов Z-поколения.

Ключевые слова: поколение Z, центениалы, аффилиация, межличностная зависимость, студенты вуза

MOTIVATION OF AFFILIATION AMONG GENERATION Z STUDENTS

E. Tarasova, L. Razuvaeva

Penza State University

ul. Krasnaya 40, Penza Region, Penza, 440026, Russian Federation

Abstract.

Aim – to clarify some characteristics of the communicative sphere of generation Z representatives (centennials) against the background of inconsistency and lack of scientific knowledge on the problem.

Methodology. The analysis of scientific sources was carried out, which made it possible to detect radically different information about the socio-psychological characteristics of centennials, a local diagnostic study was undertaken using the “Test of Affiliation Motives” by A. Mehrabian and the “Relationship Profile Test” by R. Bornstein.

Results. Data on the average level of expression of affiliation motivation among centennial students were obtained; high indicators of both normative and excessive interpersonal depend-

ence were found, some tendency to manifestations of dysfunctional separation in interpersonal contacts were also stated.

Research implications. The results of the study do not allow us to conclude that there is a low tendency to affiliation, a tendency to introversion and escapism among Z-generation students.

Keywords: generation Z, centennials, affiliation, interpersonal dependence, university students

Введение

Количество научных и научно-популярных публикаций о специфике поколения Z (Digital Natives, «цифровых аборигенов», «центениалов») за последние 5 лет в России заметно возросло. Актуальность исследования этой специфики связана с тем, что это первое поколение, взросление которого происходит под постоянным влиянием медиапространства и цифровых технологий. При этом учёные-педагоги начинают называть интернет не просто фактором, но агентом социализации для центениалов [9]. Глобальный интернет предоставляет неограниченные возможности получения информации и доступности контактов (находясь дома, человек может иметь бесчисленное множество коммуникаций, в т.ч. с неизвестными людьми). С этим связывают такие характеристики центениалов, как независимость от родителей и педагогов при необходимости получения определенных знаний; приоритетность виртуального общения в ущерб реальному.

В публикациях о социально-психологических характеристиках поколения Z наблюдается крайняя противоречивость. При изучении коммуникативной сферы центениалов делаются радикально различающиеся выводы – от свойственной им интровертности [11] до неспособности какого-либо действия в одиночку, вне команды [16]. В этой связи представляется актуальным дальнейшее

изучение специфики коммуникативных свойств юношества поколения Z, и, в частности, их склонности к аффилиации. Последняя трактуется в психологии как потребность в общении, в эмоциональных контактах, в стремлении иметь друзей, оказывать и принимать поддержку. Блокирование аффилиации вызывает тревогу, чувство одиночества, отчуждённость. Эти негативные эффекты могут быть предотвращены у центениалов, если педагоги и родители будут иметь ясную картину о состоянии мотивации аффилиации у современных школьников и студентов.

Анализ проблемы

По мнению М. Р. Мирошкиной, «цифровые дети» развиваются в качественно новой среде – цифровом биосоциальном пространстве, где виртуальное пространство есть продолжение физического и социального [7]. Утверждается, что становление системы ценностных ориентаций «поколения Z» в социокультурных условиях постмодернистского общества и глобализации определяет её «постматериальную» направленность [14]. Отмечаются такие характеристики поколения Z, как иммунитет к рекламе, космополитическое сознание, толерантность, клиповое сознание, стремление получить максимум информации в короткий срок [13]. М. С. Иванов и М. С. Яницкий, называя центениалов, вслед за авторами теории поколений Н. Хоувом и

В. Штраусом [15], «homelanders» (дети, сидящими дома за компьютером), в то же время указывают на свойственную им высокую мобильность, непривязанность к постоянному месту жительства и социальному окружению: «Представители поколения Z часто становятся так называемыми “номадами постмодерна”, носителями распространяющихся в обществе “мобилистических традиций”, выбирая цифровое кочевничество, фриланс и другие современные формы мобильного образа жизни» [4, с. 128]. Такая оценка высокой мобильности молодежи, на наш взгляд, может приводить к выводу о её низкой тенденции к аффилиации.

Множество отсылок в публикациях было сделано на выводы и прогнозы А. В. Сапы, сформулированные им в 2014 г. [11] В отношении интересующей нас специфики коммуникативной сферы центениалов он предсказывал, что представителям этого поколения легче будет устанавливать контакт с компьютером, чем друг с другом; что в их среде вероятно увеличение случаев доклинических форм аутизма; что они будут «менее общительными, более погруженными в себя и виртуальный мир и фантазии», и в этой связи предупреждал психологический диагноз нового поколения – «интровертированный индивидуализм» [11, с. 28]. В отсутствие на тот момент реальных эмпирических исследований, эти положения А. В. Сапы были широко растиражированы и воспроизводятся до сих пор другими авторами.

Так, М. А. Новак, перечисляя достоинства центениалов (умение быстро обрабатывать большие информационные потоки, способности к понима-

нию сути изобретения в инженерии и робототехнике, ценности личной свободы), тем не менее считает их поколением, ориентированным вовнутрь, «на себя», что влечёт риски недостатка опыта живого взаимодействия со сверстниками, понимания разных эмоций в личных коммуникациях [8]. Т. А. Ольховая утверждает, что современные подростки склонны к эскапизму и интровертности [9]. Довольно противоречивы эмпирические данные в исследовании А. В. Гавриловой: с одной стороны, у представителей «цифрового поколения» выявлены такие характеристики, как независимость от группы, индивидуализм, с другой, обнаружено, что «при взаимодействии современные дети стремятся помочь и поддержать партнёра, способствовать его развитию и благополучию» [3, с. 61].

В. Г. Рындак наделяет студентов поколения Z инфантилизмом, дефицитом учебной активности, безответственностью; отмечает, что преподаватель для них – не авторитет, а их общение в соцсетях сопровождается увеличением психоэмоционального напряжения, тревоги, депрессии, переживанием внутриличностного конфликта из-за ожидания похвалы, популярности; среди их ценностей первые места занимают не карьера и достаток, а «счастье, комфорт, благополучие, спокойствие» [10]. В исследовании М. С. Яницкого и соавторов выявлено, что «уважение традиций» занимает в ценностной иерархии Z-поколения последнее место, приоритетны ценности самостоятельности и независимости, открытости к изменениям [14]. Это не очень согласуется с утвердившимся мнением об инфантилизме центениалов.

Л. В. Темнова и М. М. Медникова констатируют, что ведущей потребностью у подростков Z, кроме познания и построения собственного «я», является потребность в аффилиации. Предпочтение центениалами виртуальной среды авторы объясняют, кроме прочего, следующим: «Чем больше лайков они получают, тем сильнее хотят заработать их ещё, ведь это – удовлетворение потребности в аффилиации» [12, с. 21]. Авторы высказывают опасение, что коммуникация в киберпространстве может приводить к «атрофии» умения воспринимать и выражать эмоции и снижению способности к эмпатии. Но, по результатам их же исследования, не подтвердилось снижение уровня эмпатических способностей у респондентов. Выяснилось, что у представителей поколения Z наиболее выражена шкала «Проникающая способность эмпатии», что, по мнению авторов, говорит о том, что «зеты» более ориентированы на формирование доверительной атмосферы при коммуникации, для них важны комфорт и безопасность (что и предоставляет им виртуальное общение) [12].

А. И. Лучинкина на разновозрастной выборке выявила, что по позитивности влияния Интернет занимает, по оценкам респондентов, третье место после семьи и неформальных объединений, а основные отличия, возникающие в ходе интернет-социализации, связаны не с возрастом пользователей, а с их вовлечённостью в интернет-пространство (временем и частотой пребывания в Сети) [6]. Ею также обнаружено, что с возрастанием интернет-активности уменьшается доля выраженности у пользователей

коллективных ценностей и возрастает доля индивидуальных.

Нельзя не коснуться проблемы взаимоотношений центениалов с родителями, поскольку известно, что аффилиация как потребность в общении и эмоциональных контактах формируется в отношениях с родителями и зависит от стиля воспитания. Ряд авторов заявляет [2; 11], что у новой молодёжи обостряется конфликт отцов и детей, конфликт мировоззренческий: «Углубляется разрыв поколений, и то, что дети должны воспринимать от родителей – жизненный опыт и т. д., сейчас они в основном отбрасывают» [11, с.25]. В то же время, исследования Сбербанка совместно с агентством Validata¹ показали партнёрский, доверительный характер отношений с родителями по оценкам самих центениалов. Есть и другие исследования, свидетельствующие о значимости родителей и их мнения для Z-подростков [5; 10; 12]. А. Б. Кулакова объясняет это тем, что взрослые признают превосходство своих детей в некоторых аспектах и осознают, что их родительское мнение может быть не авторитетным для детей по некоторым областям знаний [5]. Человечество, по видимому, действительно вступило в предсказанную М. Мид эру «префигуративного общества».

Противоречивость и недостаточность научных знаний по обсуждаемой проблеме лучше всего показана в исследовании ученых НИУ ВШЭ, *обозначивших распространённые представления о поколении центениалов,*

¹ 30 фактов о современной молодёжи: исследование Сбербанка и Validata // Янгспейс. URL: <http://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi> (дата обращения: 21.08.2021).

плохо поддающиеся эмпирической проверке или не проверенные вовсе, как «мифы о поколении Z» [8]. В интересующей нас сфере коммуникации центениалов ими показано, например, что устойчивые и не согласующиеся мифы «Меньше общаются со сверстниками» и «Очень общительны, не могут быть наедине с собой» в таких формулировках опровергаются, но можно говорить о некоторых изменениях в социальных связях из-за развития новых способов коммуникации. Однако, как подчёркивают авторы Н. В. Богачева и Е. В. Сивак, объёмные исследования показывают, что онлайн-общение не слишком радикально отличается от офлайнового по своим функциям и роли в развитии личности. Есть данные о том, что общение в интернете может быть эффективным источником поиска социальной поддержки, а представление, что современные подростки не могут оставаться наедине с самими собой, «подтверждается лишь отчасти и в той степени, в которой люди в целом плохо переносят одиночество» [1, с. 33]. Подытоживая, авторы говорят о том, что «социальная сфера «поколения Z» определённно претерпевает изменения, однако их глобальные последствия представляются несколько преувеличенными» [1, с. 33].

Известно, что нижние границы отсчёта поколения Z разнятся у исследователей разных стран (от 1995 г. до 2005 г.), что связано с особенностями культурной и социально-экономической ситуации в них. В России центениалами чаще всего называют людей, родившихся после 2000 г. Нам близка позиция тех, кто полагает, что для российской провинции (где проводилось наше исследование), корректнее гово-

рить о начале рождения представителей поколения Z, начиная с 2003 г.

Эмпирическое исследование

Мы предприняли локальное диагностическое исследование для хотя бы частичного прояснения проблемы о выраженности аффилиативных тенденций у студентов поколения Z. В диагностике приняли участие 34 студента 1-го курса бакалавриата Пензенского государственного университета (направления подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» и 39.03.02 «Социальная работа»). Возраст студентов – 17–18 лет, что позволяет с полным основанием отнести их к центениалам.

Для диагностики были выбраны методики «Тест мотивов аффилиации – МАFF» А. Мехрабиана в модификации М. Ш. Магомед-Эминовой и «Методика определения межличностной зависимости (Тест профиля отношений)» Р. Борнштейна, в адаптации О. П. Макушиной).

«Тест мотивов аффилиации» диагностирует два мотива, входящих в структуру мотивации аффилиации: стремление личности к принятию окружающими (СП) и страх быть отвергнутым другими (СО). В ключе теста содержатся нормативы, в соответствии с которыми респондент может быть отнесён к высокому (177–224 баллов), среднему (81–176 баллов) или низкому (32–80 баллов) уровню выраженности как СП, так и СО.

Результаты, полученные по данной методике, представлены в таблице 1

Таким образом, выявлено преобладание средних показателей основных мотивов аффилиации у студентов эмпирической выборки. Низкий уровень

Таблица 1. / Table 1

Уровни выраженности мотивов СП и СО у студентов / The levels of severity of the motives of SP and CO in students

Уровни выраженности мотива	Низкий	Средний	Высокий
мотив стремления к принятию	2,94%	97,06%	-
мотив страха быть отвергнутым	14,71%	73,52%	11,77%

Источник: данные авторов.

выраженности мотива СП обнаружен только у 1 человека (2,94%), средний уровень СП – у 33 человек (97,06%), высокого уровня выраженности этого мотива в группе исследуемых не обнаружено. При этом довольно велик разброс индивидуальных баллов, соответствующих среднему уровню выраженности мотива СП – от 96 до 161.

По мотиву страха быть отвергнутым (СО) данные не столь однородны. Большинство участников исследования (73,52%) продемонстрировали средний уровень выраженности, но больше и тех (по сравнению с уровнем СП), у кого обнаружены показатели низкого (5 чел. – 14,71%) и высокого (4 чел. – 11,77%) уровней.

Баллы по мотиву СО из категории «средний уровень» также весьма разнятся (от 95 до 166). Это свидетельствует о том, что методика «Тест мотивов аффилиации» не очень чувствительна при анализе эмпирических данных в групповом формате, и ориентирована преимущественно на интерпретацию индивидуальных данных, но нас интересовал в контексте поколенческой специфики именно групповой профиль.

Средний балл по группе выраженности мотива стремления к принятию (СП) – 120,25, мотива страха быть отвергнутым (СО) – 131,69. Применение Т-критерия Стьюдента показало, что различие в выраженности СП и СО в

средних значениях по группе находится в зоне незначимости ($t_{Эмп} = 1,07$).

Второй шаг в интерпретации обсуждаемых результатов диагностики – определение типа мотивации аффилиации у конкретных испытуемых на основе сравнения индивидуальных показателей СП и СО, что даёт возможность разбить их на 4 группы внутри эмпирической выборки: 1) высокий–низкий (СП выше медианы, СО ниже медианы); 2) низкий–низкий (СП ниже медианы, СО ниже медианы); 3) высокий–высокий (СП выше медианы, СО выше медианы); 4) низкий–высокий (СП ниже медианы, СО выше медианы)

Процентное соотношение студентов с разными типами мотивации аффилиации представлено в таблице 2.

Таким образом, обнаружено преобладание двух групп студентов – с соотношением СП и СО «низкий–высокий» и «высокий–высокий». В первом случае принято считать, что человеку свойственно доминирование страха отвержения в построении отношений с окружающими; во втором случае страх быть отвергнутым препятствует удовлетворению потребности в принятии, в общении как таковом. Кроме того, сочетание «высокий–высокий» может являться мотивационной основой конформного поведения и формирования у человека тенденции к зависимости.

Таблица 2 / Table 2

Соотношение уровней развития мотивов СП и СО у студентов / The ratio of the levels of development of the motives of SP and CO in students

Показатели СП и СО у студентов	Количество студентов
высокий – низкий	17,65%
низкий-низкий	8,82%
высокий-высокий	35,29%
низкий – высокий	38,24%

Источник: данные авторов.

Не исключено, что полученные данные о выраженности у студентов-первокурсников мотива «страх отвержения» связаны с адаптацией к новым жизненным обстоятельствам – началом обучения в вузе и включением в новую формальную группу. Объяснимая этими обстоятельствами некоторая дезориентация личности приводит, кроме прочего, к снижению уровня ожидания приятия, дружеской поддержки от малознакомых лиц. Нельзя забывать и о том, что возраст студентов, принявших участие в диагностике, в современной возрастной психологии может быть отнесён к подростковому, на протяжении которого личность, на фоне нестабильного самоотношения, сверхчувствительна в отношении оценок окружающих, поэтому велика вероятность переживания боязни отвержения как ожидания непонимания, неудачи при построении отношений.

Вторая из методик – «Тест профиля отношений» была выбрана для уточнения меры зависимости личности в общении, поскольку по первой методике у трети студентов выявлено сочетание «высокий-высокий» уровней СП и СО, что может свидетельствовать о риске тенденции к зависимости.

Тест имеет три шкалы: 1) деструктивная сверхзависимость (чрезмерная

межличностная зависимость), 2) деструктивное (дисфункциональное) отделение и 3) нормативная (здоровая) зависимость.

Получены следующие средние значения по группе: по шкале «деструктивная сверхзависимость» – 33,15 б.; по шкале «дисфункциональное отделение» – 33,77 б.; по шкале «здоровая зависимость» – 32,92 б.

Видно, что все три показателя в групповом формате практически не отличаются (что можно объяснить и эффектом усреднённости), при этом, согласно тестовым нормам, относятся к среднему уровню выраженности.

Тестовые нормы позволили распределить студентов по трём уровням выраженности межличностной зависимости, что отражено в таблице 3.

Таким образом, у более половины респондентов обнаружен высокий уровень чрезмерной межличностной зависимости, что говорит о сильной потребности в эмоциональной близости, любви, получении поддержки. Такая потребность сопровождается тревогой по поводу возможного отвержения, что вполне согласуется с данными по методике А. Мехрабиана о том, что уровень СО в групповом выражении несколько превышает уровень СП. При этом чрезмерная меж-

Таблица 3 / Table 3

Уровни выраженности межличностной зависимости у студентов / Levels of severity of interpersonal dependence in students

Виды межличностной зависимости	Низкий	Средний	Высокий
деструктивная сверхзависимость	8,82%	38,24%	52,94%
дисфункциональное отделение	14,71%	70,58%	14,71%
здоровая зависимость	29,41%	47,06%	23,53%

Источник: данные авторов.

личностная зависимость, по нашему мнению, никак не согласуется с вышеприведёнными указаниями разных исследователей на интровертность, эскапизм или склонность к аутизму лиц поколения Z.

Нормативная (здоровая) зависимость среднего и высокого уровня зафиксирована у 70,59% студентов, что указывает на умение устанавливать долговременные эмоциональные отношения, гибкость в общении, способность обращаться за необходимой помощью. Здоровая зависимость связана с адаптивностью, что, возможно, объясняет факт преобладания среднего уровня этой зависимости над высоким (адаптивность личности может снижаться при резкой смене жизненных условий, в данном случае – при переходе из школы в вуз).

Дисфункциональное отделение как неспособность человека развивать социальные связи, устанавливать отношения привязанности, в основе чего лежит бессознательный страх перед близкими отношениями, на высоком уровне выявлено только у 14,71% студентов. У подавляющего большинства (70,58%) зафиксирован средний уровень этого показателя. Свойственное такому отделению убеждение человека в преимуществе независимости

и самодостаточности в сравнении с близостью и привязанностью также может быть обусловлено адаптационными процессами в жизни первокурсников. Но, возможно, это является социально-психологической чертой центениалов, которых в некоторых научно-популярных публикациях называют поколением «Я», подчёркивая их склонность к переживанию собственной уникальности и самооценности.

Заключение

Полученные в исследовании данные о мотивации аффилиации студентов-центениалов свидетельствуют о преимущественно среднем уровне её выраженности. Статистически незначимое различие в показателях мотивов «страх быть отвергнутым» и «стремление к принятию» не позволяет делать выводы о поколенческой специфике центениалов в сфере межличностных отношений. В частности, невозможно при достаточно высоких показателях выраженности мотива «стремление к принятию» и уровня чрезмерной межличностной зависимости говорить о свойственных поколению Z интровертности, склонности к эскапизму или аутизму. То, что выраженность мотива СО в средних значениях несколько превышает выраженность мо-

тива СП, можно отнести в том числе к процессу адаптации первокурсников к новой коммуникативной среде.

Обнаружена некоторая тенденция к проявлениям дисфункционального отделения в межличностных контактах, что, возможно, является социально-психологической чертой центениалов с их склонностью к переживанию самооценности. Не исключено, однако, что на полученные результаты оказали влияние такие факторы, как адаптация первокурсников к вузу и их возраст,

относимый современной возрастной психологией к подростковому.

Возможно, деформации коммуникативной сферы центениалов из-за специфики виртуальной коммуникации будут обнаруживаться позднее, но на сегодня, по данным нашего локального исследования, нельзя делать выводы о свойственных поколению Z низкой тенденции к аффилиации и «интровертированном индивидуализме».

Статья поступила в редакцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 56 с.
2. Воронцова Ю., Ермолаев В. В. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) // Психолог. 2016. № 1. URL: <https://nbpublish.com> (дата обращения: 12.09.2021).
3. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности нового поколения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия, психология, педагогика». 2016. Т. 26. № 2. С. 58–63.
4. Иванов М. С., Яницкий М. С. Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодёжи «поколения Z» // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции / Томск, 24–26 мая 2017 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 125–133.
5. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 2–12.
6. Лучинкина А. И. Специфика интернета как института социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1. С. 59–69.
7. Мирошкина М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 44–53.
8. Новак М. А. Формирование социальной успешности подростка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 3 (221). С. 58–65.
9. Ольховая Т. А., Чернова А. А., Парамонов В. Б. Поколение Z: новые реалии социализации // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 28–37.
10. Рындак В. Г. Профессиональное самоопределение студентов из поколения Z: проблемы, пути решения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 5 (223). С. 91–99.
11. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
12. Темнова Л. В., Медникова М. М. Влияние виртуального пространства на коммуникацию представителей поколений Z и Y // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 19–23.

13. Шалыгина Н. В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодёжи // Власть. 2017. № 1. С. 164–169.
14. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67.
15. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 649 p.
16. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. N. Y.: McGraw-Hill, 2008. 384 p.

REFERENCES

1. Bogacheva N. V., Sivak E. V. *Mify o «pokolenii Z»* [Myths about “Generation Z”]. Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2019. 56 p.
2. Voroncova Yu., Ermolaev V. V. [“Generation Z” ideas about their future family (on the example of Lithuanian high school students)]. In: *Psiholog* [Psychologist], 2016, no. 1. Available at: <https://nbpublish.com> (accessed: 12.09.2021).
3. Gavrilova A. V. [Social and psychological features of the mentality of the new generation]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya, psihologiya, pedagogika»* [Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy, psychology, pedagogy”], 2016, vol. 26, no. 2, pp. 58–63.
4. Ivanov M. S., Yanickij M. S. [Mobility as a strategy for ensuring personal security in the minds of the “Generation Z” youth]. In: *Cifrovoe kochevnichestvo kak global'nyj i sibirskij trend: sbornik materialov III Mezhdunarodnoj transdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoy WEB-konferencii / Tomsk, 24–26 maya 2017 goda* [Digital nomadism as a global and Siberian trend: collection of materials of the III International transdisciplinary scientific and practical WEB-conference / Tomsk, May 24–26, 2017]. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2017, pp. 125–133.
5. Kulakova A. B. [Generation Z: theoretical aspect]. In: *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of territorial development], 2018, no. 2 (42), pp. 2–12.
6. Luchinkina A. I. [The specificity of the Internet as an institution of socialization]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Scientific result. Pedagogy and psychology of education], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 59–69.
7. Miroshkina M. R. [Interpretations of the theory of generations in the context of Russian education]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 2, pp. 44–53.
8. Novak M. A. [Formation of social success of a teenager]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2019, no. 3 (221), pp. 58–65.
9. Ol'hovaya T. A., Chernova A. A., Paramonov V. B. [Generation Z: new realities of socialization]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2020, no. 4, pp. 28–37.
10. Ryndak V. G. [Professional self-determination of students from generation Z: problems, solutions]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2019, no. 5 (223), pp. 91–99.
11. Sapa A. V. [Generation Z is the generation of the era of the Federal State Educational Standard]. In: *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], 2014, no. 2, pp. 24–30.
12. Temnova L. V., Mednikova M. M. [The influence of virtual space on the communication of representatives of generations Z and Y]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, no. 11, pp. 19–23.

13. Shalygina N. V. [Y-s and centennials: a new mentality of the Russian youth]. In: *Vlast' [Power]*, 2017, no. 1, pp. 164–169.
14. Yanickij M. S., Seryj A. V., Braun O. A. [The system of value orientations of the “generation Z”: social, cultural and demographic determinants]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian Psychological Journal]*, 2019, no. 72, pp. 46–67.
15. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069*. N.Y., William Morrow & Company Publ., 1991. 649 p.
16. Tapscott D. *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. N. Y., McGraw-Hill, 2008. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарасова Елена Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Пензенского государственного университета;
email: MyRRaHHa@yandex.ru

Разуваева Лариса Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Пензенского государственного университета;
email: razularisa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Tarasova – Cand. Sci. (Economic Sciences), Assoc. Prof. of the Department of Applied Psychology, Penza State University
email: MyRRaHHa@yandex.ru;

Larisa N. Razuvaeva – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Department of Applied Psychology, Penza State University
email: razularisa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тарасова Е. М., Разуваева Л. Н. Мотивация аффилиации у студентов поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 36–46.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-36-46

FOR CITATION

Tarasova E. M., Razuvaeva L. N. Motivation of affiliation among generation Z students. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 36–46.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-36-46

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-47-59

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О COVID-19 С АДАПТИВНЫМ РЕАГИРОВАНИЕМ НА ПАНДЕМИЮ

Борисова А. М., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Махнач А. В.

Институт психологии РАН

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ взаимосвязи индивидуально-психологических характеристик и представлений о COVID-19 с адаптивным реагированием (выполнением мер профилактики и поддержкой вакцинации) в ситуации пандемии.

Процедура и методы. В онлайн-опросе приняли участие 2786 человек (33,1% мужчин и 66,9% женщин) в возрасте от 14 до 82 лет из разных регионов России. Респонденты выполняли следующие методики: методику Big Five Inventory-2, Шкалу реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера, методику «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана; авторскую методику «Представления о пандемии».

Результаты. Было обнаружено, что представления о пандемии (уязвимость по отношению к коронавирусу, самоэффективность, оценки последствий пандемии, информированность о COVID-19 и причинах его появления) являлись предпосылками выполнения мер профилактики и позитивного отношения к вакцинации. Личностные черты и копинг-стратегии также оказались предикторами адаптивного реагирования на пандемию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение проблемы психологической адаптации людей к ситуации пандемии COVID-19.

Ключевые слова: вакцинация, коронавирус, личностные черты, пандемия, самоэффективность, стратегии совладания, COVID-19

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60301 «Влияние психологических характеристик человека, выявляемых с помощью цифровых следов, на его отношение к проблеме коронавируса, восприятие информации и сетевую активность».

© СС ВУ Борисова А. М., Кубрак Т. А., Латынов В. В., Махнач А. В., 2022.

INTERDEPENDENCE OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PERCEPTIONS OF COVID-19 WITH THE ADAPTIVE PANDEMIC RESPONSE

A. Borisova, T. Kubrak, V. Latynov, A. Makhnach

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
ul. Yaroslavskaya 13-1, Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analysis of the relationship between individual psychological characteristics and ideas about COVID-19 and adaptive response (implementation of preventive measures and vaccination support) in a pandemic situation.

Methodology. The online survey involved 2786 people (33.1% of men and 66.9% of women) aged 14 to 82 from different regions of Russia. Respondents performed the following techniques: the Big Five Inventory-2 test, The State-Trait Anxiety Inventory (STAI) by C.D. Spielberger, The Coping Strategy Indicator (CSI) by J.H. Amirkhan; author's technique "Ideas about the pandemic".

Results. The pandemic perceptions (vulnerability to the coronavirus, self-efficacy, pandemic impact assessments, awareness of COVID-19 and its causes) were found to be prerequisites for the implementation of prevention measures and a positive attitude towards vaccination. Personality traits and coping strategies have also been shown to predict adaptive responses to the pandemic.

Research implications. The results of the study contribute to the study of the problem of psychological adaptation of people to the situation of the COVID-19 pandemic.

Keywords: vaccination, coronavirus, personality traits, pandemic, self-efficacy, coping strategies, COVID-19

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60301 "The influence of the psychological characteristics of a person, detected with the help of digital traces, on his attitude to the problem of COVID-19, perception of information and network activity".

Введение

Одной из важных научных задач, возникающих в ситуации широко-го распространения коронавирусной инфекции, является анализ психологических механизмов и оснований адаптивного реагирования населения на пандемию. Такого рода реагирование включает два аспекта: выполнение людьми рекомендованных мер профилактики (ношение масок, соблюдение правил гигиены и т. п.) и принятие вакцинации.

Как показали исследования, пред-посылками адаптивного реагирова-ния на пандемию являлись самые разные психологические образова-ния [3]. Следует отметить роль лич-

ностных черт «большой пятёрки» (прежде всего, доброжелательности и добросовестности, и, в меньшей степени, открытости опыту) как пред-дикторов выполнения мер профилак-тики [19; 14]. Доброжелательность и добросовестность способствовали по-зитивному отношению к вакцинации, а нейротизм - негативному [20]. Черты «Темной триады» (психотизм, нарцис-сизм, макиавеллизм) отрицательно коррелировали с выполнением мер, препятствующих распространению коронавируса [8; 26].

С одобрением мер профилактики позитивно связаны такие ценности, как забота и справедливость [10], а негативно – ориентация на социаль-

ное доминирование [16]. У лиц с негативным отношением к мерам профилактики отмечались слабое развитие аналитических способностей, низкий уровень научных знаний и скептическое отношение к науке [9; 23; 17]. Использование адаптивных копинг-стратегий способствовало снижению уровня стресса, вызванного угрозой заражения COVID-19 [5]. При активации же негативных копинг-стратегий уровень стресса, напротив, повышался [18]. Принятие человеком мер профилактики COVID-19 во многом зависело от позиции его ближайшего окружения (семьи, друзей, знакомых) [24].

Представления о пандемии (уровень знаний о COVID-19, оценки субъективной уязвимости и самоэффективности) являлись важным фактором, определяющим соблюдение мер защиты от коронавирусной инфекции [1; 16; 17]. Вера в конспирологические теории происхождения коронавируса оказалась предпосылкой негативного отношения к вакцинации и другим мерам защиты от заражения COVID-19 [12].

Основной целью исследования, результаты которого изложены в данной статье, являлся анализ связи индивидуально-психологических характеристик и представлений о COVID-19 с адаптивным реагированием человека в ситуации пандемии. В ходе её достижения решались следующие задачи:

1) изучалась роль личностных черт, стратегий совладания и эмоционального состояния в качестве предпосылок выполнения людьми мер профилактики и принятия вакцинации;

2) анализировались взаимосвязи представлений о COVID-19 (уязвимости, самоэффективности, последствий пандемии, информированности о

COVID-19) с выполнением мер профилактики и отношением к вакцинации.

Методы и выборка

В онлайн опросе, проведённом в первом квартале 2021 г., приняли участие 2786 человек (33,1% мужчин и 66,9% женщин) в возрасте от 14 до 82 лет ($M=25,6$; $SD=10,8$). Участники опроса представляли разные регионы России.

В ходе исследования использовались русскоязычная версия методики Big Five Inventory-2 [5]; Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина (применялась подшкала «Реактивная тревожность»)¹; методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана в адаптации Н. А. Сирота и В. М. Ялтонского².

Для анализа представлений о пандемии использовался авторский опросник, включающий десять шкал:

1. «Уязвимость по отношению к COVID-19» (4 пункта, α Кронбаха=0.696; пример вопроса: «Бойтесь ли Вы заразиться COVID-19?»).

2. «Самоэффективность» («Знаете ли Вы, как защитить себя от заражения COVID-19?»).

3. «Связанные со здоровьем последствия пандемии» (4 пункта, α Кронбаха=0.83; пример: «Невозможность медицинской систе-

¹ Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности. Л.: ЛНИИФК, 1976. 18 с.

² Психодиагностика стресса: Практикум / сост. Р. В. Куприянов, Ю. М. Кузьмина. Казань: Казанский национальный исследовательский технический институт, 2012. 212 с.

мы оказать полноценную помощь в случае заболевания COVID-19»).

4. «Социальные последствия пандемии» (3 пункта, α Кронбаха=0.71; пример: «Отмена моих планов»).

5. «Меры профилактики» (5 пунктов, α Кронбаха=0.775; пример: «Носили маску для лица в общественных местах»).

6. «Конспирологические причины появления коронавируса» (3 пункта, α Кронбаха=0.699; пример: «Коронавирус был создан китайскими учёными»),

7. «Естественное происхождение коронавируса» («Коронавирус в результате естественного процесса изменения стал передаваться человеку от диких животных (предположительно – от летучих мышей»).

8. «Отношение к вакцинации» (3 пункта, α Кронбаха=0.843; пример: «Я соглашусь на вакцинацию против COVID-19»).

9. «Отношение к принудительности лечения больных COVID-19» («Если лица с COVID-19 не дадут согласия на лечение, они должны получать его принудительно»).

10. «Информированность о COVID-19» (6 пунктов; пример: «Люди, которые заражены вирусом COVID-19, но при этом не имеют повышенной температуры, не могут заразить вирусом других людей»).

Для выявления взаимосвязей переменных (индивидуально-психологических характеристик и представлений о пандемии) применялся критерий корреляции Спирмена, а также использовался множественный регрессионный анализ. Внутренняя согласованность пунктов опросника определялась с помощью коэффициента α Кронбаха.

При обработке данных использовался пакет статистических программ IBM SPSS Statistics 23.

Результаты

Корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи между индивидуально-психологическими характеристиками и вариантами адаптивного реагирования на пандемию (табл. 1). Так, были обнаружены корреляции выполнения мер профилактики с экстраверсией, доброжелательностью, добросовестностью, открытостью опыту, двумя стратегиями совладания (решение проблем, избегание проблем) и тревожностью. Отношение к вакцинации имело положительные корреляции с доброжелательностью и открытостью опыту, а отрицательные – с копинг-стратегией «избегание проблем».

Отмечалось много значимых корреляций между представлениями о пандемии и адаптивным реагированием. Выполнение мер профилактики имело положительные корреляции с уязвимостью к COVID-19, самоэффективностью, социальными и связанными со здоровьем последствиями пандемии, информированностью о COVID-19, принудительностью лечения больных коронавирусом, позитивным отношением к вакцинации. Принятие вакцинации позитивно коррелировало с уязвимостью к COVID-19, связанными со здоровьем последствиями пандемии, информированностью о COVID-19, принудительностью лечения больных коронавирусом, выполнением мер профилактики, естественными причинами происхождения коронавируса, а негативно – с конспирологическими причинами появления коронавируса.

Результаты регрессионного анализа также свидетельствовали о разнообразии предпосылок адаптивного реагирования в ситуации пандемии. Предикторами выполнения мер профилактики ($N=2786$; $R^2=0,22$; $F=41,166$; $p<0,001$), явились такие переменные, как пол ($\beta=-0,053$), самооффективность ($\beta=0,126$), связанные со здоровьем последствия пандемии ($\beta=0,283$), социальные последствия пандемии ($\beta=0,068$), информированность о COVID-19 ($\beta=0,047$), положительное отношение к принудительности лечения больных COVID-19 ($\beta=0,053$), тревожность ($\beta=-0,049$), стратегия: поиск социальной поддержки ($\beta=-0,057$), доброжелательность ($\beta=0,065$), добросовестность ($\beta=0,064$), отношение к вакцинации ($\beta=0,097$).

Предикторами позитивного отношения к вакцинации, как показал регрессионный анализ ($N=2786$; $R^2=0,177$; $F=31,207$; $p<0,001$), оказались: пол ($\beta=0,157$), уязвимость по отношению к COVID-19 ($\beta=0,094$), информированность о COVID-19 ($\beta=0,113$), вера в конспирологические причины появления коронавируса ($\beta=-0,063$), вера в естественное происхождение коронавируса ($\beta=0,091$), положительное отношение к принудительности лечения больных COVID-19 ($\beta=0,236$), стратегия: избегание проблем ($\beta=-0,060$), добросовестность ($\beta=-0,100$), нейротизм ($\beta=-0,052$), выполнение мер профилактики ($\beta=0,102$).

Обсуждение результатов

Проведённое исследование показало, что адаптивное реагирование на пандемию определяется широким спектром психологических факторов. Результаты корреляционного и ре-

грессионного анализов обнаружили многообразие связей адаптивного реагирования на пандемию с личностными чертами (добросовестностью, доброжелательностью, открытостью опыту, экстраверсией, нейротизмом), доминирующими стратегиями совладания со стрессом (поиск социальной поддержки, решение проблем, избегание проблем), представлениями, относящимися к COVID-19 (уязвимостью к COVID-19, самооффективностью, оценками последствий пандемии, информированностью о COVID-19 и причинах его появления).

Одним из значимых предикторов адаптивного реагирования явился пол, принадлежность к которому влияла как на соблюдение профилактических мер, так и на отношение к вакцинации. При этом связь с полом была различной: женщины лучше, чем мужчины выполняли меры профилактики, однако негативнее относились к вакцинации. Такая разница в реагировании мужчин и женщин обнаруживалась и в других ранее проведённых работах [14; 25; 20]. Следует также отметить, что именно пол (мужской) во многом определял позитивное отношение к вакцинации, оказавшись одной из наиболее влиятельных переменных среди других предикторов принятия вакцинации.

Наибольшее количество взаимосвязей с выполнением мер и принятием вакцинации обнаружили представления о пандемии (уязвимость, самооффективность, последствия пандемии, информированность о COVID-19, причинах его появления). Эти результаты соответствуют данным уже проведённых исследований, также указывающих на важную роль подобных

представлений в адаптации к пандемии [1; 16; 17].

Была обнаружена зависимость профилактического поведения и отношения к вакцинации от информированности о COVID-19: знаниями о его симптомах, способах передачи, защите от заражения. Отметим, что в других работах такая связь отмечалась не всегда: есть данные как о влиянии общей осведомлённости о COVID-19 на адаптивное реагирование, так и об его отсутствии [2; 15]. Уверенность человека в том, что больных коронавирусной инфекцией следует лечить принудительно, также оказалась предиктором как выполнения мер профилактики, так и позитивного отношения к вакцинации.

Помимо общих предикторов, влияющих как на поведенческие, так и отношенческие аспекты реагирования на ситуацию пандемии, выделяются и те, которые связаны только с одним из них. Так, значимой предпосылкой выполнения мер профилактики, выявленной в нашем исследовании, оказалась самоэффективность, то есть наличие у человека уверенности в способности защититься от коронавирусной инфекции. В условиях пандемии усиление самоэффективности определяется как наиболее важный фактор жизнеспособности человека [13; 18; 21]. О роли этой переменной сообщается и в других исследованиях психологических механизмов реагирования на пандемию [7; 11].

Кроме того, как показали корреляционный и регрессионный анализы, весомый вклад в следование профилактическому поведению вносили беспокойство последствиями пандемии, связанными со здоровьем и

касающимися изменений привычного образа жизни, а также положительное отношение к вакцинации. По данным только корреляционного анализа выполнению человеком «антиковидных» рекомендаций способствовало и переживание собственной уязвимости по отношению к COVID-19.

Вера в конспирологические причины появления коронавируса определяла отрицательное отношение к вакцинации. Такой результат, касающийся негативного влияния подобных убеждений на адаптивное реагирование в ситуации пандемии, отмечался и в других работах [4; 6; 15]. Эти результаты указывают на необходимость постоянной борьбы с фейками и пропаганде достоверных сведений, касающихся коронавирусной инфекции. В то же время предпосылками позитивного отношения к вакцинации оказались вера в естественные причины происхождения коронавируса, обеспокоенность связанными со здоровьем последствиями пандемии и представление о собственной уязвимости к COVID-19.

В отношении связи личностных черт с адаптивным реагированием корреляционный и регрессионный анализы показали несколько различающиеся результаты. Корреляционный анализ обнаружил существенно большее количество взаимосвязей: с выполнением мер профилактики позитивно коррелировали добросовестность, доброжелательность, открытость опыту, экстраверсия, а негативно – нейротизм; с принятием вакцинации имели положительные корреляции доброжелательность и открытость опыту.

По данным регрессионного анализа общим предиктором явилась та-

кая черта личности, как добросовестность, однако её вклад в адаптивное реагирование оказался различным. Добросовестность, как и предполагалось, оказывала влияние на выполнение мер профилактики, но при этом способствовала негативному отношению к вакцинации. Полученный нами результат расходится с данными других исследований, в которых эта черта, как правило, была положительно связана со следованием «антиковидным» рекомендациям [3].

Такие неожиданные результаты, касающиеся влияния добросовестности на отношение к вакцинации, возможно, объясняются тем периодом пандемии, во время которого проводился опрос респондентов для нашего исследования (начало 2021 г.). На этом этапе, несмотря на то что тема вакцинации активно обсуждалась, достоверных данных об её эффективности и последствиях было ещё недостаточно. Поэтому добросовестные люди, для которых характерны ответственность и продуманность при принятии решений, не обладали ещё достаточной информацией для формирования собственного мнения по этому вопросу.

Согласно результатам регрессионного анализа, другая личностная черта – доброжелательность – предсказуемо позитивно влияла на профилактическое поведение, что было показано и в предыдущих работах [3]. Нейротизм же оказался предиктором негативного отношения к вакцинации.

Суммируя данные регрессионного и корреляционного анализов, касающиеся роли личностных черт в адаптивном реагировании на пандемию, можно отметить, что с такого рода реакциями позитивно были связаны доброжела-

тельность, открытость опыту и экстраверсия, а негативно – нейротизм. В отношении же добросовестности результаты были противоречивы: эта черта способствовала выполнению мер профилактики, однако сочеталась с негативным отношением к вакцинации.

Несколько неожиданный результат был получен в отношении роли тревожности в адаптивном реагировании на пандемию. По данным корреляционного и регрессионного анализов, тревожность оказалась негативно связана с выполнением мер профилактики. Ранее же в других работах отмечалась её позитивная роль в случае следования «антиковидным» рекомендациям [14; 22]. Возможно, полученный нами результат обусловлен тем, что тревожность снижала самоэффективность человека, т. е. его уверенность в том, что он способен посредством тех или иных действий защитить себя от коронавируса. Корреляция тревожности и самоэффективности в нашем исследовании оказалась отрицательной и высоко значимой ($r=-0.10$, $p<0.001$). Таким образом, люди с высокой тревожностью просто не верили, что выполнение мер профилактики защитит их от коронавирусной инфекции и вследствие этого слабо их выполняли.

Был обнаружен ряд взаимосвязей вариантов адаптивного реагирования с копинг-стратегиями. Выполнению мер профилактики способствовало наличие у человека склонности к частому использованию стратегии «решение проблем» и редкому – стратегии «избегание проблем». У лиц с позитивным отношением к вакцинации также отмечалась низкая выраженность такой стратегии совладания со стрессом как избегание проблем.

Стратегия «поиск социальной поддержки» оказалась негативно связана с выполнением мер профилактики. Подобный результат, вероятно, объясняется тем, что эту стратегию часто используют люди с повышенной социальностью, для которых следование определённым мерам профилактики (например, сокращению социальных контактов) оказывается трудновыполнимым, несоответствующим их личностным особенностям. Как свидетельствуют ранее проведённые исследования, экстраверты с характерной для них социальностью менее склонны выполнять рекомендации в условиях пандемии [1].

Обращает на себя внимание несоответствие между наиболее влиятельными предикторами выполнения профилактических мер и позитивного отношения к вакцинации. В первом случае это были такие переменные, как последствия для здоровья, самоэффективность, социальные последствия пандемии, доброжелательность, добросовестность, во втором – принудительность лечения больных с коронавирусом, пол, информированность о COVID-19, низкая выраженность добросовестности, уязвимость по отношению к COVID-19, вера в естественное происхождение коронавируса. Такое различие, возможно, объясняется тем, что соблюдение профилактических мер (ношение масок, мытьё рук, дистанцирование и пр.) – это более очевидный и наглядный способ борьбы с коронавирусом и его последствиями, который относительно легко осуществим, доступен и понятен по сравнению с вакцинацией, которая

представляет собой более «сложную» стратегию профилактики, помимо того, что недостаточно обоснованную на момент проведения опроса, но ещё имеющую отсроченный эффект с неопределёнными последствиями.

Выводы

Проведённое исследование показало, что предпосылками выполнения мер профилактики и положительного отношения к вакцинации являются разные по своему психологическому смыслу характеристики. Адаптивное реагирование в ситуации пандемии в значительной степени было связано с различным представлением, касающимся COVID-19 (информированностью о COVID-19, уязвимостью к коронавирусной инфекции, самоэффективностью, обеспокоенностью последствиями пандемии, верой в конспирологические или естественные причины появления коронавируса). В несколько меньшей степени оно определялось личностными чертами (доброжелательностью, добросовестностью, открытостью опыту, экстраверсией, нейротизмом) и стратегиями совладания (избеганием проблем, решением проблем, поиском социальной поддержки). Обнаружилось несоответствие между наиболее влиятельными предикторами выполнения профилактических мер и позитивного отношения к вакцинации. Полученные результаты свидетельствуют о различных психологических механизмах выбора вариантов адаптивного реагирования на пандемию.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия: сборник статей / отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Институт психологии РАН, 2021. 572 с.
2. Гордеева Т. О., Сычев О. А. Психологические предикторы благополучия и следования правилам здорового поведения во время эпидемии коронавируса (COVID-19) в России // Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю. П. Зинченко. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 62–98.
3. Отношение к мерам профилактики COVID-19: психологические основания и возможности коррекции / А. М. Борисова, Н. Б. Горюнова, Т. А. Кубрак, В. В. Латынов, А. В. Махнач // Психология. Психофизиология. 2021. № 3. Т. 14. С. 5–18.
4. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции / М. Г. Мягков, Т. А. Кубрак, В. В. Латынов, Ю. О. Мундриевская // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 156–163.
5. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 / А. Ю. Калугин, С. А. Щebetenko, А. М. Мишкевич, К. Сото, О. Джон // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. Т. 18. С. 7–33.
6. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 / Т. Л. Крюкова, О. А. Екимчик, Т. П. Опекина, Н. С. Шипова // Социальная психология и общество. 2020. № 4. Т. 11 С. 120–134.
7. Anxiety of nurses to support Wuhan in fighting against COVID-19 Epidemic and its correlation with work stress and self-efficacy / Y. Mo, L. Deng, L. Zhang, Q. Lang, H. Pang, C. Liao, N. Wang, P. Tao, H. Huang // Journal of Clinical Nursing. 2021. Vol. 30. № 3-4. P. 397–405.
8. Blagov P. S. Adaptive and dark personality in the COVID-19 pandemic: Predicting health-behavior endorsement and the appeal of public-health messages // Social Psychological and Personality Science. 2021. № 12 (5). P. 697–707.
9. Čavojová V., Šrol J., Ballová Mikušková E. How scientific reasoning correlates with health-related beliefs and behaviors during the COVID-19 pandemic? // Journal of Health Psychology. 2022. Vol. 27(3). P. 534–547. DOI: 10.1177/1359105320962266
10. Chan E. Y. Moral foundations underlying behavioral compliance during the COVID-19 pandemic // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 171. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.2022).
11. Coping with COVID-19: Emergency stress, secondary trauma and self-efficacy in healthcare and emergency workers in Italy / M. Vagni, T. Maiorano, V. Giostra, D. Pajardi // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.21).
12. Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England / D. Freeman, E. Waite, L. Rosebrock, A. Petit, C. Causier, A. East, L. Jenner, A.-L. Teale, L. Carr, S. Mulhall // Psychological Medicine. 2020. Vol. 50. Iss. 2. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals> (дата обращения: 10.10.22).
13. Correction: Biting the bullet: When self-efficacy mediates the stressful effects of COVID-19 beliefs / N. Meyer, T. Niemand, A Davila, S. Kraus // Plos one 2022. Vol. 17(3). URL: <https://journals.plos.org> (дата обращения: 10.10.21).
14. Erceg N., Ružojčić M., Galić Z. Misbehaving in the Corona crisis: The role of anxiety and unfounded beliefs // Current Psychology. 2020. №1 (10). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.2022).
15. Georgiou N., Delfabbro P., Balzan R. COVID-19-related conspiracy beliefs and their relation-

- ship with perceived stress and pre-existing conspiracy beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 166. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.22).
16. Ideological and Psychological Predictors of COVID-19-Related Collective Action, Opinions, and Health Compliance Across Three Nations / B. L. Choma, G. Hodson, D. Sumantry, Y. Hanoch, M. Gummerum // *Journal of Social and Political Psychology*. 2021. Vol. 9 (1). P. 123–143.
 17. Irrational beliefs differentially predict adherence to guidelines and pseudoscientific practices during the COVID-19 pandemic / P. Teovanovic, P. Lukic, Z. Zupan, A. Lazić, M. Ninković, I. Zezelj // *Applied Cognitive Psychology*. 2021. Vol. 35. P. 486–496.
 18. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: an international investigation / C. Clark, A. Davila, M. Regis, S. Kraus // *Global Transitions*. 2020. № 2. P. 76–82.
 19. Psychological and behavioural responses to Coronavirus disease 2019: The role of personality / D. Aschwanden, J. E. Strickhouser, A. A. Sesker, J. Lee, M. Luchetti, Y. Stephan, A. R. Sutin, A. Terracciano // *European Journal of Personality*. 2021. Vol. 35 (1). P. 51–66.
 20. Psychological characteristics associated with COVID-19 vaccine hesitancy and resistance in Ireland and the United Kingdom / J. Murphy, F. Vallières, R. P. Bentall, M. Shevlin, O. McBride, T. K. Hartman // *Nature Communications*. 2021. № 12 (29). URL: <https://www.nature.com> (дата обращения: 10.10.21).
 21. Risk factors of psychological distress during the COVID-19 pandemic: The roles of coping style and emotional regulation / N. Li, L. Fan, Y. Wang, J. Wang, Y. Huang // *Journal of affective disorders*. 2022. № 299. P. 326–334.
 22. Solomou I., Constantinidou F. Prevalence and predictors of anxiety and depression symptoms during the COVID-19 pandemic and compliance with precautionary measures // *Age and Sex Matter*. 2020. № 2. P. 11–19.
 23. Sturgis P., Brunton-Smith I., Jackson J. Trust in science, social consensus and vaccine confidence // *Nature Human Behavior*. 2021. № 5. URL: <https://www.nature.com> (дата обращения: 10.10.21).
 24. We distance most when we believe our social circle does / B. Tuncgenç, M. El Zein, J. Sulik, M. Newson, Y. Zhao, G. Dezechache, O. Derooy // *British Journal of Psychology*. 2020. № 112 (2). URL: <https://scholarworks.iupui.edu> (дата обращения: 10.10.21).
 25. Women's Narratives about COVID-19, Preventive Practices and Sources of Information in Northwestern Tanzania / Z. Mchome, G. Mshana, E. Peter, D. Aloyce, S. Kapiga, H. Stöckl // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 10.10.21).
 26. Zirenko M. S., Kornilova T. V. Individual differences in decisions on physical distancing during the COVID-19 pandemic // *Psychology Journal of the Higher School of Economics*. 2021. Vol. 18. № 2. P. 276–286.

REFERENCES

1. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psichologicheskie mekhanizmy i posledstviya: sbornik statej* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences: a collection of articles]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2021. 572 p.
2. Gordeeva T. O., Sychev O. A. [Psychological predictors of well-being and adherence to the rules of healthy behavior during the coronavirus epidemic (COVID-19) in Russia]. In: *Psichologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19* [Psychological support of the COVID-19 pandemic]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2021, pp. 62–98.

3. Borisova A. M., Goryunova N. B., Kubrak T. A., Latynov V. V., Mahnach A. V. [Attitude towards the COVID-19 prevention measures: psychological grounds and possibilities for correction]. In: *Psihologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2021, no. 3, vol. 14, pp. 5–18.
4. Myagkov M. G., Kubrak T. A., Latynov V. V., Mundrievskaya Yu. O. [The COVID-19 pandemic and conspiracy beliefs: psychological preconditions, consequences, possibilities for correction]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2021, no. 467, pp. 156–163.
5. Kalugin A. Yu., Shchebetenko S. A., Mishkevich A. M., Soto K., John O. [Psychometrics of the Russian version of Big Five Inventory-2]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychometrics. Journal of the Higher School of Economics], 2021, no. 1, vol. 18, pp. 7–33.
6. Kryukova T. V., Ekimchik O. A., Opekina T. P., Shipova N. S. [Stress and coping in the family during self-isolation during the COVID-19 pandemic]. In: *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2020, no. 4, vol. 11, pp. 120–134.
7. Mo Y., Deng L., Zhang L., Lang Q., Pang H., Liao C., Wang N., Tao P., Huang H. Anxiety of nurses to support Wuhan in fighting against COVID-19 Epidemic and its correlation with work stress and self-efficacy. In: *Journal of Clinical Nursing*, 2021, vol. 30, no. 3-4, pp. 397–405.
8. Blagov P. S. Adaptive and dark personality in the COVID-19 pandemic: Predicting health-behavior endorsement and the appeal of public-health messages. In: *Social Psychological and Personality Science*, 2021, no. 12 (5), pp. 697–707.
9. Čavojská V., Šrol J., Ballová Mikušková E. How scientific reasoning correlates with health-related beliefs and behaviors during the COVID-19 pandemic? In: *Journal of Health Psychology*, 2022, vol. 27 (3), pp. 534–547.
10. Chan E. Y. Moral foundations underlying behavioral compliance during the COVID-19 pandemic. In: *Personality and Individual Differences*, 2021, vol. 171. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.2022).
11. Vagni M., Maiorano T., Giostra V., Pajardi D. Coping with COVID-19: Emergency stress, secondary trauma and self-efficacy in healthcare and emergency workers in Italy. In: *Frontiers in Psychology*, 2020, vol. 11. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.21).
12. Freeman D., Waite E., Rosebrock L., Petit A., Causier C., East A., Jenner L., Teale A-L., Carr L., Mulhall S. Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England. In: *Psychological Medicine*, 2020, vol. 50, iss. 2. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals> (accessed: 10.10.22).
13. Meyer N., Niemand T., Davila A., Kraus S. Correction: Biting the bullet: When self-efficacy mediates the stressful effects of COVID-19 beliefs. In: *Plos one*, 2022, vol. 17 (3). Available at: <https://journals.plos.org> (accessed: 10.10.21).
14. Erceg N., Ružojčić M., Galić Z. Misbehaving in the Corona crisis: The role of anxiety and unfounded beliefs. In: *Current Psychology*, 2020, no. 1 (10). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.2022).
15. Georgiou N., Delfabbro P., Balzan R. COVID-19-related conspiracy beliefs and their relationship with perceived stress and pre-existing conspiracy beliefs. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, vol. 166. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.22).
16. Choma B. L., Hodson G., Sumantry D., Hanoch Y., Gummerum M. Ideological and Psychological Predictors of COVID-19-Related Collective Action, Opinions, and Health Compliance Across Three Nations. In: *Journal of Social and Political Psychology*, 2021, vol. 9 (1), pp. 123–143.

17. Teovanovic P., Lukic P., Zupan Z., Lazić A., Ninković M., Zvezelj I. Irrational beliefs differentially predict adherence to guidelines and pseudoscientific practices during the COVID-19 pandemic. In: *Applied Cognitive Psychology*, 2021, vol. 35, pp. 486–496.
18. Clark C., Davila A., Regis M., Kraus S. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: an international investigation. In: *Global Transitions*, 2020, no. 2, pp. 76–82.
19. Aschwanden D., Strickhouser J. E., Sesker A. A., Lee J., Luchetti M., Stephan Y., Sutin A. R., Terracciano A. Psychological and behavioural responses to Coronavirus disease 2019: The role of personality. In: *European Journal of Personality*, 2021, vol. 35 (1), pp. 51–66.
20. Murphy J., Vallières F., Bentall R. V., Shevlin M., McBride O., Hartman T. K. In: *Nature Communications*, 2021, no. 12 (29). Available at: <https://www.nature.com> (accessed: 10.10.21).
21. Li N., Fan L., Wang Y., Wang J., Huang Y. Risk factors of psychological distress during the COVID-19 pandemic: The roles of coping style and emotional regulation. In: *Journal of affective disorders*, 2022, no. 299, pp. 326–334.
22. Solomou I., Constantinidou F. Prevalence and predictors of anxiety and depression symptoms during the COVID-19 pandemic and compliance with precautionary measures. In: *Age and Sex Matter*, 2020, no. 2, pp. 11–19.
23. Sturgis P., Brunton-Smith I., Jackson J. Trust in science, social consensus and vaccine confidence. In: *Nature Human Behavior*, 2021, no. 5. Available at: <https://www.nature.com> (accessed: 10.10.21).
24. Tuncgenç B., El Zein M., Sulik J., Newson M., Zhao Y., Dezechache G., Deroy O. We distance most when we believe our social circle does. In: *British Journal of Psychology*, 2020, no. 112 (2). Available at: <https://scholarworks.iupui.edu> (accessed: 10.10.21).
25. Mchome Z., Mshana G., Peter E., Aloyce D., Kapiga S., Stöckl H. Women's Narratives about COVID-19, Preventive Practices and Sources of Information in Northwestern Tanzania. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 18. Available at: <https://www.mdpi.com> (accessed: 10.10.21).
26. Zirenko M. S., Kornilova T. V. Individual differences in decisions on physical distancing during the COVID-19 pandemic. In: *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 276–286.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Анастасия Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории психологии личности Института психологии РАН;
e-mail: anamibo@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2360-7599

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com; ORCID 0000-0002-0701-1736

Латынов Владислав Викторович – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН;
e-mail: vladlat5@lenta.ru; ORCID 0000-0002-9584-2950

Махнач Александр Валентинович – доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН по научной работе;
e-mail: makhnach@ipran.ru; ORCID 0000-0002-2231-1788

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasya M. Borisova – Researcher, Laboratory of Psychology of Personality, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;

e-mail: anamibo@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2360-7599.

Tina A. Kubrak – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;

e-mail: kubrak.tina@gmail.com; ORCID 0000-0002-0701-1736

Vladislav V. Latynov – Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;

e-mail: vladlat5@lenta.ru; ORCID 0000-0002-9584-2950

Aleksandr V. Makhnach – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Chief Researcher, Deputy Director for Science of Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; e-mail: makhnach@ipran.ru; ORCID 0000-0002-2231-1788

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Борисова А. М., Курбак Т. А., Латынов В. В., Махнач А. В. Взаимосвязь психологических характеристик и представлений о COVID-19 с адаптивным реагированием на пандемию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 47–59.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-47-59

FOR CITATION

Borisova A. M., Kubrak T. A., Latynov V. V., Makhnach A. V. Interdependence of psychological characteristics and perceptions of covid-19 with the adaptive pandemic response. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 47–59.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-47-59

УДК 316.624.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-60-78

ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОЛГОВОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРАКТА

Гагарина М. А.^{1,2}, Рябов В. Б.²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский просп. 49, Российская Федерация

² Институт психологии РАН
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Эмпирическое изучение содержания долгового психологического контракта с целью последующей разработки методики его диагностики.

Процедура и методы. Предлагается расширенное применение понятия «психологический контракт», которое может быть использовано в том числе для анализа долгового взаимодействия. Долговой психологический контракт регулирует отношения между заёмщиком и кредитором (в качестве последнего может выступать как физическое лицо, так и организация), при которых имеет место как эксплицитное, так и имплицитное соглашение о взаимном обмене. Для уточнения структуры долгового психологического контракта использовался «ассоциативный эксперимент», 76 сессий, получено 2200 ассоциаций. Выделено ядро и периферия социальных представлений о долговом взаимодействии по П. Вержесу. Анализ элементов зоны ядра социальных представлений о разных видах долгового взаимодействия позволили выделить устойчивые элементы долгового психологического контракта.

Результаты. Долговой психологический контракт как вид психологического контракта – это обмен обязательствами («что я делаю или должен сделать») и ожидания («что другой делает или должен сделать») относительно размера займа – большой или маленькой суммы, его стоимости – наличия или отсутствия процентов, времени взаимодействия – краткосрочного или долгосрочного займа, чёткости условий, возврата (допустимости просрочки или невозврата), количества участников взаимодействия и его оценки (рациональной, эмоциональной и ценностно-смысловой).

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание механизмов долгового поведения и позволяет разработать методику диагностики долгового психологического контракта.

Ключевые слова: психологический контракт, долговой психологический контракт, социальное взаимодействие, социальный обмен, ожидания и обязательства

Благодарности. Статья подготовлена по государственному заданию № 0138-2021-0010.

RESEARCH OF A PSYCHOLOGICAL DEBT CONTRACT CONTENT

M. Gagarina^{1,2}, V. Ryabov²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky pr., 49, Moscow 125993, Russian Federation*

² *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
ul. Yaroslavskaya, 13-1, Moscow 129366, Russian Federation*

Abstract

Aim. An empirical study of the content of a psychological debt contract with the aim of further developing a methodology for its diagnosis.

Methodology. An extended application of the concept of “psychological contract” is proposed, which can be used for the analysis of debt interaction. Psychological debt contract governs the relationship between the borrower and the lender (the latter can be either an individual or an organization), in which there is both an explicit and implicit agreement on mutual exchange. To clarify the structure of a debt psychological contract, an “associative experiment” was used, 76 sessions in total, 2200 associations were obtained. The core and the periphery of social representations about debt interaction according to P. Vergès are highlighted. Core social representations about different types of debt interactions made it possible to identify stable elements of a debt psychological contract.

Results. Psychological debt contract as a type of psychological contract is an exchange of obligations (what I do or should do) and expectations (what the other does or should do) regarding the size of the loan – a large or small amount, its cost – the presence or absence of interest, the interaction time – short-term or long-term, the clarity of the conditions, return (total, delayed or defaulted), the number of participants in the interaction and its evaluation (rational, emotional and value-based).

Theoretical and/or practical significance. The study contributes to understanding the mechanisms of people’s debt behavior and makes it possible to develop a methodology of a psychological debt contract diagnostics.

Keywords: psychological contract, psychological debt contract, social interaction, social exchange, expectations, obligations

Acknowledgments. This article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on a state assignment no 0138-2021-0010.

Введение

Психологические контракты (ПК) представляют собой одну из форм социального обмена, развивающегося между работодателями и работниками. П. Блау описывает социальный обмен как процесс, влекущий за собой неопределённые обязательства: когда человек оказывает другому услугу, он ожидает некоторую отдачу в будущем [9]. ПК выполняют две

ключевые функции [15]. Во-первых, они определяют трудовые отношения между сторонами, а во-вторых, они устанавливают взаимные ожидания, определяющие поведение. Более конкретно с этой функциональной точки зрения ПК помогают прогнозировать: а) вид вклада, которые работодатели получают от сотрудников; и б) вид вознаграждения, которое сотрудники получают за инвестирование времени

и усилий в организацию [14]. Таким образом, ПК является важным регулятором отношений между работником и организацией [10] и влияет на отношение и поведение сотрудников с точки зрения доверия, что, в свою очередь, порождает приверженность и сотрудничество [16]. Кроме того, обещанные неявные или явные выгоды побуждают получателей внести что-то взамен [11]. Также «ожидание по отношению к какому-либо объекту или партнёру – это психологическое отношение, включающее представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены при взаимодействии с данным объектом или партнёром, это эмоции, вызываемые предвкушением удовлетворения данных потребностей, и готовность совершать определённые действия, способствующие их удовлетворению» [4].

Мы предлагаем рассматривать расширенное применение понятия «психологический контракт», использовать это понятие для анализа любых межсубъектных взаимодействий человека. В статье рассматривается психологический контракт как описание анализа взаимодействия заёмщика и кредитора при взятии займа денежных средств и компенсации долговых обязательств (в долговом поведении).

Мы считаем возможным распространение теории психологических контрактов не только на трудовые, но и на долговые отношения, поскольку в последнем случае, во-первых, – это отношения между как минимум двумя участниками – заёмщиком и кредитором (в качестве последнего может выступать как физическое лицо, так и организация), при которых имеет место как эксплицитное, так и имплицитное

соглашение о взаимном обмене; во-вторых, каждая из сторон вносит свой вклад (организация – деньги, заёмщик – обязательство осуществлять платежи в течение определённого времени) и получает вознаграждение (организация – проценты по кредиту, заёмщик – возможность приобрести товар в настоящее время, а расплатиться в будущем); в-третьих, помимо условий и обязательств, прописанных в официальном документе (эксплицитное соглашение), есть ещё целый спектр сопутствующих ожиданий, переживаний, заблуждений и стереотипов, отражающих субъективные представления об обещании, непрописанном в официальном договоре, и оно тоже должно быть исполнено (имплицитное соглашение). Например, заёмщик может иметь представление о том, что выполнять свои обязательства нужно только в отношении «честных» банков и о том, что можно не отдавать долг человеку, значительно превосходящему заёмщика по материальному положению, а также что существуют какие-то особые отношения вне договора – «к хорошему заёмщику надо относиться с пониманием». Субъективизм может наблюдаться и в интерпретации прописанных в договоре фактов. Таким образом, отношения между заёмщиком и кредитором можно описать как долговой психологический контракт.

Концептуализация психологического контракта

Существует два подхода к измерению психологического контракта [13]: односторонний и двусторонний. При одностороннем подходе психологический контракт – это индивидуальная вера во взаимные ожидания и обяза-

тельства в контексте отношений. При этом анализ сосредоточен на точке зрения работника (а в нашем случае – заёмщика) по поводу ожиданий и обязанностей человека и организации, т. е., психологический контракт ограничивается внутрииндивидуальным восприятием [18]. Двусторонний взгляд на психологические контракты рассматривает контракт как представление обеих сторон о необходимости обмена обязательствами. Двусторонний подход может быть полезен, например, для разъяснения различий во взглядах между сотрудниками и руководителями; с точки зрения К. Фриз и Р. Шалк, для измерения психологического контракта предпочтительнее одностороннее рассмотрение по следующим причинам. Во-первых, психологический контракт буквально психологичен, т. е. это по определению субъективное восприятие. Более того, с методологической точки зрения двусторонний взгляд на психологические контракты проблематичен, потому что сторона организации состоит из многих участников (руководителей, сотрудников отдела кадров, коллег), которые не обязательно выражают единый набор ожиданий [13]. Данное замечание правомерно и для долгового психологического контракта, в случае если в качестве кредитора выступает кредитная организация: представления о возможности одобрить кредит, о размере процентной ставки, предоставлении особых условий различаются у руководства организации, руководителей отдела и менеджера, который непосредственно работает с клиентом, а учитывая тот факт, что всё большую роль в кредитном скоринге играют роботы, то ситуация ещё больше услож-

няется. Однако в случае неинституционального займа, когда обе стороны достаточно легко идентифицировать и каждая обладает психическим восприятием, двусторонний взгляд может быть оправдан. Во-вторых, определение психологических контрактов подразумевает, что психологический контракт влияет на поведение. Однако трудно себе представить, как на поведение заёмщика может повлиять восприятие заёмщиком и кредитором обязательств друг друга в целом, когда заёмщик не всегда может посмотреть на ситуацию «глазами кредитора». Таким образом, предпочтительным является изучение долгового психологического договора как одностороннего представления человека (заёмщика или кредитора) об обязательствах и ожиданиях обеих сторон. Изучение степени реального несоответствия представлений о взаимных ожиданиях и обязательствах сторон возможно, но малоинформативно в том смысле, что представления об исполнении или нарушении психологического контракта основываются на субъективной, а не на объективной оценке. Кроме того, оценка качества взаимодействия может осуществляться на основании разных критериев, как рациональных, так и эмоциональных [7].

Поскольку перспективной целью является разработка инструмента для оценки долгового психологического контракта, то мы рассмотрим критерии разработки и предпримем первые шаги в этом направлении.

К. Фриз и Р. Шалк предложили шесть критериев, представляющие собой идеальный инструмент по оценке психологических контрактов [13]:

1) теоретическая или эмпирическая обоснованность элементов. Поскольку существуют тысячи аспектов, которые могут быть частью ПК, должно быть ясно, на основании чего принято решение о включении того или иного аспекта;

2) обязательное отражение инструментом основную и наиболее важную часть определения ПК, который состоит из восприятий «взаимных обязательств/обещаний». Пункты опросника должны быть сосредоточены на обещаниях, приводящих к обязательствам и взаимным обменам, а также учитывать особенности употребления слов, описывающих эти явления в разных языках и культурах;

3) обязательная оценка соответствия содержания вопросов исследуемой выборке. Если анкета не использовалась ранее для конкретной выборки, необходимо провести пилотное исследование. При предоставлении результатов необходимо указывать психометрические свойства инструмента и субшкал.

4) степень конкретности вопросов для оценки ПК. Достаточно ли просто спросить, как человек оценивает отношения с организацией, или необходимо знать оценку по каждому из пунктов содержания ПК? Преимущество использования конкретных вопросов состоит в том, что можно определить, какие элементы контракта выполняются, а какие нет; недостаток связан с тем, что важные элементы ПК могут быть упущены из набора обещаний и что метод агрегирования элементов в общую оценку с помощью простого среднего вряд ли отражает то, как сотрудник психологически агрегирует переживания. Предпочтительный спо-

соб измерения выполнения или нарушения ПК – это измерение на уровне отдельных шкал, но его можно комбинировать с глобальной оценкой нарушения или корректного выполнения контракта;

5) использование двух подходов при разработке пунктов опросника для установления, был ли ПК выполнен или нарушен. При прямом измерении респондент оценивает степень выполнения предполагаемых обязательств. При непрямом измерении процедура подразумевает расчёт разницы баллов несоответствия между воспринимаемыми обязательствами и фактическим выполнением, что часто бывает проблематично. Оценки разницы являются менее надёжным вариантом, чем подсчёт прямых ответов. Кроме того, когда исследователи вычитают предполагаемые обязательства из фактических побуждений, оценка нарушения ПК интерпретируется исследователем, а не участником, что неоправданно, поскольку ПК – это всегда субъективное восприятие. Из-за психологической природы контракта, его оценка должна производиться непосредственно респондентом, а не исследователем;

6) нарушение ПК не является противоположностью его выполнению, поскольку человек может сообщать о наличии нарушений контракта, и в то же время организация может восприниматься как выполняющая некоторые, но не все условия контракта. Выполнение – и это вопрос степени выполнения действия, тогда как нарушение психологического контракта обычно относится к дискретному действию.

В основе методики диагностики психологического контракта должна быть

положена структурная модель психологического контракта. Методики диагностики психологического контракта, разработанные разными авторами [5], используют модель психологического контракта, состоящую из двух компонент: ожидание и обязательство.

Типичным представителем такой русскоязычной методики, используемой и в практической, и в учебной деятельности, является методика диагностики психологического контракта Е. С. Ребриловой. В этой методике «ожидание» представлено следующими показателями: стабильность, отношения в коллективе, признание, профессиональное развитие, карьера, личное развитие, активная жизнь в организации, вознаграждение, условия труда, удовлетворение, справедливость, доверие, контроль. Каждая подшкала оценивается шестью индикаторами. «Обязательства» представлены следующими шкалами: выполнение официального трудового договора, выполнение организационных норм, приверженность (лояльность к организации), отношения в коллективе, профессиональное развитие, занятость в организации, активная жизнь в организации, добросовестное отношение к работе, контроль. Каждая шкала группы «обязательства» также измеряется шестью показателями.

Мы считаем, что в основу разработки долгового контракта тоже должны быть положены ожидания и обязательства, но их конкретное содержание будет определяться особенностями долгового взаимодействия. Таким образом, долговой контракт представляет собой обмен обязательствами («что я делаю») и ожиданиями («что другой делает»). При этом, в отличие

от реального кредитного контракта, обязательства другого, представленные в сознании в виде ожиданий, могут не совпадать с тем, как другой понимает свои обязательства. Долговой контракт как вид психологического контракта обладает субъективностью и включает ожидания и обязательства, касающиеся совершенно разных аспектов, которые включают размер займа, его стоимость (наличие процентов), степень эмоциональной вовлеченности в отношения, полнота и строгость исполнения обязательств, наличие санкций. Гипотетическая схема приведена на рис. 1.

Возможны разные типы контрактов, описывающие разное сочетание характеристик ожиданий и обязательств. Например, одним участникам долговых отношений важны исключительно рациональные характеристики, т. е. общая стоимость, и они уже готовы собирать документы, обивать пороги банков и стоять в очередях и предоставлять многочисленные справки, подтверждающие их платёжеспособность. Для других может быть весьма болезненным, когда им задают вопросы об их платёжеспособности [12] и просят предоставить подтверждающие документы; для них важно получить деньги быстро, без лишних вопросов, и они не задумываются об итоговой стоимости кредита. Третьи считают для себя возможным обращаться к близким родственникам или друзьям, а кредит воспринимается ими как помощь и является неотъемлемой частью близких отношений [19]. Таким образом, нами были сформулированы следующие гипотезы:

1. Структурными элементами долгового психологического контракта

Рис. 1 / Fig. 1. Теоретическая модель долгового психологического контракта / Theoretical model of a debt psychological contract

являются обязательства и ожидания относительно размера, стоимости, жёсткости условий возврата займа, широте, длительности и эмоциональной насыщенности складывающихся отношений (что проверяется в данном исследовании).

2. На основе разной выраженности компонент долгового контракта может быть построена типология долговых контрактов (не проверяется в данном исследовании).

Методология исследования

Цель. Разработать модель долгового психологического контракта.

Гипотезы исследования.

1. Долговой психологический контракт описывает взаимные обязательства и ожидания относительно размера, стоимости, жёсткости условий возврата займа, широте, длительности и эмоциональной насыщенности складывающихся отношений.

2. Разное сочетание выраженности отдельных элементов долгового контракта даёт разные типы контрактов.

Процедура и методы. Разработка модели психологического контракта предполагает выявление структурных элементов, образующих долговой психологический контракт, а именно – обязательств и ожиданий от взаимодействия, какими их видят большинство людей. Поскольку в случае долгового психологического контракта речь идёт о том, как люди видят, понимают и субъективно интерпретируют долговое взаимодействие, то его устойчивыми структурными элементами будут являться элементы зоны ядра социальных представлений о разных видах долгового взаимодействия, а возможным методом исследования – ассоциативный эксперимент с последующей обработкой по П. Вержесу [2; 3].

Ассоциативный эксперимент был проведён с сентября по октябрь

2019 года. Участникам эксперимента было предложено проговорить свободные ассоциации, возникающие у них в ответ на следующие стимулы: «заём в крупном государственном банке», «заём в надёжном банке», «заём в ненадёжном банке», «заём в микрофинансовой организации», «заём у друга», «заём у родственника» и «заём у коллеги по работе». Стимульные ситуации представляли собой разные варианты заимствования, в которых респондент мог идентифицировать себя с одним из участников взаимодействия: институционального (взятие кредита), с разной степенью риска и разной процентной ставкой и неинституционального, с людьми разной степени близости. Также была предложена стимул, описывающий ситуацию неисполнения долговых обязательств: «нет денег для выплаты долга». Ситуация невозможности выплаты долга была взята для иллюстрации нарушения долгового контракта, поскольку, как показали исследования по организационной психологии, именно нарушение контракта сопровождается переживаниями высокой интенсивности [17]. Почему мы рассматриваем в качестве нарушения долгового контракта формулировку «нет денег для выплаты долга»? Ядром социальных представлений о долге является идея возврата, которую разделяют люди с разным опытом долгового поведения и представители разных поколений [1]. При этом долг – это прежде всего деньги (так же), хотя возможен обмен и другими ресурсами. Формулировка «нет денег для выплаты долга» не предписывает респонденту конкретную роль, поэтому он может воспринять её в равной степени и как проблему кредитора, и как проблему заёмщика.

Респонденты. Участники ассоциативного эксперимента: 36 человек в возрасте от 18 до 23 лет, из них 50% мужчин, имеющих опыт долгового поведения. Сведения об участниках приведены после фрагментов интервью.

Результаты

Результаты ассоциативного эксперимента. Отдельно рассматривались ассоциации, связанные с заимствованием у человека (друга, родственника и коллеги), отдельно – институциональные займы (в надёжном банке, ненадёжном банке, крупном банке, МФО) и отдельно – ситуация невозможности возврата («нет денег для выплаты долга»).

Количество экспериментов и полученных ассоциаций приведено в таблице 1.

Для понимания семантического поля займов у людей разной степени близости, мы провели анализ структуры социальных представлений по П. Вержесу, выделив ядро и периферию. Перед обработкой ассоциации были унифицированы: синонимичные ассоциации были обозначены одним словом, например, ассоциации «кладбище», «авария», «закладываем квартиру», «болезнь», «едем в больницу» были обозначены словом «беда»; ассоциации «срочно понадобились деньги», «безвыходная ситуация», «вынужденная ситуация», «нет другого выхода», «крайняя ситуация», «крайний случай» и т. п. были обозначены как «вынужденность»; «надёжность», «стабильность», «гарантия», «можно доверять», «безопасно», «честно» и др. были обозначены словом «доверие». Затем для каждой ассоциации были рассчитаны ранг упоминания (какой

Таблица 1 / Table 1

Соотношение числа ассоциативных экспериментов и ассоциаций для разных видов долгового взаимодействия / The ratio of associative experiments and associations for different types of debt interactions

Стимул	Количество ассоциативных экспериментов (длительность – 1 мин)	Количество ассоциаций (общее)
Заём у родственников	7	332
Заём у друга	8	260
Заём у коллеги по работе	12	312
Заём в надёжном банке	5	207
Заём в ненадёжном банке	11	290
Заём в крупном банке	10	189
Заём в МФО	11	238
Нет денег для выплаты долга	12	372
Всего	76	2200

по порядку она называлась) и частота упоминания, затем на основании соотношения частоты и ранга все ассоциации были распределены по четырём областям. В I область (ядро) попали ассоциации, отвечающие двум требованиям – во-первых, частота, с которой они встречаются в данной группе (она должна была быть выше медианного значения по группе), во-вторых, ранг её упоминания, который должен был быть меньше среднего по группе, т. к. это самая устойчивая и стабильная часть представления, связанная с ценностями и нормами. Остальные ассоциации попадают в потенциальную зону изменений, т. е. адаптируют значение ядра к конкретной ситуации, являются более вариативными и могут попасть в ядро в случае его трансформации: II и III (буферные) области (их элементы имеют низкую частотность и низкий ранг, т. е. упоминаются не часто, но в первую очередь, или обладают высокой частотностью при высоком ранге, т. е. упоминаются часто, но

не в первую очередь), IV (периферийная) область, куда попадают элементы, упоминаемые редко и в последнюю очередь [2].

Таким образом, в ядро социальных представлений попали ассоциации со следующими параметрами: **заём у родственника** – с частотой 3 и более и рангом ниже 19; **заём у друга** с частотой 4 и более и рангом ниже 20; **заём у коллеги по работе** с частотой 3 и более и рангом ниже 14; **заём в надёжном банке** с частотой 3 и более и рангом ниже 22; **заём в ненадёжном банке** с частотой 3 и более и рангом ниже 16; **заём в МФО** с частотой 3 и более и рангом ниже 13,5; **заём в крупном банке** с частотой 2 и более и рангом ниже 14; **нет денег на возврат долга** – в ядро социальных представлений попали ассоциации с частотой 3 и более и рангом ниже 22.

Поскольку на данном этапе анализа нас интересует только стабильная и устойчивая часть, то мы рассмотрим только ассоциации, попавшие в зону ядра (табл. 2)

Таблица 2 / Table 2

Соотношение элементов зоны ядра социальных представлений о разных видах долгового взаимодействия и стабильных элементов долгового психологического контракта (ДПК) / The ratio of core elements of social representations of different types of debt interaction and stable elements of a debt psychological contract (DPK)

Элемент ДПК ДПК	Вид долгового взаимодействия							Нет денег на выплату долга
	с родственником	с другом	с коллегой	с надёжным банком	с крупным государственным банком	с ненадёжным банком	с МФО	
Размер	маленькая сумма	большая сумма маленькая сумма	маленькая сумма	крупный ипотечка	большая сумма	(маленькая сумма в периферийной зоне)	(маленькая сумма в буферной зоне)	(сумма в буферной зоне)
Стоимость займа	без процентов	(без процентов – в буферной зоне)	без процентов	высокий процент; процент	высокий процент	высокий процент	высокий процент	(высокий процент в периферийной зоне)
Временные рамки	кратко-срочный срок	срок	(срок в буферной зоне)	долгосрочный; ипотека	(долго-срочный в буферной зоне)	(кратко-срочный в буферной зоне)	кратко-срочный срок	(долго-срочный в буферной зоне)
Чёткость условий	нечёткие условия	нечёткие условия	(нечёткие условия в буферной зоне)	чёткие условия	чёткие условия	нечёткие условия	нечёткие условия	(нечёткие условия в буферной зоне)
Рациональная оценка	выгодно; лучше альтернатива	(неудобство в буферной зоне)	удобство; отказ; самостоятельность	поиск решения санкции	выгодно; грамотность	безграмотность; неудобство; риски; санкции; потеря лицензии	риски; санкции	безграмотность; санкции; потребности

Окончание табл. 2

Элемент ДПК ДПК	Вид долгового взаимодействия							Нет денег на выплату долга
	с родственником	с другом	с коллегой	с надёжным банком	с крупным государственным банком	с ненадёжным банком	с МФО	
Эмоциональная оценка	хороший; одобрение; негативные переживания; доверие; недоверие	беда; недоверие; положительные эмоции; потеря; бедность	негативные переживания; одобрение; осуждение; хороший; положительные эмоции; вынужденность; потеря; доверие	проблема доверие	проблема; возможность; доверие; недоверие	осуждение; негативные переживания; проблема; плохой; беда; потеря; угроза	негативные переживания; вынужденность; одобрение; осуждение; обман; потеря	вынужденность; проблема; осуждение; негативные переживания; бедность; потеря; сомнение; избегание
Ценностная оценка	моральные чувства	долг; обязанность	долг; обязанность	(ответственность и обязанность в буферной зоне)	(обязанность в буферной зоне)	(долг в буферной зоне)	долг	долг
Возвратность	(просрочка и возврат в буферной зоне)	(возврат в буферной зоне)	(возврат и невозврат в буферной зоне)	(возврат и невозврат в буферной зоне)	возврат	возврат невозврат	возврат	невозврат
Предмет соглашения	отношения; помощь; деньги; кредит; зарплата	отношения; деньги	отношения; деньги	деньги; кредит	кредит;	кредит	деньги; кредит	помощь; заём; кредит; имущество
Стороны	(родственники в буферной зоне)	банк; друзья	друзья; человек	мнение другого (совет)	знакомые	родственники	организация; человек	банк; родственники; друзья
Позиция	(займодавец в буферной зоне)	(зайщик и займодавец) в периферийной зоне)	займодавец			(зайщик в периферийной зоне)	(зайщик в периферийной зоне)	зайщик

Источник: составлено автором по результатам собственных исследований

Долговой психологический контракт как вид психологического контракта, включает ожидания и обязательства относительно размера займа, его стоимости (наличия процентов), времени взаимодействия, чёткости условий, возврата, участников взаимодействия, широты охвата аспектов взаимодействия и эмоциональной включённости.

Категория «размер займа» включает представления о сумме, которая подлежит заимствованию или одалживанию. Так, в крупных и надёжных банках – это, скорее, сумма на большую покупку, долговое взаимодействие с другом может быть по поводу как большой, так и маленькой суммы, а займы у родственников и коллег, скорее, должны быть небольшими. Представления о размере займа в ненадёжном банке и МФО не попали в ядро социальных представлений, поскольку в сознании большинства людей с такими организациями вообще не следует связываться, хотя присутствие указанных ассоциаций в периферической зоне допускает возможность взятия в них маленьких сумм. Стоимость указывает на размер и наличие платы за пользование займом; в случае любых институциональных займов, независимо от надёжности займодавца речь идёт о высоком проценте, в то время как заём у родственника и коллеги оценивается как беспроцентный. Временные рамки тоже различаются: заём у родственников и МФО краткосрочный, а в надёжном банке – долгосрочный. В остальных случаях срок не определён либо не находится в зоне ядра. Займы в крупных и надёжных банках – оцениваются как займы с чёткими условиями, а займы у родственников, друзей, МФО и

ненадёжных банков оцениваются как с нечёткими условиями. В соответствии с предложенной В. Б. Рябовым оценкой качества взаимодействия долговой психологический контракт может быть оценён по четырём показателям: рациональной и эмоциональной удовлетворённости и неудовлетворённости взаимодействием, к которым мы предлагаем добавить ещё ценностно-смысловую удовлетворённость и неудовлетворённость [8]. Эмоциональная удовлетворённость выражается в положительных, а неудовлетворённость в негативных переживаниях. Рациональная удовлетворённость и неудовлетворённость – в оценках взаимодействия как выгодного или невыгодного, удобного или неудобного по условиям и как связанного с определенным уровнем риска. Оценка долгового взаимодействия как связанного с ценностно-смысловой удовлетворённостью и неудовлетворённостью, на наш взгляд, должна быть связана с переживанием моральных эмоций. В случае неудовлетворённости будут возникать стыд, вина, муки совести (в ассоциациях объединены под общим названием «моральные чувства», а в случае удовлетворённости – чувства морального удовлетворения, оценки своего поведения как ответственного и сообразного долгу и обязанностям. Долговые отношения предполагают, по своей сути, возврат взятого займа. Однако и это нашло отражение в социальных представлениях о разных видах долгового взаимодействия; представления о своевременности и полноте возврата могут варьироваться. В случае взаимодействия с родственниками в буферной зоне, наряду с идеей возврата, присутствуют мысли

о просрочке. Заём у коллеги по работе и в надёжном банке имеет одновременно и возврат, и невозврат в буферной зоне, а в случае с ненадёжным банком эти представления находятся в ядре. Поскольку речь идёт о психологическом, а не юридическом долговом контракте, то предметом соглашения могут являться не только деньги, кредит, но и отношения – категория, попавшая в ядро социальных представлений о всех неинституциональных форм долгового взаимодействия. Формальными сторонами долгового взаимодействия являются человек-организация и, возможно, человек-поручитель (при институциональном) и человек-человек (при неинституциональном), однако в долговом психологическом контракте

могут фигурировать и другие участники. Нижняя строка таблицы не является элементом ПК, но она указывает на то, что респонденты могут идентифицировать себя и как заёмщика, и как заимодавца.

Обобщая вышесказанное, содержание элементов контракта может быть разным, в том числе амбивалентным, некоторые характеристики для определённых видов долгового взаимодействия могут быть необязательными и находиться в буферной и даже периферической зоне социальных представлений. Тем не менее, проведённый ассоциативный эксперимент позволяет представить эмпирическую модель долгового психологического контракта (рис. 2).

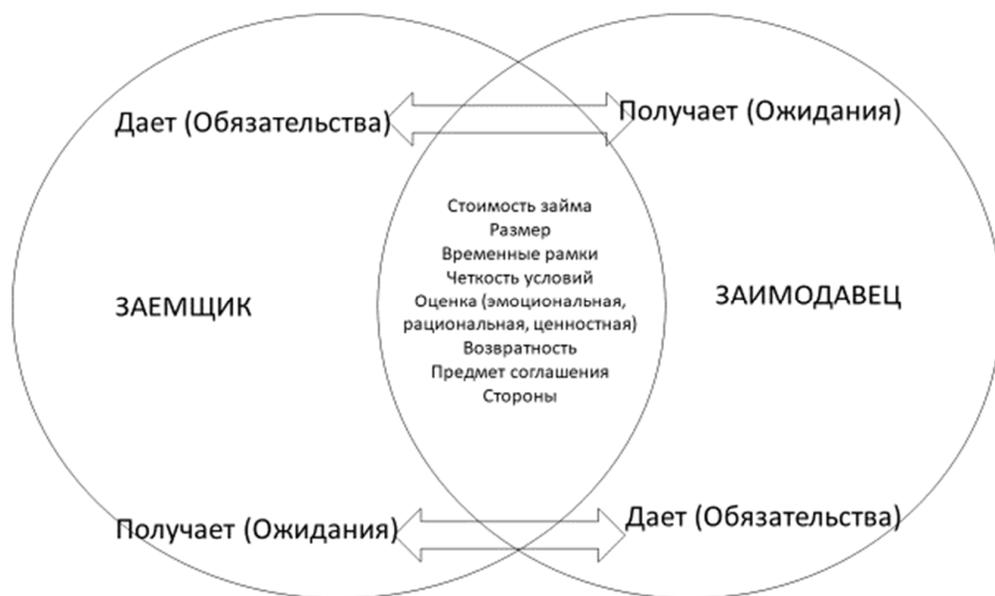

Рис. 2 / Fig. 2. Эмпирическая модель долгового психологического контракта / Empirical model of a debt psychological contract

Проведённый анализ позволяет говорить о выделении контракта и делать предположение об их содержании, но

не является достаточным для окончательных выводов. В связи с этим нами было проведено глубинное интервью,

направленное на прояснение понимания людьми долговых отношений, их содержания, способов регуляции и возможности использования понятия долговой контракт. Объём статьи не позволяет привести ответы всех респондентов, иллюстрирующие каждый элемент долгового контракта (этому будет посвящена отдельная публикация), поэтому остановимся на самых интересных моментах, указывающих на зависимость интерпретации от нахождения в позиции заёмщика или займодавца.

Размер займа.

М. Г.¹ ...с какой суммы мы можем начинать говорить о долге?

Р. Я иду в банк и беру кредит, и любая сумма будет являться долгом.

М. Г. А если Вы берёте в долг у кого-то из друзей или родственников, или у коллеги по работе?

Р. Тоже любая сумма. Неважно какая.

М. Г. То есть, даже если Вы попросили коллегу добавить 20 рублей на кофе в автомате – это тоже будет долг?

Р. Да, это тоже будет долг и его надо будет вернуть или попытаться вернуть.

М. Г. Хорошо, а если Вы не берёте, а даёте в долг другому человеку, исходя из какой суммы Вы считаете, что он Вам должен?

Р. Я никогда не давала деньги в долг. Как-то не приходилось.

М. Г. Неужели за всю жизнь Вы ни разу не давали никому деньги в долг? Вас никто, например, не просил: «Мне надо купить что-то сейчас, а я тебе потом отдам деньги с зарплатой?»

Р. Такое было. Меня подруга попросила купить ей билеты на самолёт, и я ей купила, а потом она мне деньги отдала. Но я не считаю это долгом.

М. Г.: А о какой сумме шла речь? И как быстро она отдала Вам деньги?

Р. Точно не помню, кажется, 15 тысяч рублей, и отдала она где-то их через две недели или месяц. Но у меня не было ощущения, что я дала в долг. Чувства не было. Она просто взяла, а потом всё сразу отдала.

М. Г. То есть, это не долг, потому что нет ощущения и нет возврата по частям?

Р. Да, нет возврата по частям. (Р. – женщина, 43 года, ВО, институциональный заёмщик).

Чёткость условий.

М. Г. Как бы Вы описали те отношения, которые возникают у человека, когда он берёт кредит в банке? Я имею в виду отношения с банком.

Р. Никаких отношений. Юридические отношения в рамках контракта и всё.

М. Г. Какие есть ожидания и обязательства у заёмщика и у банка? Давайте начнём с ожиданий заёмщика. Что он ожидает, каким должен быть банк?

Р. Здесь нет никаких ожиданий, чистый математический расчёт. Какая процентная ставка, выше она или ниже, чем в других банках, какой уровень инфляции, и что я смогу заработать, заняв эти деньги.

М. Г. Но, может быть, есть ожидания относительно надёжности банка? Должен ли, например, банк быть надёжным?

Р. Мне всё равно, надёжный банк или нет, я же беру деньги, а не даю. Предположим, развалится банк или по-

¹ М. Г. – интервьюер (Мария Гагарина). Р. – респондент (сведения о нём указаны в конце высказывания в скобках).

падёт под санацию, какая мне разница. Если мне будет некому деньги возвращать, ну значит не буду выплачивать.

М. Г. А если Вы деньги в этот банк на счёт положили. Скажем, так своеобразно, «дали банку в долг» – как тогда?

Р. Тоже не важно. Главное, чтобы это было в рамках страховой суммы. Проценты может не вернут, а вот основную сумму вклада – вернут. У меня была такая ситуация. (*Р.* – мужчина, 49 лет, ВО, институциональный заёмщик, инвестор)

М. Г. Как бы Вы описали те отношения, которые возникают между двумя людьми, когда один берёт в долг у другого?

Р. Это кошмар. Отношения испортятся. Хочешь потерять друга – дай ему в долг. Это правда. Ты ему дашь, а потом будешь бегать напоминать.

М. Г. Какие ожидания и обязательства есть у кредитора/займодавца и заёмщика? Давайте начнём с обязательств заёмщика. Что обязуется сделать заёмщик, беря деньги в долг?

Р. Взять деньги и отдать. Надо обязательно отдать, иначе тебе в следующий раз не дадут.

М. Г. Обязательство – вернуть взятое в долг. А есть ещё какие-то обязательства?

Р. Кроме как вернуть долг, например, какие?

М. Г. Например, быть благодарным. Испытывать чувство признательности?

Р. Думаю, нет. Если кто-то даёт в долг, значит, он может это дать.

<...>

М. Г. Когда заёмщик берёт в долг, какие у него есть ожидания. Другими словами, каким должен быть займодавец, чтобы у него можно было попросить в долг?

Р. Ожидание, что дадут. Займодавец должен быть платёжеспособным. А так никаких гарантий и никаких ожиданий. Это же человек, а не банк. У него в любой момент может что-то случиться, и он может передумать и потребовать деньги обратно. И тогда надо «подорваться» и побежать искать деньги, чтобы отдать.

М. Г. То есть, получается, что заёмщик не ждёт, что займодавец будет надёжным и предсказуемым.

Р. Нет, хотя, наверное, хотелось бы, чтобы он был адекватным. Не позволил на следующий день и не потребовал деньги назад. Да, есть ожидание, что он будет адекватным. Хорошее слово.

<...>

М. Г. Получается, что заёмщик должен соблюдать свои обязательства, а займодавец нет?

Р. Получается, так. (*Р.* – женщина, 43 года, ВО, институциональный заёмщик).

Эмоциональная включённость.

М. Г. ... Как вы выбирали между займом у физического лица, т. е. у человека, или в банке? Чем вы руководствовались?

Р. Мне максимально комфортно было брать кредит у незнакомых людей. И вообще, чтобы об этом никто не знал. Чтобы это был банк, обычные банковские отношения с процентами, графиком платежей. Для меня это максимально безличная форма, в которой я не вступаю в эмоциональные какие-то отношения. Если я должна, то я не сильно переживаю, я могу даже просрочить платёж... очень долго это может длиться, пока меня совсем уж не достанут звонками. Если бы это был человек, то, конечно же, я бы очень пе-

реживала и в общем трудно было бы... (Р. – женщина, 37 лет, ВО, должник).

Приведённые примеры указывают на субъективность интерпретации возникающих отношений между займодавцем и заёмщиком, а также на недостаточную осознанность некоторых аспектов долгового взаимодействия. Также мы столкнулись с тем, что термин «долговой контракт», который изначально предполагался для обозначения взаимных ожиданий и обязательств, плохо понимается респондентами, более понятным для них является словосочетание «долговые психологические отношения», или «психологические отношения, возникающие при даче/взятии в долг». Когда мы задаём вопрос, могут ли отношения между заёмщиком и займодавцем быть определены как «долговой контракт», респонденты соглашались, но интерпретируют его исключительно как «то, что должно быть прописано в контракте между заёмщиком и займодавцем», и психологическая составляющая при этом утрачивается. В связи с этим, более верным будет использование словосочетания «долговой психологический контракт» с уточнением, что речь идёт о возникающих или не возникающих психологических отношениях. Употребление понятий «долговой психологический контракт» и «долговые психологические отношения» как взаимозаменяемых не вызывает противоречий, поскольку ПК тесно связан с понятием психологического отношения – «это, собственно, и есть психологическое отношение,

но в сфере трудового взаимодействия между работником и организацией» [6, с. 40].

Заключение

В статье рассматривается психологический контракт как анализ взаимодействия заёмщика и кредитора при взятии займа денежных средств и компенсации долговых обязательств (в долговом поведении). Поскольку в случае долгового психологического контракта речь идёт о том, как люди видят, понимают и субъективно интерпретируют долговое взаимодействие, то его устойчивыми структурными элементами будут являться элементы зоны ядра социальных представлений о разных видах долгового взаимодействия. На основании проведённого исследования нами были выявлены следующие структурные элементы ожиданий и обязательств: размер займа, его стоимость (наличие процентов), время взаимодействия, чёткость условий, возврат, участники взаимодействия, широта охвата аспектов взаимодействия и эмоциональная включённость. Таким образом, долговой психологический контракт представляет собой краткую и сжатую «модель» отношений человека к доходу, времени, другим людьми и миру в целом. Полученная структура может служить основанием для разработки методики оценки долгового психологического контракта, что является дальнейшей перспективой исследования и практического применения результатов.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарина М. А. Социальные представления о долге: сравнение поколений // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 246–272.
2. Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006. 400 с.
3. Емельянова Т. П. Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии. Сер. «Методология, теория и история психологии»: сборник статей / Москва, 2018 год / под ред. Г. А. Виленской, Е. И. Лебедевой. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 379–400.
4. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 564 с.
5. Ребрилова Е. С. Психометрия авторской методики «структура и свойства психологического контракта» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 1. С. 18–32.
6. Рябов В. Б. Психологический контракт как субъективное качество организационного взаимодействия // Разработка понятий современной психологии. Сер. «Методология, теория и история психологии»: сборник статей / Москва, 2018 год / под ред. Г. А. Виленской, Е. И. Лебедевой. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 608–621.
7. Рябов В. Б. Психологический контракт как характеристика субъективного качества управленческого взаимодействия // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 166–192.
8. Рябов В. Б. Теоретические основания психологического контракта как субъективного качества взаимодействия // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 27–32.
9. Blau P. Exchange and power in social life. New York: Wiley, 1964. 352 p.
10. Coyle-Shapiro J. A.-M. A psychological contract perspective on organizational citizenship behavior // Journal of Organizational Behavior. 2002. № 23. P. 927–946.
11. Dabos G. E., Rousseau D. M. Mutuality and reciprocity in the psychological contracts of employees and employers // Journal of Applied Psychology. 2004. № 89. P. 52–72.
12. Delis M., Galariotis E., Monne J. Economic condition and financial cognition // Journal of Banking & Finance. 2021. Vol. 123. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 20.06.21).
13. Freese C., Schalk R. How to Measure the Psychological Contract? A Critical Criteria-Based Review of Measures // South African Journal of Psychology. 2008. № 38. P. 269–286.
14. Hiltrop J. M. Managing the changing psychological contract // Employee Relations. 1996. № 18. P. 36–49.
15. Hiltrop J. M. The changing psychological contract: The human resource challenge of the 1990s // European Management Journal. 1995. №3. P. 286–294.
16. Malhotra D., Murnighan J. K. The effects of contracts on interpersonal trust // Administrative Science Quarterly. 2002. № 47. Pp. 534–559.
17. Robinson S. L., Morrison E. W. The development of psychological contract breach and violation: a longitudinal study // Journal of Organizational Behavior. 2000. № 21. P. 525–546
18. Rousseau D. M. New hire perceptions of their own and employer's obligations: A study of psychological contracts // Journal of Organizational Behavior. 1990. № 11. P. 389–400.
19. Wherry F. F., Seefeldt K. S., Alvarez A. S. To Lend or Not to Lend to Friends and Kin: Awkwardness, Obfuscation, and Negative Reciprocity // Social Forces. 2019. № 98 (2). P. 753–793.

REFERENCES

1. Gagarina M. A. [Social ideas about debt: comparison of generations]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2020, vol. 5, no. 4 (20), pp. 246–272.
2. Emel'yanova T. P. *Konstruirovaniye social'nykh predstavleniy v usloviyakh transformacii rossijskogo obshchestva* [Construction of social representations in the context of the transformation of the Russian society]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2006. 400 p.
3. Emel'yanova T. P. [Development of the concept of social representations – a new stage in the development of the conceptual apparatus of social psychology]. In: Vilenskaya G. A., Lebedeva E. I., ed. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Ser. «Metodologiya, teoriya i istoriya psihologii»: sbornik statej / Moskva, 2018 god* [Development of concepts of modern psychology. ser. “Methodology, theory and history of psychology: collection of articles / Moscow, 2018]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018, pp. 379–400.
4. Kuprejchenko A. B. *Psihologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2008. 564 p.
5. Rebrilova E. S. [Psychometry of the author's state methodology “structure and properties of the psychological contract”]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya* [Bulletin of Tver University. Series: Pedagogy and psychology], 2015, no. 1, pp. 18–32.
6. Ryabov V. B. [Psychological contract as a subjective quality of organizational taste] In: Vilenskaya G. A., Lebedeva E. I., ed. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Ser. «Metodologiya, teoriya i istoriya psihologii»: sbornik statej / Moskva, 2018 god* [Development of concepts of modern psychology. ser. “Methodology, theory and history of psychology: collection of articles / Moscow, 2018]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018, pp. 608–621.
7. Ryabov V. B. [Psychological contract as a characteristic of the subjective quality of managerial interaction]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2017, vol. 2, no. 3 (7), pp. 166–192.
8. Ryabov V. B. [Theoretical foundations of the psychological contract as a perceived sensation]. In: *Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ergonomiki* [Human factor: problems of psychology and ergonomics], 2018, no. 1 (86), pp. 27–32.
9. Blau P. Exchange and power in social life. New York: Wiley Publ., 1964. 352 p.
10. Coyle-Shapiro J. A.-M. A psychological contract perspective on organizational citizenship behavior. In: *Journal of Organizational Behavior*, 2002, no. 23, pp. 927–946.
11. Dabos G. E., Rousseau D. M. Mutuality and reciprocity in the psychological contracts of employees and employers. In: *Journal of Applied Psychology*, 2004, no. 89, pp. 52–72.
12. Delis M., Galariotis E., Monne J. Economic condition and financial cognition. In: *Journal of Banking & Finance*, 2021, vol. 123. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 20.06.21).
13. Freese C., Schalk R. How to Measure the Psychological Contract? A Critical Criteria-Based Review of Measures. In: *South African Journal of Psychology*, 2008, no. 38, pp. 269–286.
14. Hiltrop J. M. Managing the changing psychological contract. In: *Employee Relations*, 1996, no. 18, pp. 36–49.
15. Hiltrop J. M. The changing psychological contract: The human resource challenge of the 1990s. In: *European Management Journal*, 1995, no. 3, pp. 286–294.

16. Malhotra D., Murnighan J. K. The effects of contracts on interpersonal trust. In: *Administrative Science Quarterly*, 2002, no. 47, pp. 534–559.
17. Robinson S. L., Morrison E. W. The development of psychological contract breach and violation: a longitudinal study. In: *Journal of Organizational Behavior*, 2000, no. 21, pp. 525–546.
18. Rousseau D. M. New hire perceptions of their own and employer's obligations: A study of psychological contracts. In: *Journal of Organizational Behavior*, 1990, no. 11, pp. 389–400.
19. Wherry F. F., Seefeldt K. S., Alvarez A. S. To Lend or Not to Lend to Friends and Kin: Awkwardness, Obfuscation, and Negative Reciprocity. In: *Social Forces*, 2019, no. 98 (2), pp. 753–793.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гагарина Мария Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; ассоциированный научный сотрудник, Институт психологии РАН;

e-mail: MGagarina224@gmail.com;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>

Рябов Владимир Борисович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии; Институт психологии РАН;

e-mail: v.ryabov@aog.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Gagarina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and human capital development, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Research Assistant, Institute of Psychology RAS;

e-mail: MGagarina224@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>

Vladimir B. Rybov – Cand. Sci. (Technics), Senior Researcher, Laboratory of labor psychology, ergonomics, engineering and organizational psychology; Institute of Psychology, RAS;

e-mail: v.ryabov@aog.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гагарина М. А., Рябов В. Б. Исследование содержания долгового психологического контракта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 60–78.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-60-78

FOR CITATION

Gagarina M. A., Ryabov V. B. The analysis of a psychological debt contract content. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 60–78.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-60-78

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-79-89

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИСКУССТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Звонова Е. В.

*Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

Аннотация

Цель. Изучить характеристики культур, которые генерируют и организуют процессы социального, массового, коллективного смыслообразования и влияют на выбор той или иной формы поведения.

Процедура и методы. Разработан тренинг кросс-культурной коммуникации по развитию типологии культур, который проведён на выборке, состоящей из более 2282 человек в возрасте от 17 до 31 года. Эффективность использования созданной социально-психологической типологии культур в рамках социально-психологического тренинга кросс-культурной коммуникации проверена в рамках эмпирического исследования.

Результаты. Разработанный и апробированный тренинг способствовал снятию коммуникативных барьеров. Основой коммуникативных барьеров выступает эмоциональная сфера, поскольку переживания, форма их проявления и содержание социально обусловлены. Искусство выступает средством кросс-культурной коммуникации, поскольку эмоциональное закрепление есть часть художественного языка. Целенаправленное создание условий кросс-культурной коммуникации, базирующейся на готовности и возможности идентификации, понимания и оперирования коммуникативными системами иных культур, возможно в рамках семиотического подхода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Вопрос исследования кросс-культурной коммуникации продолжает оставаться актуальной проблемой современной социальной психологии. Компоненты и условия возникновения и осуществления кросс-культурной коммуникации выступают для практиков основой осуществления совместного взаимодействия социальных групп, а также социальной мобильности отдельного индивида.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, социальное взаимодействие, барьеры кросс-культурной коммуникации, символы, структура, информация

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN ART: SOCIO-PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS

E. Zvonova

*Moscow Pedagogical State University
ul. Malaya Pirogovskaya 1/1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the characteristics of cultures, which generate and organize the processes of social, mass, and collective meaning-making and influence the choice of a particular form of behavior.

Methodology. The training of cross-cultural communication has been on developing the typology of cultures was worked out. It was based on the sample of more than 2282 people aged from 17 to 31. The effectiveness of using the developed socio-cultural typology of cultures within the psychological training of cross-cultural communication was verified in the frame of the empirical study.

Results. The developed and verified training contributed to raising of the communication barriers. The basis of communicative barriers is the emotional sphere, because feelings, the form of their expression and the content are socially stipulated. Art is a means of cross-cultural communication because emotional attachment is part of the language of art. Purposeful creation of conditions for cross-cultural communication, based on the readiness and ability to identify, understand and operate the communication systems of other cultures, is possible within the framework of the semiotic approach.

Research implications. The issue of cross-cultural communication research continues to be a topical problem of modern social psychology. The components and conditions of the emergence and implementation of cross-cultural communication act as the basis for the implementation of joint interaction of social groups, as well as the social mobility of the individual.

Keywords: cross-cultural communication, social interaction, cross-cultural communication barriers, symbols, structure, information

ВВЕДЕНИЕ

Изучение социально-психологических условий возникновения и функционирования кросс-культурной коммуникации продиктовано современными интегративными процессами, приводящими к возникновению поликультурного пространства, функционирование и развитие которого обуславливает наличие кросс-культурной коммуникации индивидов и групп, между которыми сохраняются значимые социально-культурные различия. Данная проблема в настоящее время выступает актуальной, поскольку возможность взаимодействия с представителями других культур повышает уровень мобильности и самореализации индивида, а кросс-культурная коммуникация выступает основой функционирования федера-

тивных объединений и международных союзов.

Понятие кросс-культурной коммуникации ввёл Э. Холл, рассматривавший данное явление как взаимодействие между представителями различных культур, реализующееся в непосредственных контактах между людьми и группами, а также имеющее опосредованные формы. Каждая культура функционирует благодаря определённой общности, большим группам людей, разделяющим интернализованные коды поведения, содержащие бессознательно приписываемые значения. Опосредствуя свою деятельность и социальные отношения, данные группы людей создают определённые базовые структуры, которые составляют характерные признаки конкретной культуры [13].

Исследование компонентов и условий возникновения кросс- культурных коммуникаций

Проблемы изучения кросс-культурной коммуникации как сложного, многосоставного и многоканального процесса передачи и получения информации между представителями разных культур обусловлены тем, что социальное взаимодействие обуславливается и определяет содержательные аспекты исторической и биографической памяти, религиозности, представлений о социальном времени, убеждений, идеологий и др. [4; 11; 12; 14; 15]. Традиционно внимание исследователей, работающих в русле кросс-культурных исследований, привлекают наличие и степень влияния культурных характеристик на выбор определённой формы поведения. Изучаются психологические механизмы, приводящие к наполнению поведения культурно обусловленным смыслом [18].

В исследованиях, посвящённых психологическим основам социальной коммуникации [16; 20], акцентируется внимание на роли социального контекста, не только временного, ситуативного, но также (в большей степени определяющего успешность понимания и взаимодействия) культурного. В этом ракурсе необходим анализ собственных и на большом промежутке времени носящих неизменный характер массового, коллективного смыслообразования, детерминированного социально признанной стратегией социального познания, продукты которого создают культуру определённого типа.

Любое социальное явление, например, человек, историческое событие,

произведение искусства, архитектурная постройка или другое, становится символом, если они «...подвергаются дебатам, сильным чувствам, конфликтам и идеологической борьбе, а также меняют коллективное мышление в обществе» [16, с. 3]. В этом контексте символы искусства занимают особое положение, поскольку, рождаясь в определённой культуре, созданное с помощью культурно-обусловленного художественного языка, искусство является и самым эффективным средством кросс-культурной коммуникации, поскольку искусство отражает всё то, что составляет саму сущность человеческого существования, и всего того, что определяется как «человек». Однако, представители отдельной культуры пользуются собственными коммуникативными кодами, понимание которых затрудняет осуществление кросс-культурной коммуникации.

Искусство выступает универсальным межкультурным каналом связи, поскольку центральные идеи искусства являются архаическими, базовыми, общими для всех времён и народов. Данная концепция в настоящее время активно воплощается в музейной практике, когда выставки представляют тематически близкие произведения искусства далеко находящихся культур¹.

Возникновение новых средств коммуникации характеризует конец XX – начало XXI века как этап развития кросс-культурной коммуникации [10], что активизирует внимание ис-

¹ Bode Museum. Unvergleichlich: Kunst aus Afrika im Bode-Museum. URL: <https://www.smb.museum/museen-einrichtungen/bodemuseum/ausstellungen/detail/unvergleichlich-kunst-aus-afrika-im-bode-museum> (дата обращения: 10.10.22).

следователей к поиску социально-психологических основ опосредствования, которые объясняются в работах Л. Леви-Брюль, опиравшегося на конструкт «коллективных представлений» Э. Дюркгейма, на функционирование в культурах различного типа особого типа мышления как психологического условия формирования культурного кода [19].

В рамках исследований, выполненных в традициях семиотического подхода, аккумулирующего достижения теоретических дисциплин с опорой на научную гносеологию с учётом специфики социального функционирования знаково-символических систем, решается проблема объяснения развития языков, разграничения контекстов и случаев употребления знаков и символов. В работах Стюарта Холла основой коммуникативных процессов выступает кодирование и декодирование [14, с. 57]. Коммуникация состоит из нескольких этапов: означивание (именование), эмоциональное закрепление, тематическое закрепление, метафорическое закрепление и привязка с помощью основных антиномий. В результате возникают продукты опосредствования различной степени влияния на социум. Переход отдельного явления в символ обозначает переход отдельного знака в обозначение целого класса явлений, его включение в личную жизнь индивида, определяя идентичность собственной культуре и встраивание явления или предмета в целостную модель мира.

Концепция семиотического подхода позволила разработать психологическую типологию культур. Основаниями для этой типологии являются: а) особенности культурно-исторического

мышления [19]; б) принципы функционирования характерных для данной культуры символических систем; в) логика создания текстовой структуры, текстовой формы [21]; г) определение реального и нереального, отношение к «мистике» [2; 4].

Научные исследования описывают как минимум шесть типов различных культур:

1) пралогическая культура (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Ф. У. Боас, Б. К. Малиновский, А. Лурия);

2) культура периода мифотворчества (А. Лосев, Л. Бенуа, Б. Библиер, Д. Золтай, Ю. Вайнберг

3) религиозная корпоративная культура (П. Бицилли, А. Гуревич, А. Пильгун, Ф. Шуон);

4) культура Возрождения, переходный тип культуры (В. Библиер, М. Венерт);

5) европейская культура Нового времени (Х. Клейнпетер, Г. Гегель);

6) культура XX–XXI вв. (Т. С. Кун, С. Гирц, П. Хиндемит, Г. К. Н. Холл, С. К. Лангер).

Эта типология представляет собой открытую систему. Дальнейшие исследования могут дополнить и развить её. Неизменным остаётся только принцип типологизации — это использование знаковых систем при создании текстов.

Барьеры кросс-культурной коммуникации генерируются не только фактологическим содержанием, способом кодирования или другим формально (в отдельной культуре) закреплённым содержанием. Любая фиксирующаяся и передаваемая информация эмоционально окрашена [7; 8; 9], а её декодирование, расшифровка и понимание «хранит пространство для символов, наполненных эмоциональной валент-

ностью» [17]. Таким образом, возможность межкультурной коммуникации и социального поликультурного взаимодействия определяется наличием у субъекта возможности оперировать с символическими моделями разных культур.

Методика исследования

Готовность и способность субъекта к кросс-культурной коммуникации развивается в ситуации активного межкультурного взаимодействия, которое может быть создано в условиях тренинга. Социально-психологический тренинг как метод обучения базируется на практике психологического воздействия, основанной на активных методах групповой работы, в результате которых формируются и развиваются знания, умения и опыт в области коммуникации. Успешность тренинга определяют созданные условия, средства и система действий, которые «запускают» необходимый для достижения целей психологический механизм.

Целью тренинга кросс-культурной коммуникации является создание условий и организация видов деятельности участников, в рамках которых субъект получает возможность выделять и разделять в опосредствованной информации общечеловеческие, существенные компоненты модели мира, общие для всех типов культур, а также культурно специфические, и средства их представления.

Разработанный тренинг основан на механизме символизации, который активизируется в процессе операций с символом в несколько последовательно или параллельно проходящих этапов: 1) ориентировка в том, к какой культуре данный символ относится,

2) мыслительные операции по воссозданию значения возможной ситуации, которую данный символ маркирует, 3) определение собственного отношения, переживание ситуации – создание символического образа, который оказывает эстетическое воздействие на человека и способствует обретению смысла, в случае, если он соотносится с реальной ситуацией.

Условием использования символизма музыкального искусства в тренинге кросс-культурной коммуникации является развитие у участников тренинга умений выделять систему ориентиров, состав ориентировочной части, позволяющий идентифицировать тип культуры и на основе этого выстраивать дальнейшее взаимодействие с субъектами, представителями этой культуры или с артефактами. Для музыкального искусства базовыми символическими средствами, позволяющими определить тип культуры, являются метро-ритмическая организация (временная характеристика) и ладо-гармоническая (последовательная и вертикальная звуко-высотная организация). Логическая структура тренинга была выстроена на основе созданной типологии культур. Каждая тема тренинга посвящена знакомству с одним типом культуры. Отдельный раздел и каждое задание тренинга включали ориентировочный и операциональный этапы.

Ориентировочный этап был разделён на две составляющие ориентировки: 1) этап предварительной ориентировки, позволяющий по метро-ритмической организации определить тип культуры; 2) собственно ориентировочный этап – определение музыкально-теоретической системы (характеристики ладо-гармонической

организации: модальное или тональное), свойственной для данной культуры.

Такое двухэтапное определение типа культуры позволяет идентифицировать значимые характеристики модели мира типа культуры, который определяет характеристики социальных групп и характер социальных связей в ней.

Цель операционального этапа — раскрыть содержание произведения через анализ формы и средств выразительности музыкального языка в контексте культурно-исторического развития, построить образ, соответствующий культурно-историческому периоду. На операциональном этапе слушатель объединяет отдельные элементы музыкальной ткани в целостную картину культуры. Процесс

создания образа происходит через осознание слушателем музыкальной формы и идентификации элементов музыкально-теоретической системы, воплощающей принципы символизма определённой культуры.

Применение в заданиях тренинга методов психотехники Ф. В. Василюка и приёмов актёрского мастерства А. Арто, М. Чехова позволяет создавать условия для переживания слушателями информации, передаваемой языком музыкального искусства, для диалогичного взаимодействия с позиций «композитор – исполнитель – слушатель».

Логическая последовательность активности участников тренинга, которая выдерживалась при выполнении каждого практического задания, представлена на рисунке 1.

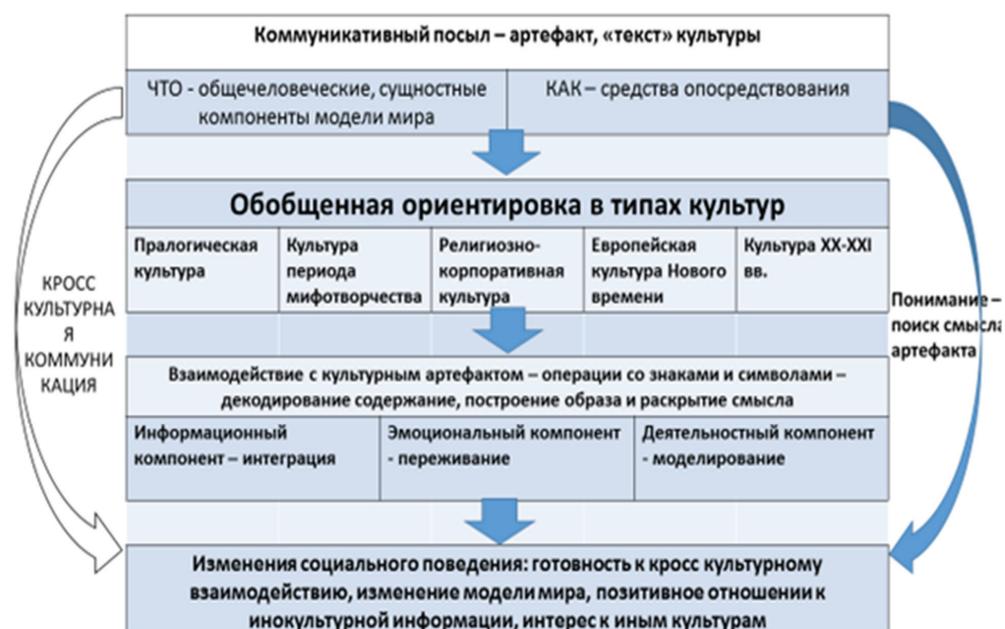

Рис. 1 / Fig. 1. Изменение социального поведения в результате оперирования с символизмом музыкального искусства в кросс-культурной коммуникации / Changing of social behavior as a result of operating with the symbolism of musical art in cross-cultural communication

Выделены уровни достижений, которые определялись целью тренинга, и по степени приближения показателей к целевым оценивалась эффективность прогресса.

Критерии оценки тренинга кросс-культурной коммуникации

Критерий усвоения информационного и деятельностного компонента кросс-культурной коммуникации оценивался по умению определять на слух принадлежность музыкального произведения к типу культуры. Степени сформированности данного компонента определялись по степени переходов от уровня «узнавания» конкретного музыкального произведения или одного элемента к обобщённому умению идентифицировать музыкальное произведение как часть определённого типа культуры.

Критерий изменения эмоционального компонента кросс-культурной коммуникации измерялся по степени развития эмоционального отношения к музыкальным произведениям неизвестных для участника тренинга культур на основании оценки реципиентами своего отношения к музыкальным произведениям: непонимание – неприятие, отторжение, отрицательное отношение; понимание – нейтральное отношение; понимание – положительное отношение, стремление к межкультурному взаимодействию.

Уровень кросс-культурной коммуникации оценивался по обобщённости умений определять содержательную, композиционную, эмоциональную информацию, закодированную в музыкальных произведениях, произведениях изобразительных искусств и архитектуры. В данных заданиях оце-

нивалась информационная или иная опора, точность и полнота ответа (опора на спонтанно возникающий эмоциональный отклик, на тематическое единство, на определение типа культуры и построение культурно-исторической стратегии понимания).

На разных этапах исследования приняли участие 2282 студента из разных стран (РФ, Казахстана, Индонезии, Вьетнама, Монголии, Китая) от 17 до 31 г. ($M=20,0$, $SD=4,1$). При формировании выборки учитывалось, что участники исследования, студенты, представляют собой социально-возрастную группу, обладающую особым социальным статусом и связанным с ним ролевым репертуаром, определяющим перспективы социально-экономического развития общества, условием которого выступает мобильность и активность в кросс-культурной коммуникации [1; 6; 8]. При этом целенаправленно были включены группы из иностранной студенческой молодёжи, сохраняющие черты традиционной культуры.

Полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что при взаимодействии субъектов, представителей одной культуры, с артефактами других культур, субъекты используют приёмы социального познания (категоризация, классификация, создание ярлыков, наименование, признание объяснительных процедур, понимание [2; 3; 21]), функционирующие в собственной культуре (как большая in-group). Построенная на основе символизма музыкального искусства типология культур позволяет выделить систему ориентировочных признаков и действий субъекта, способствующих оперированию с формами и структурными элементами изуча-

емого культурного и инокультурного артефакта, раскрывая его функциональные связи с миром. Полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что возможность декодировать инокультурную информацию, понимать «язык» иной культуры [5] в значительной степени изменяют отношение субъекта к иным культурам, способствуют готовности и возможности кросс-культурной коммуникации.

Эмпирически рассмотрены условия, определяющие символизм музыкального языка как средство кросс-культурной коммуникации, использование которого определяет готовность и возможность субъекта выделять и понимать сущностное, общечеловеческое содержание образа мира представителями разных культур, использующих различные стратегии опосредствования. Эмпирически выявлена и статистически подтверждена возможность переноса умений оперировать с символизмом музыкального искусства на способность оперировать с символизмом других искусств как средства кросс-культурной коммуникации.

Выводы и заключение

1. Готовность и способность субъекта к кросс-культурной коммуникации развивается в ситуации активного межкультурного взаимодействия, которое может быть созда-

но в условиях тренинга. Социально-психологический тренинг как метод обучения базируется на практике психологического воздействия, основанной на активных методах групповой работы, в результате которых формируются и развиваются знания, умения и опыт в области коммуникации.

2. Полученные эмпирические результаты позволяют утверждать, что возможность декодировать инокультурную информацию, понимать «язык» иной культуры [5] в значительной степени изменяют отношение субъекта к иным культурам, способствуют готовности и возможности кросс-культурной коммуникации.

3. Рассмотрены условия, определяющие символизм музыкального языка как средство кросс-культурной коммуникации, использование которого определяет готовность и возможность субъекта выделять и понимать сущностное, общечеловеческое содержание образа мира представителями разных культур, использующих различные стратегии опосредствования. Эмпирически выявлена и статистически подтверждена возможность переноса умений оперировать с символизмом музыкального искусства на способность оперировать с символизмом других искусств как средства кросс-культурной коммуникации.

Статья поступила в редакцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрик Ж. К. Креативность групп // Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 207–226.
2. Аликберов А. К. Роль коммуникации в религиозной метаморфозе инаковости: исторический аспект // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 2. С. 364–372.
3. Андреева Г. М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры // Психологические исследования. 2013. № 30. Т. 6. URL: <https://psystudy.ru> (дата обращения: 10.10.21).

4. Деконши Ж. П. Верования, убеждения и идеологии: Системы представлений, обработка информации, когнитивные механизмы // Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб. : Питер, 2007. С. 342–371.
5. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
6. Сорокоумова Е. А., Катанова В. Г. Экспериментальное исследование самопознания личности студентов в образовательной среде вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1–2. С. 399–406.
7. Стефаненко Т. Г., Липатов С. А. О коллективных переживаниях и социальных эмоциях // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: материалы пятой международной научной конференции: в 2 томах / Смоленск, 27–28 мая 2016 года. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2016. С. 46–51.
8. Тарабакина Л. В. Эмоции и их связи с познавательными процессами // Психология человека в современном мире / под ред. А. Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 117–118.
9. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез: монография. М., Смоленск: Универсум, 2018. 292 с.
10. Шадрова В. М. Кросс-культурные компетенции как основа эффективных коммуникаций в современном мире // Историко-психологические аспекты взаимовосприятия России и Запада: Материалы XLIV Международной научной конференции / Санкт-Петербург, 17 декабря 2018 года / под ред. С. Н. Полторака. СПб: Полторак, 2018. С. 150–152.
11. Giner-Sorolla R. From crisis of evidence to a «crisis» of relevance? Incentive-based answers for social psychology's perennial relevance worries // European Review of Social Psychology. 2019. Vol. 30 (1). URL: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 10.10.21)
12. Gloor J. A non-instrumentalist approach to collective intentionality, practical reason, and the self. Göttingen: V & R Unipress, 2014. 255 p.
13. Hall E. The silent language. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959. 240 p.
14. Hall S. The Rediscovery of 'Ideology': Return of the Repressed in the Media Studies // Approaches to Media. A Reader / eds. O. Boyd-Barett, C. Newbold. London: Arnold, 1995. P. 354–364.
15. Helkama K., Verkasalo M., Myyry L. Honor as a value in Finland, Estonia, Italy, Russia, and Switzerland // Group Processes and Intergroup Relations. 2013. Vol. 16. № 3. P. 279–297.
16. Huijjer B. Social Representations Theory. A New Theory for Media Research // Nordicom Review. 2011. Vol. 2. № 32. P. 3–16.
17. Josŷ C., Goldstein B. R. John of Murs Revisited: The Kalendarium solis et lune for 1321 // Journal for the History of Astronomy. 2012. № 43. P. 412–437.
18. Leung K., Bond M. H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. Vol. 36. P. 119–197.
19. Levy-Bruhl L. Les carnets de Lusien Levy-Bruhl P. Eastford: Martino Fine Books, 2015. 394 p.
20. Olausson U. Towards a European Identity? The News Media and the Case of Climate Change // European Journal of Communication. 2010. Vol. 25. № 2. P. 138–152.
21. Parkin A. J. Essential Cognitive Psychology. Oxford: Psychology Press, 2014. 340 p.

REFERENCES

1. Abric J. C. Creativity groups // Social Psychology. (Rus. ed. Abrik J.-C. Kreativniye gruppy // Sotsial'naya psikhologiya. Saint Petersburg, Peter Publ., 2007, pp. 207–226).

2. Alikberov A. K. [Changing values of the category “Other” in religious spheres. A phenomenon of communication as seen from historical perspective]. In: *Minbar. Islamic Studies*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 364–372.
3. Andreeva G. M. [Social psychology in space of modern science and culture]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2013, vol. 6, no. 30. Available at: <https://psystudy.ru> (accessed: 10.10.21).
4. Deonchy J.-P. [Faiths, beliefs, and ideologies: belief systems, information processing, and cognitive mechanisms]. In: *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Saint Petersburg: Peter Publ., 2007, pp. 342–371.
5. Dontsov A. I., Stefanenko T. G., Utalieva Zh. T. [Language as a factor of ethnic identity]. In: *Voprosy Psichologii*, 1997, no. 4, pp. 75–86.
6. Sorokoumova E. A., Katanova V. G. [Experimental study of students' self-identity in the university educational environment]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 1–2, pp. 399–406.
7. Stefanenko T. G., Lipatov S. A. [On collective emotions and social emotions]. In: *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i krosskul'turnoj psichologii: materialy pyatoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 tomah / Smolensk, 27–28 maya 2016 goda* [The theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology: the materials of the 5th International scientific conference, May, 27–28, 2016] Smolensk, Smolensk University of Humanities Publ., pp. 46–51.
8. Tarabakina L. V. Emotsii i ikh svyazi s poznavatel'nymi protsessami [Emotions and their connections with cognitive processes]. In: *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human Psychology in the Modern World]. Executive editors A. L. Zhuravlev. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2009, pp. 117–118.
9. Tolstykh N. N. *Khronotop: kul'tura i ontogenez* [Chronotope: culture and ontogeny]: monograph. Moscow, Smolensk, Universum Publ., 2018. 292 p.
10. Shadrova V. M. [Cross-cultural competence as the basis for effective communication in the modern world]. In: Poltorak S. N., ed. *Istoriko-psihologicheskie aspekty vzaimovospriyatiya Rossii i Zapada: Materialy XLIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Sankt-Peterburg, 17 dekabrya 2018 goda* [Historical and psychological aspects of the mutual perception of Russia and the West: the materials of the XLIV International scientific conference, Saint Petersburg, 17 December 2018]. Saint Petersburg, Poltorak Publ., 2018, pp. 150–152.
11. Giner-Sorolla R. From crisis of evidence to a «crisis» of relevance? Incentive-based answers for social psychology's perennial relevance worries. In: *European Review of Social Psychology*, 2019, vol. 30 (1). Available at: <https://www.tandfonline.com> (accessed: 10.10.21)
12. Gloor J. *A non-instrumentalist approach to collective intentionality, practical reason, and the self*. Göttingen, V & R Unipress, 2014. 255 p.
13. Hall E. *The silent language*. Garden City, N.Y., Doubleday Publ., 1959. 240 p.
14. Hall S. The Rediscovery of 'Ideology': Return of the Repressed in the Media Studies. In: *Approaches to Media*. London, Arnold Publ., 1995, pp. 354–364.
15. Helkama K., Verkasalo M., Myyry L. Honor as a value in Finland, Estonia, Italy, Russia, and Switzerland. In: *Group Processes and Intergroup Relations*, 2013, vol. 16, no. 3, pp. 279–297.
16. Huijjer B. Social Representations Theory. A New Theory for Media Research. In: *Nordicom Review*, 2011, vol. 2, no. 32, pp. 3–16.
17. Josŷ C., Goldstein B. R. John of Murs Revisited: The Kalendarium solis et lune for 1321. In: *Journal for the History of Astronomy*, 2012, no. 43, pp. 412–437.
18. Leung K., Bond M. H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective. In: *Advances in Experimental Social Psychology*, 2004, vol. 36, pp. 119–197.

19. Levy-Bruhl L. *Les carnets de Lusien Levy-Bruhl*. Eastford, Martino Fine Books, 2015. 394 p.
20. Olausson U. Towards a European Identity? The News Media and the Case of Climate Change. In: *European Journal of Communication*, 2010, vol. 25, no. 2, pp. 138–152.
21. Parkin A. J. *Essential Cognitive Psychology*. Oxford, Psychology Press Publ., 2014. 340 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Звонова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент Московского педагогического государственного университета;
e-mail: zevreturn@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9271-8367

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Zvonova – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Moscow Pedagogical State University;
e-mail: zevreturn@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9271-8367

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Звонова Е. В. Кросс-культурная коммуникация в искусстве: социально-психологические основы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 79–89.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-79-89

FOR CITATION

Zvonova E. V. Cross-cultural communication in art: socio-psychological foundations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 79–89.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-79-89

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-90-101

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАН РОССИИ, ПЕРЕНЁСШИХ COVID-19

Кононов А. Н.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель – изучение психоэмоционального состояния граждан России в период болезни COVID-19.

Процедура и методы. Исследование проводилось с октября по ноябрь 2021 г. Выборка составила 168 респондентов (граждан РФ), перенёсших COVID-19, в возрасте от 22 до 62 лет. В качестве метода исследования использовался контент-анализ письменных самоотчётов участников исследования о переживаниях на протяжении болезни.

Результаты. Метод контент-анализа позволил выделить 12 значимых контекстов, вокруг которых группируются высказывания респондентов, связанные с их личной оценкой психологического состояния во время болезни (страх, тревога, беспокойство о себе, близких/родственниках, детях/ребёнке, слабость, чувства/ощущения, больше/надо, здоровью).

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования подчёркивают важность дальнейшего изучения воздействия перенесённого COVID-19 на личность человека и могут быть использованы при разработке программ профилактических и психокоррекционных мероприятий по снижению возможных негативных последствий для психологического здоровья граждан России.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирусная инфекция, пандемия, психоэмоциональное состояние, контент-анализ, психологические последствия, психологическое здоровье, тревога, страх

PSYCHOEMOTIONAL STATE OF RUSSIAN CITIZENS WHO HAD SUFFERED THE COVID-19

A. Kononov

*Moscow Region State University,
ul. Very Voloshinoy, 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. Study of the psycho-emotional state of Russian citizens during the period of the COVID-19 illness.

Methodology. The study was conducted in October-November 2021. The sample consisted of 168 respondents (citizens of the Russian Federation) who had suffered the COVID-19, aged 22 to 62 years. As a research method, a content analysis of retrospective written self-reports of study participants about the period of illness was used.

Results. The content analysis method allowed us to identify 12 significant contexts around which respondents' statements related to their personal assessment of their psychological state during illness are grouped (fear, anxiety, self-anxiety, anxiety about the loved ones/relatives, children/child, weakness, feelings/ sensations, more/need, health).

Theoretical and/or practical significance. The obtained results of the study emphasize the importance of further studying the impact of the endured COVID-19 on a person's personality and can be used in the development of programs of preventive and corrective measures to reduce possible negative consequences for the psychological health of Russian citizens.

Keywords: the COVID-19, coronavirus infection, pandemic, psychoemotional state, content analysis, psychological consequences, psychological health, anxiety, fear

Введение

Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) зарегистрировала более 308 млн. подтверждённых случаев заболевания COVID-19¹, из которых 10 млн. приходится на Российскую Федерацию. Количество смертей от COVID-19 вместе с количеством людей, получивших сопутствующие осложнения из-за этого вируса, в России составляет более 318 тыс., согласно данным сайта стопкоронавирус.рф².

Пандемия COVID-19 является беспрецедентным событием в мировой истории, оценить экономические и социальные последствия которого в данный момент не представляется возможным. Можно только предположить, к каким психологическим трансформациям личности приведёт перенесённое заболевание, начиная с переоценки смысла своей жизни и заканчивая его потерей, если заболевший стал причиной смерти своих близких.

Цифры ВОЗ демонстрируют огромное количество людей, которым пришлось столкнуться с болезнью, однако они не отражают тех психоэмоциональных переживаний, которые испытывает человек, узнав, что сам болен COVID-19 или стал причиной заражения своих близких, особенностей отношения к болезни и оценки ими возможных последствий для здоровья в долгосрочной перспективе.

По данным исследований вспышек гриппа А (H1N1) [17] и эпидемии Эболы [13], выявлены серьёзные негативные воздействия на психологическое и психическое здоровье населения, такие как повышение уровня тревоги, развитие депрессивных состояний, нарушение сна, которые, однако, невозможно сопоставить по масштабам влияния пандемии новой коронавирусной инфекции. Специалисты сходятся во мнении, что пандемия COVID-19 оказывает крайне негативное воздействие не только на физическое, но и на психическое здоровье человека [9], а также на состояние субъективного благополучия личности [6], её жизнестойкость [4]. Это обусловлено тем, что помимо тяжести заболевания, люди вынуждены находиться в изоляции в случае выявления у них инфекции; резко сокращается количество социальных

¹ World Health Organization (WHO) Coronavirus (COVID-19) Dashboard [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 12.01.2022).

² Стопкоронавирус.рф. Оперативные данные [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aesfpebagmflc0a.xn--p1ai/information/> (дата обращения: 08.12.2021).

контактов со значимыми другими [10]. Дополнительное напряжение создаётся фальшивыми, чрезмерно пугающими или противоречивыми новостями (инфодемией) в СМИ, приводящими к стрессу и усугублению общего состояния здоровья населения [3; 7; 16]. В связи с опасностью последствий COVID-19 для психики людей и тех психологических страданий, которые приносит болезнь, ВОЗ было опубликовано руководство по предотвращению и устранению возможной социальной стигматизации людей, перенёвших COVID-19¹. Люди чувствуют опасность повторного заражения даже спустя несколько месяцев после выздоровления и переживают страх заразить своих родственников, особенно пожилых. Для предотвращения этого они намеренно ограничивают социальные контакты с целью защитить окружающих, навязчиво измеряют температуру или сдают кровь для проверки уровня антител [11]. Возможные физиологические, а главное – психологические последствия перенесённого заболевания на данный момент недостаточно изучены, что вынуждает людей испытывать сильный эмоциональный дискомфорт после выздоровления.

Беспокойство и страх о своём собственном здоровье и здоровье близких людей (особенно пожилых или страдающих хроническими заболеваниями), неуверенность и тревога о будущем в совокупности с потерей чувства контроля за событиями своей жизни [1], способны породить депрессивные

состояния. В случае пролонгированного действия данных проблем возрастает риск увеличения числа психических расстройств среди взрослого населения [15].

С целью предотвращения развития и обострения психосоматических, а также психиатрических заболеваний [12], данные обстоятельства должны учитываться такими специалистами, как психологи, психиатры, невропатологи, социальные работники, помогающие лицам, перенёвшим COVID-19.

Особую значимость приобретает работа с горем и потерей близких [5; 8]. Невозможность самостоятельно справиться с психоэмоциональным напряжением, страх повторного инфицирования и как результат – нарушение психологического гомеостаза, являются тем ударом, который наносит COVID-19 психике заболевшего человека [14].

Именно поэтому психологическая помощь в преодолении психологических последствий пандемии COVID-19 является важным элементом наравне с оказанием медицинской помощи и последующей реабилитацией после выздоровления и социальной поддержкой населения России со стороны государства. Это требует понимания психологических механизмов и особенностей эмоциональных переживаний людей, болеющих или уже перенёвших COVID-19.

Анализ литературы позволяет говорить о том, что несмотря на достаточное количество исследований, проблема актуального психоэмоционального состояния во время болезни и возможных психологических последствий для личности человека, перенёвшего новую коронавирусную инфекцию,

¹ Social Stigma associated with COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guide.pdf> (дата обращения: 08.12.2021).

остаётся недостаточно изученной и требует всестороннего исследования в ситуации продолжающейся пандемии COVID-19 и появления новых штаммов инфекции.

Процедура и методы исследования. С целью изучения особенностей и психологических последствий перенесённого COVID-19 было проведено исследование, в котором приняли участие граждане РФ (N=168), в возрасте от 22 до 62 лет, из них женщин (n=95), мужчин (n=73). Исследование проводилось в октябре–ноябре 2021 г. Данные исследования были собраны с помощью составленного онлайн-опроса со ссылкой на Google-форму.

Для анализа психоэмоционального состояния в период болезни COVID-19 респондентам было предложено ответить на вопросы авторского опросника, результаты оценивались с помощью качественно-количественного метода – контент-анализа. Данный метод анализа субъективной психической реальности участников исследования, отражённой в тексте, предполагает выделение значимых смысловых единиц, вокруг которых группируется большинство высказываний относительно периода болезни респондентов.

Вопросы для респондентов были разделены на два блока:

– *первый*: общая информация о перенесённом заболевании: 1. Как Вы узнали, что болели COVID-19? 2. Как давно Вы болели COVID-19? 3. Оцените степень тяжести течения болезни?

– *второй*: оценка психоэмоционального состояния в период болезни и возможных психологических последствиях перенесённого заболевания: 1. Когда Вы узнали, что больны COVID-19, какие эмоции и чувства Вы испытали? (В 1). 2. Когда Вы узнали, что больны COVID-19, о чём или о ком Вы подумали в первую очередь? (В 2). 3. Как бы Вы описали своё психоэмоциональное состояние во время болезни? (В 3). 4. Оглядываясь назад, на время, когда Вы болели, какие эмоции и чувства вызывает у Вас этот период жизни? (В 4). 5. Какое влияние оказала болезнь на Ваше отношение к жизни в целом, своему здоровью, Вашим родным и близким? (В 5). Дополнительный вопрос: Как Вы считаете, болезнь оказала негативное влияние на Ваше психологическое здоровье?

Результаты исследования. Полученные результаты исследования по *первому блоку* вопросов представлены в таблицах 1–3.

Таблица 1 / Table 1

Информация о подтверждении перенесения заболевания (в %) / Information about the confirmation of the endured disease (in %)

Был положительный результат ПЦР-теста	78 (46,6%)
ПЦР-тест не сдавал(а), но была потеря обоняния	52 (31%)
Сдал(а) анализ крови, который показал наличие антител	38 (22,6%)

Источник: составлено автором

Из общего числа респондентов у 46,6% был диагностирован COVID-19

по результатам ПЦР-теста, 31% отмечали потерю обоняния, (как указывает

Таблица 2 / Table 2

Сроки перенесения заболевания (в %) / The timing of the endured disease (in %)

Несколько недель назад	14 (8,3%)
Примерно месяц назад	6 (3,6%)
Примерно два месяца назад	6 (3,6%)
Примерно 3 месяца назад	24 (14,3%)
Примерно полгода назад	22 (13,1%)
В прошлом 2020 году	96 (57,1%)

Источник: составлено автором

Таблица 3 / Table 3

Оценка тяжести течения болезни (в %) / Assessment of the severity of the disease (in %)

Бессимптомно переболел(а)	14 (8,3%)
Лёгкая форма (была невысокая температура, слабость)	62 (36,9%)
Средняя тяжесть	74 (44%)
Тяжёлое	18 (10,7%)

Источник: составлено автором

В. М. Свистушкин, согласно исследованиям, проведённым на базе ФГАОУ ВО Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России, только 25% пациентов не страдали снижением обоняния¹, т. е. можно говорить, что это один из обязательных симптомов заболевания). Из всего числа респондентов, перенёвших заболевание, 22,6%, могли болеть в лёгкой или бессимптомной форме и узнали о болезни только после сдачи анализа крови.

Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что больше половины 96 участников исследования (57,1%) перенесли заболевание в 2020 г., остальные 72 (42,9%) – в последние 6 месяцев.

¹ Валерий Свистушкин рассказал о механизмах потери обоняния при COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/valeriy-svistushkin-rasskazal-o-mekhanizmaxh-poteri-obonyaniya-pri-covid-19> (дата обращения: 18.12.2021).

Анализируя результаты ответов респондентов относительно степени тяжести протекания COVID-19, можно отметить, что только 8,3% человек перенесли заболевание бессимптомно, и 10,7% – в тяжёлой форме. Лёгкая форма заболевания отмечалась у 36,9% участников исследования, и 44% оценили своё состояние как средней степени тяжести.

Результаты контент-анализа текстов ответов респондентов по *второму блоку вопросов (оценке психоэмоционального состояния в период болезни и возможных психологических последствиях перенесенного заболевания)* представлены на рисунке 1, значения на диаграмме – количество упоминаний в тексте.

Результаты ответов на первый вопрос (B1) свидетельствуют, что в тот момент, когда респонденты узнавали о том, что они больны COVID-19, чаще всего они испытывали «Страх» (61):

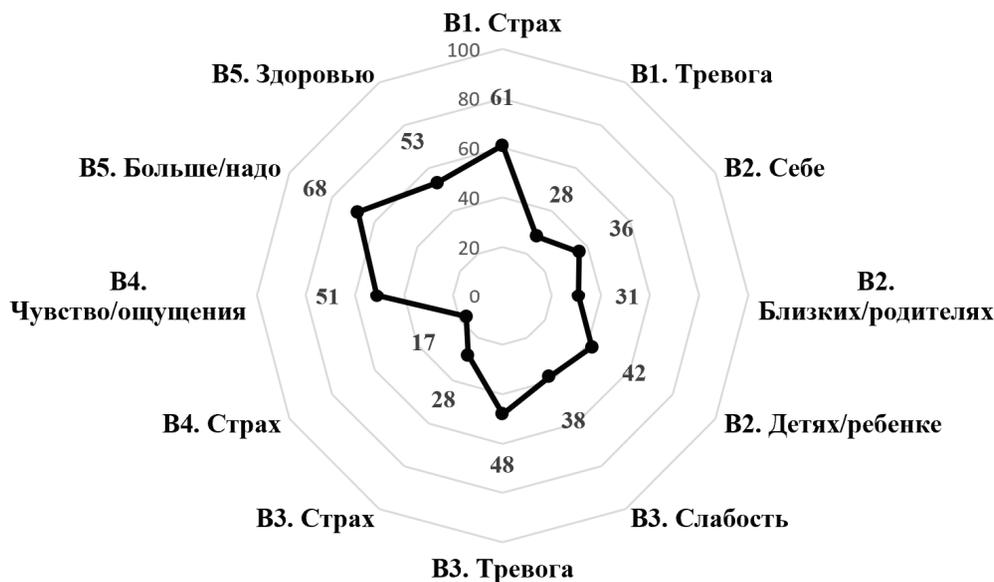

Рис. 1 / Fig. 1. Психоэмоциональное переживание последствий COVID-19 (кол-во упоминаний) / Psychoemotional experience of the consequences of the COVID-19 (number of mentions)

Источник: данные автора.

«Страх смерти», «Страх изоляции и одиночества», «Страх из-за огромного количества негативной информации о COVID», «Страх смерти, потому что изменить уже ничего нельзя, необходимо смириться». И «Тревогу» (28): «Тревогу, потому что слишком много страшилок из внешнего мира», «Тревогу, а вдруг осложнения», «Было очень тревожно, т. к. не знала, как будет дальше проходить болезнь».

Анализ результатов исследования. Проанализировав расхождение в количестве упоминаний «Страх» и «Тревоги», можем объяснить это особенностями переживания данных психоэмоциональных состояний. Тревога является беспредметным ожиданием опасности и носит неопределённый характер в отличие от страха, который всегда имеет конкретный объект [2]. В ситуации с COVID-19, когда по-

ставлен диагноз, человек испытывает чаще всего страх перед конкретным заболеванием и возможным летальным исходом, т. е. страх смерти. При этом тревога носит скорее диффузный, неопределённый характер и вызвана в ряде случаев информационным фоном в СМИ.

Анализ ответов на второй вопрос (В2) (о ком в первую очередь подумали респонденты, узнав о болезни), показал, что чаще всего респонденты выбирали ответ «о детях/ребёнке» (42): «О сыне, если я умру, как он будет без меня», «О детях, боялась заразить», «Очень переживала за ребенка, каждую ночь проверяла, как она дышит», «О грудном ребёнке – не исследовано влияние и переносимость», «О детях, потому что я мама». Переживания о детях наиболее частые среди ответов. По всей видимости, это можно объ-

яснить меньшим количеством мужчин (n=73) и большим женщин (n=95), для которых собственная значимость в опасной ситуации ниже, чем жизнь и здоровье их детей.

О «Себе» выбрали 36 респондентов: «О себе, мне обязательно надо выздороветь», «Отчётливо поняла, что помочь себе смогу только я сама», «А вдруг мне нужна будет реанимация или ИВЛ, и мне не хватит места». COVID-19 является заболеванием, представляющим опасность не только здоровью человека, но и самой его жизни, т. е. несет витальную угрозу. Это заставляет людей задумываться о себе и возможностях для сохранения своей жизни в борьбе с болезнью.

О «Близких/родителях» – 31: «Переживания о близких, не заразила ли», «Конечно о семье, тем более болели все вместе», «О пожилых родителях, не заразил ли я их», «О своих близких, что заразила, ладно я переболею, а если у них это приведёт к тяжелым проблемам и осложнениям», «О родителях, вдруг они заразились от меня и умрут». Переживания за своих родных и близких (родителей, супругов) закономерны, ведь многие живут большими семьями, включая пожилых родителей, что нашло своё отражение в ответах респондентов. Их переживания связаны в большей степени с опасением стать причиной тяжёлой болезни или смерти своих родных.

Анализ ответов на третий вопрос (В3) относительно психоэмоционального состояния во время болезни позволяет говорить об определённых изменениях, происходивших с течением болезни. Так, уменьшается число упоминаний «Страх» (28) и увеличивается количество высказываний «Тревога»

(48): «Повысилась тревожность, в выходные, когда было больше свободного времени, тревога и грусть увеличивались», «Тревога из-за отрицательной статистики выживаемости», «Очень плохо спала или не могла заснуть, или же просыпалась среди ночи и не сплю до утра, была какая то тревога», «Тревога из-за неизвестности будущего». В процессе болезни у респондентов изменяется внутренняя картина болезни, т. е. совокупность сенситивных и интеллектуальных переживаний, связанных с заболеванием: общее состояние и самочувствие, те ощущения, которые испытывает человек, комплекс эмоций, связанных с болезнью и её течением [1]. Таким образом, опредмеченный страх, который испытали респонденты, узнав, что больны COVID-19, уступает нарастающему чувству тревоги, непредсказуемости последствий и возможности осложнений в будущем.

Респонденты указывают и на «Слабость» (38), она упоминается не только как физическое состояние, но и как чувство беспомощности, растерянности, угнетённости и эмоциональной подавленности: «Растерянность, пассивность, угнетённость», «Подавленность и безысходность», «Ощущение безысходности и бессилия», «Через 5–7 дней началось угнетённое состояние», «Упадок сил, снижение эмоционального фона, угнетение, беспомощность».

Анализ ответов на четвёртый вопрос (В4) о тех эмоциях и чувствах, которые испытывают респонденты при воспоминании о периоде болезни, чаще всего ими упоминается «Страх» (17): «Ужас и страх! Мир поменялся!», «Страшно пройти через это снова. Стараюсь не вспоминать, чтобы не

возвращаться к тем эмоциям», «Было жалко себя и хотелось жить», «Сейчас, спустя время, всё гораздо легче воспринимается. Но всё равно понимаешь, что ты беззащитен», «Все вокруг болеют, как выжить, страх» и «Сожаление/чувство» (51): «Чувство потерянного времени, одиночества», «Сожаление, что потеряла 3 недели», «Ужасные воспоминания и чувство, что это никогда не закончится», «Не хотелось бы пережить тот промежуток времени снова», «Стараюсь не вспоминать, чтобы не возвращаться к тем эмоциям». Важно отметить, что даже после выздоровления респонденты переживают выраженные негативные эмоции, связанные с периодом болезни.

Анализ ответов на пятый вопрос (B5) о том, какое влияние оказала болезнь на отношение к себе и своей жизни, позволил выделить два значимых контекста «Больше/надо» (68) и «Здоровье» (53): «Стала больше заботиться о себе, своём здоровье и физическом, и психологическом», «Стал больше уделять время занятию спортом и здоровью», «Поняла, что надо больше ценить каждую минуту жизни», «Произошло переосмысление жизненных ценностей», «Осознание возможности потери близкого человека (родители, жена) сейчас помогает сглаживать острые моменты в общении», «Полностью пересмотрела и начала ценить ещё больше жизнь и время с родными», «Поняла, что время быстротечно», «Стала больше ценить жизнь, многие близкие и знакомые ушли в мир иной от ковида, мама в их числе», «Ничего нет вечного, и в любой момент нить может оборваться». Перенесённая болезнь для многих ре-

спондентов стала знаковым моментом, который изменил отношение не только к своему здоровью, но и к жизни в целом. Особую ценность приобрели родные и близкие люди, произошло обострение страха их потери и одиночества в мире.

Пандемия COVID-19 – экстремальная ситуация, угрожающая жизни людей, стала катализатором, актуализировавшим у многих респондентов, перенёвших болезнь, экзистенциальные страхи. В результате вынужденной изоляции и последующей рефлексии собственного состояния, а также ситуации вокруг, люди столкнулись с двумя неотвратимыми данностями существования: возможностью своей собственной смерти и неизбежностью ухода родных, что можно рассматривать как страх изоляции и одиночества (общее число упоминаний слова «Страх» составило 106 раз).

При нахождении человека в одиночестве, если у него есть свободное время от повседневных забот и дел, как указывал И. Ялом, возможна рефлексия на глубоком личностном уровне [3]. В ситуации болезни, соблюдая режим самоизоляции, люди вынуждены были отстраниться от внешнего мира, и так или иначе погрузиться в переживания о своём собственном бытии, что в конечном итоге многих привело к переосмыслению своего существования. В рамках процесса оказания профессиональной психологической помощи, когда клиенты по собственной воле приходят к специалисту-психологу и взаимодействуют с ним, они могут получить помощь и необходимую поддержку. Участники исследования, перенёвшие болезнь, оказались перед лицом экзистенциальных данностей

существования вынужденно, будучи неподготовленными к их осознанию и не имея возможности получить помощь специалиста. Можно предположить, что участники исследования осознали страхи, вызванные болезнью COVID-19, и сформировали новые модели поведения и взаимодействия с миром, который включает в себя обязательное погружение в процесс жизни, о чём они писали в своих ответах: *«Стала больше уделять внимание близким и своему здоровью», «Больше общаюсь с мамой, понимаю, что каждый день может быть последним», «Стала более дисциплинированной, понимая, что у меня немного времени для выполнения всех целей, мечтаний и желаний».*

Однако нельзя не сказать, что оказание своевременной психологической помощи и поддержки людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, к которой можно отнести пандемию COVID-19 и перенесение данной болезни, требуют особого внимания со стороны социальных работников и специалистов психологических служб, с целью предотвращения возможных негативных последствий для психологического здоровья граждан РФ.

Свидетельством того, что такая помощь и поддержка со стороны специалистов-психологов необходима, указывают ответы респондентов на дополнительный вопрос: «Как Вы считаете, болезнь оказала негативное влияние на Ваше психологическое здоровье?». Только 16 (9,5%) респондентов ответили, что болезнь не оказал влияния и ещё 28 (16,7%) затруднились с ответом, т. к. на момент проведения исследования не чувствовали никаких изменений в своём психологическом состоянии. По мнению 38 (22,6%)

респондентов, негативное влияние оказано болезнью в краткосрочной перспективе, а 86 (51,2%) участников исследования ответили, что болезнь оказала негативное влияние на их психологическое здоровье не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Выводы

Пандемия COVID-19 является кризисным событием для людей, которые столкнулись с болезнью. Длительное пребывание в подобной ситуации оказывает отрицательное воздействие на психоэмоциональную сферу личности человека в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Страх заболеть самим и умереть, заразить других, стать причиной гибели своих родных, слышать и читать сообщения в СМИ о высокой смертности, тяжести течения заболевания и серьёзных осложнениях для пожилых людей, сопровождает людей, заболевших новой коронавирусной инфекцией.

Проведённое исследование самоотчётов граждан России, перенёсших COVID-19, позволяет говорить о негативном влиянии данного заболевания на психологическое здоровье населения. Применение контент-анализа дало возможность выделить в ответах респондентов 12 значимых категорий, вокруг которых группируются высказывания: «Страх» и «Тревога» (после постановки диагноза); «Себе», «Близких/родителях», «Детях/ребенке»; «Слабость», «Тревога» и «Страх» (при оценке психоэмоционального состояния во время болезни); «Страх» (при воспоминании о периоде болезни), «Чувство/ощущения»; «Больше/надо», «Здоровью».

Наиболее часто упоминалось в ответах и переживалось участниками исследования чувство страха – 106 раз – на разных этапах течения болезни, начиная с момента постановки диагноза, в процессе лечения и после выздоровления, и при воспоминании о данном периоде своей жизни. Осознание страха перед собственной смертью и страха потерять своих родных как экзистенциальных данностей существования стали теми вызовами объективной реальности, с которыми респонденты, перенёвшие COVID-19,

вынуждены были справляться самостоятельно.

Полученные результаты исследования предоставляют важные сведения для психологов и работников социальных служб и могут быть использованы при разработке программ психологической помощи и реабилитации лиц, перенёвших COVID-19, потерявших родных или близких в период пандемии, с целью их реабилитации и восстановления психологического здоровья.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов А. Н. Тревога о будущем в условиях пандемии коронавирусной инфекции: исследование методом контент-анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 18–28.
2. Лурия Р. А. Внутренняя картина болезней и ятрогенные заболевания / пер. Л. М. Рахлина, Н. И. Вылегжанина. М.: Медицина, 1977. 112 с.
3. Овсяник О. А. Социально-психологические особенности адаптации врачей к возникновению пандемии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 75–81.
4. Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 82–98.
5. Ташимова Ф. С. Психологи в условиях пандемии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 127–131.
6. Тихомирова Е. В. Психологическое благополучие студентов в условиях высокой неопределённости будущего // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 88–96.
7. Фрейд З. Истерия и страх / пер. А. М. Боковой. М.: СТД, 2006, 319 с.
8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. Т. С. Драпкиной. М.: Класс, 2019. 576 с.
9. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. №395. P. 912–920.
10. Cielo F., Ulberg R., Di Giacomo D. Psychological Impact of the COVID-19 Outbreak on Mental Health Outcomes among Youth: A Rapid Narrative Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. № 18. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/11/6067> (дата обращения: 21.12.21).
11. Dinapoli L., Camardese G., Ferrarese D. “A Lion Sleeping Next to Me”: Preliminary Considerations on the Psychological Consequences of Surviving COVID-19. Psychosomatics // Journal of the Academy of Consultation-Liaison Psychiatry. 2021. № 62. Iss. 3. P. 372–374.
12. Fiorillo A, Gorwood P. The consequences of the COVID-19 pandemic on mental health and

- implications for clinical practice // *European Psychiatry*, 2020. № 63 (1). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 21.12.21).
13. Jalloh M. F. Li W.; Bunnell R. E. Impact of Ebola experiences and risk perceptions on mental health in Sierra Leone, July 2015 // *British Medical Journal Global Health*. 2018. № 3. URL: <https://gh.bmj.com/content/3/2/e000471> (дата обращения: 21.12.21).
 14. Khalaf A. M. Psychological Consequences of COVID-19 and Challenges for Post-traumatic Interventions // *Journal of Psychology Research*. 2020. Vol. 10. № 1. P. 24–29.
 15. Panagioti M., Geraghty K., Johnson J. Association between physician burnout and patient safety, professionalism, and patient satisfaction: a systematic review and metaanalysis // *JAMA Internal Medicine*. 2018. № 178. P. 1317–1330.
 16. Suliman K., Rabeea S., Hongmin L. Impact of coronavirus outbreak on psychological health // *Journal of Global Health*. 2020. Vol. 10. № 1. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 21.12.21).
 17. Wheaton M. G., Abramowitz J. S., Berman N. C. Psychological Predictors of Anxiety in Response to the H1N1 (Swine Flu) Pandemic // *Cognitive Therapy and Research*. 2012. № 36. P. 210–218.

REFERENCES

1. Kononov A. N. [Anxiety about the future in the context of a coronavirus pandemic: a study by content analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Psychological Sciences], 2020, № 3, pp. 18–28.
2. Luria R. A. “Internal picture of the disease and yatrogenic diseases (Rus. ed.: Rahlin L. M., Vylegzhanin N. I., transl.; Luria R. A. Vnutrennyaya kartina boleznej i yatrogennye zabolovaniya. Moscow, Medicine Publ., 1977. 112 p.).
3. Ovsyanik O. A. [Cross-cultural gender features of value orientations of women leaders]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2021, no. 4, pp. 107–116.
4. Sidyacheva N. V., Gubanov A. V., Zotova L. E. [Socio-psychological determinants of psychological well-being during the COVID-19 pandemic: data from an international study]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2020, no. 4, pp. 82–98.
5. Tashimova F. S. [Psychologists in the pandemic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2021, no. 1, pp. 127–131.
6. Tikhomirova E. V. [Psychological well-being of students in the conditions of high uncertainty of the future]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2021. no. 4 (121), pp. 88–96.
7. Freud S. Hemmung, Symptom und Angst (Rus. ed.: Bokovikov A. M., transl.; Freid S. Isteria i strah. Moscow, STD Publ., 2006. 319 p.).
8. Yalom I. Existential Psychotherapy (Rus. ed.: Drabkina T. S., transl.; Yalom I. Ekzistencial'naya psihoterapiya. Moscow, Klass Publ., 2019. 576 p.).
9. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. In: *The Lancet*, 2020, no. 395, pp. 912–920.
10. Cielo F., Ulberg R., Di Giacomo D. Psychological Impact of the COVID-19 Outbreak on Mental Health Outcomes among Youth: A Rapid Narrative Review. In: *International Journal*

- of *Environmental Research and Public Health*, 2021, no. 18. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/11/6067> (accessed: 21.12.21).
11. Dinapoli L., Camardese G., Ferrarese D. “A Lion Sleeping Next to Me”: Preliminary Considerations on the Psychological Consequences of Surviving COVID-19. *Psychosomatics*. In: *Journal of the Academy of Consultation-Liaison Psychiatry*, 2021, no. 62, iss. 3, pp. 372–374.
 12. Fiorillo A., Gorwood P. The consequences of the COVID-19 pandemic on mental health and implications for clinical practice. In: *European Psychiatry*, 2020, no. 63 (1). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 21.12.21).
 13. Jalloh M. F. Li W.; Bunnell R. E. Impact of Ebola experiences and risk perceptions on mental health in Sierra Leone, July 2015. In: *British Medical Journal Global Health*, 2018, no. 3. Available at: <https://gh.bmj.com/content/3/2/e000471> (accessed: 21.12.21).
 14. Khalaf A. M. Psychological Consequences of COVID-19 and Challenges for Post-traumatic Interventions. In: *Journal of Psychology Research*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 24–29.
 15. Panagioti M., Geraghty K., Johnson J. Association between physician burnout and patient safety, professionalism, and patient satisfaction: a systematic review and metaanalysis. In: *JAMA Internal Medicine*, 2018, no 178, pp. 1317–1330.
 16. Suliman K., Rabeea S., Hongmin L. Impact of coronavirus outbreak on psychological health. In: *Journal of Global Health*, 2020, vol. 10, no. 1. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 21.12.21).
 17. Wheaton M. G., Abramowitz J. S., Berman N. C. Psychological Predictors of Anxiety in Response to the H1N1 (Swine Flu) Pandemic. In: *Cognitive Therapy and Research*, 2012, no. 36, pp. 210–218.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононов Александр Николаевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования факультета психологии Московского государственного областного университета;

email: alnikkon@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0055-855X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr N. Kononov – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Professor at the Faculty of Psychology, Moscow Region State University;

email: alnikkon@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0055-855X>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кононов А. Н. Психоэмоциональное состояние граждан России, перенёвших COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 90–101.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-90-101

FOR CITATION

Kononov A. N. Psychoemotional state of Russian citizens who have suffered the COVID-19. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. ??, pp. 90–101.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-90-101

УДК: 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-102-116

ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ К ОПАСНОСТЯМ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К ПОДКРЕПЛЕНИЮ ДЖ. ГРЕЯ

Маралов В. Г.¹, Кудака М. А.¹, Смирнова О. В.¹, Корягина И. И.²

¹ Череповецкий государственный университет,
162600 Вологодская область, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5,
Российская Федерация

² Ивановская государственная медицинская академия Минздрава России,
153012 Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский пр-т, д. 8,
Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязи системы активации поведения (Behavioral Activation System – BAS) и системы торможения поведения (Behavioral Inhibition System – BIS), составляющих основу теории чувствительности к подкреплению Дж. Грея, с сензитивностью к угрозам и выбором адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности на контингенте студенческой молодёжи.

Процедуры и методы. В исследовании приняло участие 298 студентов Ивановской государственной медицинской академии и Череповецкого государственного университета, среди которых 51 мужчина (17%) и 247 женщин (83%), средний возраст – 19,7 лет (SD=1,9). В качестве диагностического инструментария использовались авторские опросники на выявление сензитивности к угрозам и выбора адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности: опросник Карвера–Уайта в модификации Г. Г. Князева для диагностики систем BAS и BIS. Обработка осуществлялась с помощью применения критерия φ^* – углового преобразования Фишера, а также методов корреляционного анализа.

Результаты. Установлено, что с различными шкалами BAS связаны сензитивность к угрозам, выбор адекватных способов реагирования и игнорирование опасностей, а со шкалой BIS – преувеличение опасностей. Сделан вывод о том, что системы BAS/BIS определяют динамическую сторону отношения людей к опасностям и в большей степени объясняют феномены преувеличения или игнорирования опасностей, чем выбор адекватных способов реагирования в ситуациях опасности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в процессе организации деятельности по обеспечению безопасности, а также в процессе формирования у людей адекватного типа отношения к опасностям.

Ключевые слова: система активации поведения (BAS), система торможения поведения (BIS), отношение к опасности, сензитивность к угрозам, адекватное реагирование, преувеличение опасностей, игнорирование опасностей

PEOPLE'S ATTITUDE TO DANGERS IN THE CONTEXT OF J. GRAY'S THEORY OF SENSITIVITY TO REINFORCEMENT

V. Maralov¹, M. Kudaka¹, O. Smirnova¹, I. Koryagina²

¹ *Cherepovets State University,*

pr. Lunacharskogo 5, Vologda Region, Cherepovets 162600, Russian Federation

² *Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia,*

pr. Sheremetevsky 8, Ivanovo region, Ivanovo 153012, Russian Federation

Abstract

Aim of the study was to identify the relationship between the Behavioral Activation System (BAS) and the behavior inhibition system (Behavioral Inhibition System – BIS), which form the basis of J. Gray's theory of sensitivity to reinforcement, with sensitivity to threats and the choice of adequate or inadequate ways to respond in situations of danger to the contingent of students.

Methodology. The study involved 298 students of the Ivanovo State Medical Academy and Cherepovets State University, among which there are: men - 51 (17%), women – 247 (83%), average age -19.7 years old. The author's questionnaires as diagnostic tools were used to identify sensitivity to threats and the choice of adequate or inadequate ways to respond in situations of danger, the Carver-White questionnaire modified by G. G. Knyazev for the diagnosis of BAS and BIS systems. The processing was carried out by using the criterion of the φ^* – Fisher angular transformation, as well as the methods of correlation analysis.

Results. It has been found that sensitivity to threats, the choice of adequate ways of responding and ignoring dangers are associated with various BAS scales, and exaggeration of dangers is associated with the BIS scale. It is concluded that BAS/BIS systems determine the dynamic side of people's attitude to dangers and explain the phenomena of exaggeration or ignoring of dangers to a greater extent than the choice of adequate ways to respond in situations of danger. Theoretical and/or practical significance. The obtained results can be used in the activities, as well as in the process of formation an adequate type of attitude towards hazards among people.

Keywords: behavior activation system (BAS), behavior inhibition system (BIS), attitude to danger, sensitivity to threats, adequate response, exaggeration of dangers, ignoring dangers

Введение

Жизнь любого живого существа или неживого объекта конечна. Она прекращается со временем естественным путём под влиянием воздействия внешних и внутренних причин. Поэтому на уровне человеческого общества обеспечение безопасности жизни, здоровья, психологического и социального благополучия людей возведено в ранг значимой деятельности, в силу чего сформировалась специфическая индустрия безопасности. Немаловажную роль в этом про-

цессе играет психология, которая разрабатывает свои модели обеспечения безопасности. Например, согласно системно-динамической модели безопасности как деятельности, предложенной Ю. П. Зинченко [3], безопасность анализируется на различных уровнях организации человека и общества. Применительно к человеку, по мнению Т. М. Краснянской и коллег [6], обеспечение безопасности может осуществляться на интеро-, проприо- и экстеро- уровнях, на каждом из которых решаются свои задачи. В исследо-

вании И. А. Баевой с сотрудниками [1] первостепенное внимание уделяется проблеме актуализации личностных ресурсов психологической безопасности в образовательной среде.

Успешная реализация различных моделей обеспечения безопасности невозможна без учёта того, как сами люди реагируют на опасности. Особую актуальность проблема такой реакции приобрела в настоящее время, когда население планеты столкнулось с пандемией COVID-19. Как показал Т. А. Нестик [9], COVID-19 буквально перевернул представления многих людей о жизни, изменил ценностные ориентации, актуализировал состояние тревоги, страха, в том числе и страха смерти. Согласно А. Д. Иоселиани, П. Д. Зарубиной [4], реакция на возможность заражения противоположна: она варьирует от страха и беспомощности до убеждения, что всё решится само собой. Учёные отмечают поляризацию реакции на необходимость вакцинации и соблюдения мер предосторожности: от полного подчинения требованиям и соблюдения порядка до протеста, который далеко не всегда носит мирный характер [28]. Обнаружена динамика отношения к опасностям и у самих врачей, работающих и не работающих с коронавирусными больными. Выявлено, с одной стороны, снижение сензитивности к угрозам, а с другой – повышение уровня потребности в обеспечении безопасности [22].

Если обратиться к классической психологии, то одной из наиболее авторитетных теорий, объясняющих поведение живых существ, в том числе и человека, в ситуациях опасности, является теория чувствительности к

подкреплению, предложенная британским учёным Дж. Греем. Она существует в двух вариантах. В первом варианте автором выделяется две поведенческие системы: система активации поведения (Behavioral Activation System - BAS), которая связана с приближением к цели, положительными эмоциями, ожиданием положительного подкрепления, и система торможения поведения (Behavioral Inhibition System – BIS), которая обусловлена отрицательными эмоциями, удалением от цели, боязнью наказания [17]. Во втором, так называемом пересмотренном варианте наряду с системами BAS/BIS к этому добавляется система, получившая название «Борьба-Бегство-Замораживание (замирание)» («Fight-Flight-Freezing System» – FFFS) [18]. В одних случаях животное или человек реагируют на опасность бегством, в других – вступают в противоборство (борьбу): возможны варианты, когда они просто замирают, например, прячутся или притворяются мёртвыми.

Эти три системы функционируют в единстве. В частности, в исследовании Д. Крупича, В. Кризанича и П. Дж. Корра [19] было установлено, что высокий уровень чувствительности BIS, «Бегство» и «Замирание», обуславливают удаление от угрозы, её избегание, а некоторые шкалы BAS и «Борьба», наоборот, положительно связаны с движением в сторону угрозы. BIS связана с повышенной тревожностью, навязчивыми мыслями (руминациями) [13]. BAS может быть связана, с одной стороны, с повышенной импульсивностью, сниженным самоконтролем, склонностью к риску [14], с другой стороны, – с уверенностью и самоуверенностью, желани-

ем во что бы то ни стало достичь целей [20].

Выявлены различные взаимосвязи систем BAS/BIS с личностными характеристиками и особенностями человека. Например, с чувствительностью к наказанию [2; 15], с интернет-зависимостью [10], а также со сложными поведенческими и личностными конструктами, в частности, со способностью к прощению [27].

Когда речь идёт о поведении человека и его реагировании на опасности, то очевидно, что такое реагирование нельзя свести лишь к борьбе, бегству или замиранию, в реальности оно гораздо сложнее и многообразнее.

Во-первых, важную роль играет механизм, связанный со способностью живого существа обнаруживать и идентифицировать сигналы из внешнего или внутреннего мира как опасные или безопасные. Он получил название сензитивности (чувствительности) к угрозам [11; 16]. Установлено, что повышенная сензитивность к угрозам может быть связана с высокой тревожностью [23], а пониженная, – наоборот, с низкой эмоциональной реактивностью [30].

Во-вторых, это сами действия людей в ситуациях опасности, которые могут быть оценены с позиций их адекватности или неадекватности реагирования на опасность. Изучение феномена адекватного реагирования на опасности показало, что оно определяется высокой сензитивностью к угрозам, доминированием потребности в обеспечении безопасности, эмоциональной устойчивостью, нормативностью поведения [8], а также способностью к адекватному восприятию и отражению ситуации. В соответ-

ствии с этим, например, в одних случаях бегство будет адекватной реакцией на опасность, а в других – проявлением трусости [24].

Преувеличение значения опасности многие исследователи соотносят с повышенной тревожностью и страхом, которые связываются с активацией BIS [25; 26]. Стремление к преувеличению опасностей, сгущение красок формирует к ним предвзятое отношение. Намеренное преувеличение угроз в ряде случаев выступает в качестве средства манипуляции людьми со стороны лидера группы с целью сохранения своего авторитета и престижа [12].

Преуменьшение значения угроз, игнорирование опасностей – достаточно распространённое явление для определённой категории людей. Причинами игнорирования могут выступать, как это показано в работе Дж. С. Валэйса и С. Дж. Воданович, [29] низкая добросовестность в сочетании с невнимательностью и неспособностью понять задачу, оценить ситуацию, а также склонность к риску. В свою очередь, на последнее оказывают влияние система активации поведения (BAS) [21].

В своём единстве сензитивность к угрозам и выбор адекватных или неадекватных способов реагирования на опасности образуют тип отношения того или иного человека к опасностям. Оптимальным типом считается адекватный сензитивный тип отношения к опасностям, когда высокая чувствительность к угрозам сочетается с выбором адекватных способов реагирования. Неоптимальным – игнорирующий с пониженной сензитивностью тип, для которого характерна низкая чувствительность к угрозам и пренебрежение опасностями.

Подводя итоги о кратком обзоре литературы по проблеме, можно сделать вывод о значительном интересе современной психологии к исследованию нейropsychологических факторов поведения человека в контексте его взаимодействия с окружающим миром, в том числе и в контексте отношения к опасностям. В то же время, несмотря на значительное число работ, раскрывающих различные аспекты взаимосвязи систем активации и торможения поведения с его личностными и поведенческими характеристиками, специальных исследований, нацеленных на выявление взаимосвязи BAS/BIS с сензитивностью к угрозам и выбором способов реагирования в ситуациях опасности, явно недостаточно. Имеются лишь косвенные свидетельства о взаимосвязи BIS с преувеличением опасностей, а BAS – с игнорированием опасностей; отсутствуют убедительные данные относительно взаимосвязи BAS/BIS с сензитивностью к угрозам и выбором адекватных способов реагирования в ситуациях опасности, что послужило стимулом для организации и проведения настоящего исследования.

Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязи BAS/BIS с сензитивностью к угрозам и выбором адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности.

Гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

– сензитивность к угрозам и выбор адекватных способов реагирования может быть связана как с BAS, так и с BIS;

– преувеличение значения опасностей будет связано в большей степени с BIS, чем с BAS;

– преуменьшение (игнорирование) опасностей будет в большей степени связано с BAS, чем с BIS.

Материалы и методы

В качестве методологической основы настоящего исследования выступил системный подход, предполагающий анализ систем активации и торможения поведения (BAS/BIS) в их взаимосвязи с компонентами отношения человека к опасностям: сензитивностью к угрозам и выбором адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности.

В качестве испытуемых выступили студенты Череповецкого государственного университета (будущие психологи и педагоги-психологи) и Ивановской государственной медицинской академии (будущие медицинские работники), в количестве 298 человек; из них мужчин – 51 (17%), женщин – 247 (83%), средний возраст – 19,7 лет ($SD=1,9$). Использовались следующие диагностические методы: авторский опросник на выявление сензитивности к угрозам [7], авторский опросник на выявление способов реагирования в ситуациях опасности [8], опросник Карвера-Уайта в адаптации Г. Г. Князева [5] на выявление чувствительности к положительным и отрицательным стимулам. Первоначальные баллы по всем опросникам переводились в стандартную десятибалльную шкалу. Обработка проводилась с использованием методов математической статистики. Применялся критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера и линейный коэффициент корреляции Пирсона. Эмпирическое исследование проводилось со студентами указан-

ных вузов в сентябре-ноябре 2021 г. на добровольной основе.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования отношения студентов к опасностям с учётом направлений подготовки представлены в таблице 1.

Как следует из таблицы 1, в обследованной выборке испытуемых высокую сензитивность к опасностям продемонстрировало 47,32% студентов (141 чел.), причём у студентов-медиков она оказалась выше, чем у студентов-психологов (61,87% у медиков против 34,59% у психологов, $\varphi^*=4,56$, $p \leq 0,001$). Адекватные способы реагирования выбирает 42,62% (127 чел.), склонно к преувеличению опасностей – 26,51% (79 чел.), к игнорированию опасностей – 12,75% (38 чел.). У 18,12% (54 чел.) не сформировался свой индивидуальный стиль реагирования на опасности или он носит непоследовательный

характер. Как видно из приведённых результатов, студенты-медики чаще психологов выбирают адекватные способы реагирования на опасности (47,48% и 38,36%) и реже игнорируют опасности (5,76% и 18,87%). В первом случае различия статистически не значимы, во втором – значимы на уровне 0,001. Таким образом, можно констатировать, что студенты-медики более чувствительны к угрозам и реже игнорируют опасности. Это объясняется спецификой выборки студентов-медиков, основу которой составили студенты педиатрического факультета.

Аналогичным образом представим результаты изучения уровней выраженности BAS и BIS у студентов: в данном случае достаточно рассмотреть только высокий уровень выраженности признаков (таблица 2).

Обращает на себя внимание тот факт (см. табл. 2), что доминирующее положение занимает BAS-отзывчивость на

Таблица 1 / Table 1

Отношение студентов к опасностям / Students' attitudes towards hazards

	Студенты в целом	Студенты – будущие медики	Студенты – будущие психологи	Статистическая значимость различий (φ^* – угловое преобразование Фишера)
	n/%	n/%	n/%	
Сензитивность к угрозам (высокий уровень)				
Высокая	141/47,32	86/61,87	55/34,59	$\varphi^*=4,56$, $p \leq 0,001$
Способы реагирования на опасности (высокие уровни)				
Адекватный	127/42,62	66/47,48	61/38,36	$\varphi^*=1,54$, не значимо
Преувеличение опасностей	79/26,51	36/25,9	43/27,04	$\varphi^*=0,22$, не значимо
Преуменьшение (игнорирование) опасностей	38/12,75	8/5,76	30/18,87	$\varphi^*=3,56$, $p \leq 0,001$
Неопределённое реагирование	54/18,12	29/20,86	25/15,73	$\varphi^*=1,54$, не значимо
Всего:	298/100	139/100	159/100	

Таблица 2 / Table 2

Выраженность высокого уровня BAS и BIS у студентов / High-level BAS and BIS severity in students

	Студенты в целом	Студенты – будущие медики	Студенты – будущие психологи	Статистическая значимость различий (φ^* – угловое преобращение Фишера)
	n/%	n/%	n/%	
BAS-настойчивость	183/61,41	94/67,63	89/55,97	$\varphi^*=2,06$, $p\leq 0,05$
BAS-поиск удовольствий	133/44,63	50/35,97	83/52,2	$\varphi^*=2,82$, $p\leq 0,01$
BAS-отзывчивость на вознаграждения	253/84,9	122/87,77	131/82,39	$\varphi^*=1,31$, не значимо
BIS-чувствительность к негативным стимулам	91/30,54	31/19,5	60/37,73	$\varphi^*=3,50$, $p\leq 0,001$

вознаграждения (84,9% – 253 чел.), что свидетельствует высоком потенциале студентов, связанном со стремлением добиваться успехов. Вторую позицию занимает BAS-настойчивость (61,41% – 183 чел.), третью – BAS-поиск удовольствий (развлечений) (44,63% – 133 чел.). Высокий уровень BIS-чувствительности к негативным стимулам продемонстрировало 30,54% студентов (91 чел.). Таким образом, в целом по выборке наблюдается преобладание BAS над BIS. Это можно расценивать как положительный факт, свидетельствующий о преобладании позитивной мотивации поведения над отрицательной. В то же время обнаружены и определённые различия между медиками и психологами. У медиков преобладает BAS-настойчивость (67,63% против 55,97%, $\varphi^*=2,06$, $p\leq 0,05$), а у психологов – BAS-поиск удовольствий (52,2% против 35,97%, $\varphi^*=2,82$, $p\leq 0,01$) и BIS (37,73% против 19,5%, $\varphi^*=3,50$, $p\leq 0,001$). Здесь мы также не делаем каких-то обобщений, объясняя обнаруженные различия особенностями выборки испытуемых.

С целью выявления взаимосвязи BAS/BIS с чувствительностью к угрозам

и выбором адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности был проведён корреляционный анализ с использованием линейного коэффициента корреляции Пирсона. Основные его результаты отображены на рисунке 1. Приведены только статистически значимые коэффициенты корреляции с уровнем значимости не менее 0,05.

Как видно из рисунка 1, чувствительность положительно связана с выбором адекватных способов реагирования на опасности ($r=0,28$, $p\leq 0,001$), отрицательно – с игнорированием опасности ($r=-0,24$, $p\leq 0,001$), с преувеличением опасностей связей не обнаружено. Это свидетельствует о высокой вероятности существования адекватного чувствительного типа отношения к опасностям, а также – игнорирующего с пониженной чувствительностью. Преувеличение опасностей может как сопровождаться повышенной чувствительностью, так и сочетаться с относительно её низким уровнем.

Рассмотрим последовательно взаимосвязь параметров отношения к опасностям с системами активации и торможения поведения.

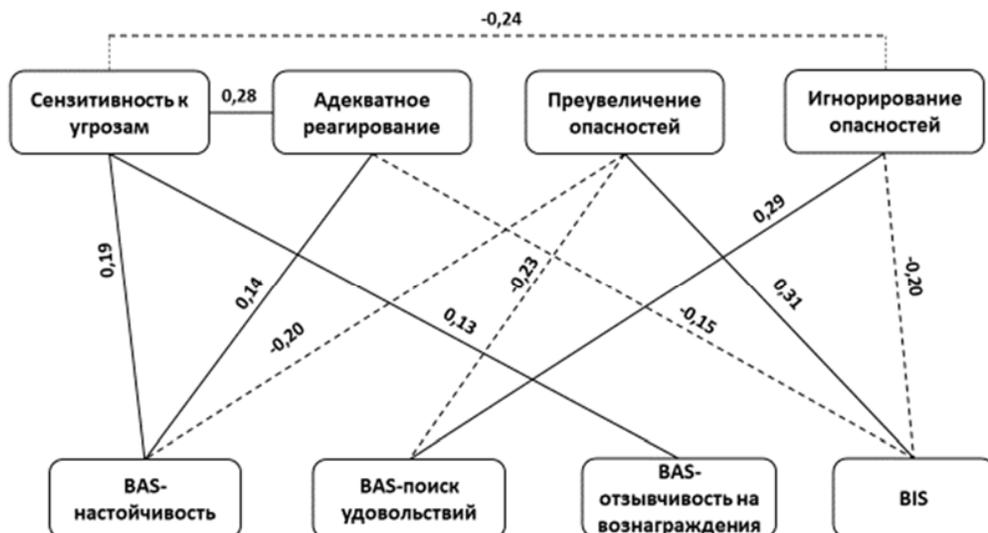

Рис. 1 / Fig. 1. Взаимосвязи система активации и торможения поведения с компонентами отношения людей к опасностям* / Interrelations of the system of activation and inhibition of behavior with the components of people's attitude to dangers*

*Примечание: сплошной линией обозначена прямая связь, пунктиром – обратная связь
/ *Note: the solid line indicates a direct connection, the dotted line indicates feedback

Сензитивность к угрозам положительно коррелирует с двумя шкалами BAS: с BAS-настойчивостью ($r=0,19$, $p \leq 0,01$) и с BAS-отзывчивостью на вознаграждения ($r=0,13$, $p \leq 0,05$). Взаимосвязи с BIS, как это было отмечено в гипотезе, в данной выборке испытуемых не обнаружено. Это позволяет сделать вывод, что сензитивность к угрозам как способность вовремя обнаруживать и идентифицировать угрозы связана с настойчивым стремлением к достижению целей и переживанию успеха, а не со стремлением избежать неприятностей и неудач путём прекращения или торможения деятельности. Тем самым создаются благоприятные предпосылки для адекватного реагирования на опасности, о чём свидетельствует высокий коэффициент корреляции между сензитивностью и адекватностью реагирования.

Адекватное реагирование коррелирует положительно с BAS-настойчивостью ($r=0,14$, $p \leq 0,05$) и отрицательно с BIS ($r=-0,15$, $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что при встрече с опасностями не происходит торможения поведения, а наблюдается его активизация, связанная с настойчивым достижением целей и решением поставленных задач. В то же время можно сделать предположение, что активация этих систем составляет лишь динамическую сторону адекватного реагирования. Содержательная сторона (какие конкретно социально приемлемые способы выберет индивид) будет в большей мере определяться личностными свойствами человека, в первую очередь – уровнем нормативностью поведения.

Феномен преувеличения опасностей очень хорошо объясним с позиций

рассматриваемой теории чувствительности к подкреплению. Получены убедительные данные о положительной связи стремления преувеличивать значение опасностей с BIS ($r=0,31$, $p\leq 0,001$), и отрицательной связи с BAS-настойчивостью ($r=-0,20$, $p\leq 0,05$) и BAS-поиском удовольствий ($r=-0,23$, $p\leq 0,001$). Таким образом, в ситуациях реальной или воображаемой угрозы человек будет испытывать отрицательные эмоции, отказываться от достижения цели, тормозить и прекращать деятельность, компенсируя это убеждением, что он столкнулся с непреодолимыми препятствиями, представляющими для него угрозу.

Игнорирование опасностей положительно связано с BAS-поиск удовольствий или развлечений ($r=0,29$, $p\leq 0,001$) и отрицательно с BIS ($r=-0,20$, $p\leq 0,01$). Иными словами, ради получения удовольствия, ради позитивных эмоций человек готов рисковать, не обращая внимания на возможный ущерб здоровью, эмоциональному или иному благополучию. Возможен вариант проявлений беспечности, особенно, когда игнорирование опасностей сочетается с низкой сензитивностью к угрозам.

Полученные в настоящем исследовании результаты существенно дополняют имеющиеся в психологии данные о роли систем активации и торможения поведения в детерминации отношения людей к опасностям. Во-первых, оно уточняет ряд исследований о взаимосвязи BIS с тревожностью и страхом [25], что находит выражение в преувеличении опасностей, а также о взаимосвязи BAS с рискованным поведением и игнорированием опасностей [21]. Во-вторых, получены и некоторые новые данные.

В частности, была выявлена положительная взаимосвязь сензитивности к угрозам с BAS-настойчивостью и BAS-отзывчивостью на вознаграждения, положительная связь адекватности реагирования с BAS-настойчивостью и отрицательная – с BIS. В результате чего можно сделать вывод о том, что адекватный сензитивный тип отношения к опасности, который с позиций обеспечения безопасности является наиболее оптимальным, он обусловлен преобладанием BAS над BIS. В тех же случаях, когда активируется BAS-поиск удовольствий при низкой BIS, возрастает вероятность игнорирования опасностей. В ситуациях, когда BIS явно преобладает над BAS, будет иметь место преувеличение опасностей.

Заключение

Теория чувствительности к подкреплению Дж. Грея оказалась достаточно продуктивной для объяснения феноменов отношения людей к опасностям. Проведённое эмпирическое исследование на контингенте студенческой молодёжи показало, что отношение людей к опасностям, проявляющееся в сензитивности к угрозам и выборе адекватных или неадекватных способов реагирования в ситуациях опасности, тесно взаимосвязано с системами активации поведения (BAS) и торможения поведения (BIS). В результате было установлено следующее:

- сензитивность к угрозам оказалась положительно связана с BAS-настойчивостью и BAS-отзывчивостью на вознаграждения; связь с BIS в данной выборке испытуемых не обнаружена;
- выборадекватных способов реагирования положительно коррелирует с

BAS-настойчивостью и отрицательно – с BIS;

– преувеличение опасностей положительно связано с BIS и отрицательно с BAS-настойчивостью и BAS-поиск удовольствий;

– игнорирование опасностей, наоборот, положительно коррелирует с BAS-поиск удовольствий и отрицательно – с BIS.

Таким образом, в целом выдвинутые гипотезы подтвердились. Не подтвердилась гипотеза о возможной взаимосвязи сензитивности с BIS, что, вероятно, требует проведения дополнительных исследований и уточнений. Необходимо констатировать, что проведённое исследование вносит определённый вклад в понимание нейрпсихологических основ отношения людей к опасностям, в то же время оно имеет и определённые ограничения. Во-первых, в качестве контингента испытуемых выступили студенты конкретного возрастного диапазона с преобладанием женщин. Во-вторых, очевидно, что нейрпсихологические факторы в виде систем активации и торможения поведения определяют только динамическую сторону поведения, в том числе и поведения, связанно-

го с безопасностью. В содержательном плане, особенно это касается выбора адекватных способов реагирования, многое будет зависеть от личностных свойств человека, а, также – от общего уровня нормативности поведения, способности творчески решать задачи, связанные с обеспечением собственной безопасности и безопасности других людей.

В силу сказанного, настоящее исследование – это лишь один из этапов проекта, связанного с изучением психологических факторов, определяющих особенности отношения людей к опасностям. В качестве перспективы дальнейшего исследования выступает изучение особенностей отношения людей к опасностям во взаимосвязи его нейрпсихологических и личностных свойств, особенно – связанных с проявлениями нормативности поведения.

Полученные результаты могут быть использованы в деятельности по обеспечению безопасности на различных уровнях её организации, а также в образовании в процессе формирования у подрастающего поколения адекватного типа отношения к опасностям.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодёжи в образовательной среде // Интеграция образования. 2021. № 3. С. 482–497.
2. Дубинский А. А., Булыгина В. Г., Лысенко Н. Е. Новые методы диагностики индивидуально-типологических характеристик в судебно-психиатрической практике // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 1. URL: <https://mir-nauki.com> (дата обращения: 30.01.22).
3. Зинченко Ю. П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 11–14.
4. Иоселиани А. Д. Социальное поведение людей в пандемию COVID-19 // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6. С. 1151–1155.

5. Князев Г. Г. Активация и торможение поведения как основа индивидуальных различий // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 4. С. 28–40.
6. Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Ляхов А. В. Психология безопасности в современном научном пространстве отечественной психологии // Гуманизация образования. 2021. № 2. С. 47–62.
7. Маралов В. Г., Малышева Е. Ю., Нифонтова О. В. Разработка теста-опросника сензитивности к угрозам в юношеском возрасте // Перспективы науки. 2012. № 8. С. 32–37.
8. Маралов В. Г., Малышева Е. Ю., Смирнова О. В. Разработка теста-опросника по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12-1 (67). С. 92–96.
9. Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 47–83.
10. Спицын А. А., Рагусский Р. В., Телоян А. В. Взаимосвязь выраженности эмоционально-поведенческих систем (по оригинальной теории чувствительности к подкреплению Дж. Грея) и склонности к Интернет-зависимому поведению у старшеклассников: половые различия // Наука, техника и образование. 2019. № 1 (54). С. 86–89.
11. Харламенкова Н. Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 17–28.
12. Benard S., Barclay P. Democratic Competition for Rank, Cooperation, and Deception in Small Groups // *Social Science Quarterly*. 2020. Vol. 101. No 7. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com> (дата обращения: 30.01.22).
13. Borders A. Ruminatation and related constructs: Causes, consequences, and treatment of thinking too much. London, United Kingdom: Academic Press, an imprint of Elsevier, 2020. 432 p.
14. Buelow M. T. Risky Decision Making in Psychological Disorders. Academic Press, 2020. 403 p.
15. Chen F. R. Behavioral Inhibition System function as the mediator in the pathway from electrodermal fear conditioning to antisocial behavior: Integrating the Reinforcement Sensitivity Theory // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 166. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 30.01.22).
16. Deneffrio S., Dennis-Tiway T. A. Threat Sensitivity // *Personality and Individual Differences*. London: Springer, Cham, 2018. URL: <https://link.springer.com> (дата обращения: 30.01.22).
17. Gray J. A. The neuropsychology of anxiety: An enquiry in to the functions of the septo-hippocampal system. Oxford: Oxford University Press, 1982. 448 p.
18. Gray J. A., McNaughton N. The neuropsychology of anxiety: An enquiry into the functions of the septo-hippocampal system. Oxford: Oxford University Press, 2000. 443 p.
19. Krupić D., Krizanic V., Corr P. Personality and defensive behaviour: A factor analytic approach to threat scenario choices // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 94. Pp. 303–308.
20. Krupić D. High BAS and low BIS in overconfidence, and their impact on motivation and self-efficacy after feedback // *Primenjena psihologija*. 2017. Vol. 10. No 3. P. 297–312.
21. Logan E., Kaye S. A., Lewis I. The influence of the revised reinforcement sensitivity theory on risk perception and intentions to speed in young male and female drivers // *Accident Analysis and Prevention*. 2019. Vol. 132. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.01.22).

22. Maralov V. G., Kudaka M. A., Pogodin A. M. Psychological characteristics of attitudes towards dangers among healthcare professionals working and not working with COVID-19 patients // *Russian Psychological Journal*. 2021. Vol. 18 (2). Pp. 6–20.
23. Nowland R., Qualter P. Influence of social anxiety and emotional self-efficacy on pre-transition concerns, social threat sensitivity, and social adaptation to secondary school // *British Journal of Educational Psychology*. 2020. Vol. 90. No 1. Pp. 227–244.
24. O’Dea C. J., Bueno A. M. C., Saucier D. A. Fight or flight: Perceptions of men who confront versus ignore threats to themselves and others // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 104. Pp. 345–351.
25. Perkins A. M., Cooper A., Abdelall M. Personality and defensive reactions: Fear, trait anxiety, and threat magnification // *Journal of Personality*. 2010. Vol. 78. No 3. P. 1071–1090.
26. Permatasari S., Tentama F. Anxiety scale: Psychomothoric studies and the applications to students who conducting a thesis research // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2020. Vol. 8, No 1. Pp. 606–610.
27. Pourmohseni K. F. The relation between behavioral-brain systems activity with forgiveness and marital satisfaction in couples // *Contemporary Psychology*. 2014. Vol. 8. No 2. P. 17–26
28. Reicher S. D., Stott C. On order and disorder during the COVID-19 pandemic // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59 (3). Pp. 694–702.
29. Wallace J. C., Vodanovich S. J. Workplace safety performance: Conscientiousness, cognitive failure, and their interaction // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2003. Vol. 8. No 4. Pp. 316–327.
30. Waller R., Wagner N. The Sensitivity to Threat and Affiliative Reward (STAR) model and the development of callous-unemotional traits // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2019. Vol. 107. P. 656–671.

REFERENCES

1. Baeva I. A., Gayazova L. A., Kondakova I. V. [Personal resources of psychological safety of adolescents and youth in the educational environment]. In: *Integraciya obrazovaniya* [Integration of education], 2021, no. 3, pp. 482–497.
2. Dubinskij A. A., Bulygina V. G., Lysenko N. E. [New methods for diagnosing individual typological characteristics in forensic psychiatric practice]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 2019, vol. 7, no. 1. Available at: <https://mir-nauki.com> (accessed: 30.01.22).
3. Zinchenko Yu. P. [Methodological foundations of security psychology]. In: *Nacional’nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2011, no. 2 (6), pp. 11–14.
4. Ioseliani A. D. [Social behavior of people during the COVID-19 pandemic]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2021, vol. 14, no. 6, pp. 1151–1155.
5. Knyazev G. G. [Activation and inhibition of behavior as the basis of individual differences]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2004, vol. 25, no. 4, pp. 28–40.
6. Krasnyanskaya T. M., Tylec V. G., Lyahov A. V. [Psychology of security in the modern scientific space of domestic psychology]. In: *Gumanizaciya obrazovaniya* [Humanization of education], 2021, no. 2, pp. 47–62.
7. Maralov V. G., Malysheva E. Yu., Nifontova O. V. [Development of a test-questionnaire for sensitivity to threats in adolescence]. In: *Perspektivy nauki* [Prospects of Science], 2012, no. 8, pp. 32–37.
8. Maralov V. G., Malysheva E. Yu., Smirnova O. V. [Development of a test-questionnaire to identify ways of responding to danger situations in adolescence]. In: *Al’manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2012, no. 12-1 (67), pp. 92–96.

9. Nestik T. A. [The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2020, vol. 5, no. 2 (18), pp. 47–83.
10. Spicyn A. A., Raguskij R. V., Teloyan A. V. [Scientific foundations and theoretical and empirical rethinking of the principle of determinism in the subject-activity approach]. In: *Nauka, tekhnika i obrazovanie* [Science, technology and education], 2019, no. 1 (54), pp. 86–89.
11. Harlamenkova N. E. [Scientific foundations and theoretical and empirical rethinking of the principle of determinism in the subject-activity approach]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2013, vol. 34, no. 2, pp. 17–28.
12. Benard S., Barclay P. Democratic Competition for Rank, Cooperation, and Deception in Small Groups. In: *Social Science Quarterly*, 2020, vol. 101, no 7. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com> (accessed: 30.01.22).
13. Borders A. Ruminatation and related constructs: Causes, consequences, and treatment of thinking too much. London, United Kingdom, Academic Press, an imprint of Elsevier, 2020. 432 p.
14. Buelow M. T. Risky Decision Making in Psychological Disorders. Academic Press, 2020. 403 p.
15. Chen F. R. Behavioral Inhibition System function as the mediator in the pathway from electrodermal fear conditioning to antisocial behavior: Integrating the Reinforcement Sensitivity Theory. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, vol. 166. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 30.01.22).
16. Deneffrio S., Dennis-Tiway T. A. Threat Sensitivity. In: *Personality and Individual Differences*. London: Springer, Cham, 2018. Available at: <https://link.springer.com> (accessed: 30.01.22).
17. Gray J. A. The neuropsychology of anxiety: An enquiry in to the functions of the septo-hippocampal system. Oxford: Oxford University Press, 1982. 448 p.
18. Gray J. A., McNaughton N. The neuropsychology of anxiety: An enquiry into the functions of the septo-hippocampal system. Oxford, Oxford University Press, 2000. 443 p.
19. Krupić D., Krizanic V., Corr P. Personality and defensive behaviour: A factor analytic approach to threat scenario choices. In: *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 303–308.
20. Krupić D. High BAS and low BIS in overconfidence, and their impact on motivation and self-efficacy after feedback. In: *Primenjena psihologija*, 2017, vol. 10, no 3, pp. 297–312.
21. Logan E., Kaye S. A., Lewis I. The influence of the revised reinforcement sensitivity theory on risk perception and intentions to speed in young male and female drivers. In: *Accident Analysis and Prevention*, 2019, vol. 132. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.01.22).
22. Maralov V. G., Kudaka M. A., Pogodin A. M. Psychological characteristics of attitudes towards dangers among healthcare professionals working and not working with COVID-19 patients. In: *Russian Psychological Journal*, 2021, vol. 18 (2), pp. 6–20.
23. Nowland R., Qualter P. Influence of social anxiety and emotional self-efficacy on pre-transition concerns, social threat sensitivity, and social adaptation to secondary school. In: *British Journal of Educational Psychology*, 2020, vol. 90, no 1. Pp. 227–244
24. O'Dea C. J., Bueno A. M. C., Saucier D. A. Fight or flight: Perceptions of men who confront versus ignore threats to themselves and others. In: *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 104, pp. 345–351.
25. Perkins A. M., Cooper A., Abdelall M. Personality and defensive reactions: Fear, trait anxiety, and threat magnification. In: *Journal of Personality*, 2010, vol. 78, no 3, pp. 1071–1090.

26. Permatasari S., Tentama F. Anxiety scale: Psychomothoric studies and the applications to students who conducting a thesis research. In: *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2020, vol. 8, no 1, pp. 606–610.
27. Pourmohseni K. F. The relation between behavioral-brain systems activity with forgiveness and marital satisfaction in couples. In: *Contemporary Psychology*, 2014, vol. 8, no 2, pp. 17–26
28. Reicher S. D., Stott C. On order and disorder during the COVID-19 pandemic. In: *British Journal of Social Psychology*, 2020, vol. 59 (3), pp. 694–702.
29. Wallace J. C., Vodanovich S. J. Workplace safety performance: Conscientiousness, cognitive failure, and their interaction. In: *Journal of Occupational Health Psychology*, 2003, vol. 8, no 4, pp. 316–327.
30. Waller R., Wagner N. The Sensitivity to Threat and Affiliative Reward (STAR) model and the development of callous-unemotional traits. In: *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2019, vol. 107, pp. 656–671.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Череповецкого государственного университета;

e-mail: vgmaralov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>;

Кудака Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Череповецкого государственного университета;

e-mail: kydakam@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>;

Смирнова Ольга Валериевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Череповецкого государственного университета;

e-mail: novale@inbox.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>;

Корягина Ирина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Ивановской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения;

e-mail: koryaginairina@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7821-6819>;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir G. Maralov – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. of the Department of Psychology, Cherepovets State University;

e-mail: vgmaralov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>;

Marina A. Kudaka – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Psychology, Cherepovets State University;

e-mail: kydakam@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>;

Olga V. Smirnova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Psychology, Cherepovets State University;

e-mail: novale@inbox.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>;

Irina I. Koryagina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Humanities, Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health;

e-mail: koryaginairina@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7821-6819>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маралов В. Г., Кудака М. А., Смирнова О. В., Корягина И. И. Отношение людей к опасностям в контексте теории чувствительности к подкреплению Дж. Грея // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 102–116.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-102-116

FOR CITATION

Maralov V. G., Kudaka M. A., Smirnova O. V., Koryagina I. I. People's attitude to dangers in the context of J. Gray's theory of sensitivity to reinforcement. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 102–116.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-102-116

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-117-134

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ОСТРОЙ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ (ХИКИКОМОРИ)

Нестерова А. А., Кичман Д. Н.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной статьи заключается в определении личностных особенностей молодых людей, проявляющих в своём социальном поведении крайние формы изоляции и отчуждения и называемых хикикомори.

Процедура и методы. На основе теоретического анализа и проведённого эмпирического исследования на выборке 272 человек, были уточнены некоторые социально-психологические характеристики хикикомори. В исследовании принимали участие молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, 68 из которых определяли себя как «хикикомори» и обозначали, что они минимально контактируют с внешним миром. Использовались следующие методики: авторская адаптация скрининг-методики определения хикикомори HQ-25 (А. Тео); Методика измерения уровня выраженности эскапизма (Т. Н. Савченко, О. И. Теславская, Е. В. Беловол, А. А. Кардапольцева); Опросник субъективного отчуждения С. Мадди и соавторов (ОСОТЧ, адаптация для юношеского возраста Е. Н. Осина, 2011); Методика исследования самоотношения (МИС, С. Р. Пантелеев). Проведен сравнительный анализ данных в двух группах испытуемых, а также корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты. В результате сравнительного анализа экспериментальной и контрольной группы было отмечено, что у лиц с острой формой самоизоляции (хикикомори) ярко выражены такие характеристики, как эскапизм, изоляция, вегетативность, бессилие, нигилизм, высокий уровень отчуждения. По всей выборке молодёжи отмечены высокие баллы по шкале «проблемы социализации». Среди особенностей самоотношения у хикикомори выражены неудовлетворённость своими возможностями, ощущение слабости, низкий уровень самоуважения, а также вера в то, что их личность вызывает у других людей неодобрение и неприятие. В целом, все показатели по методике МИС тяготеют к отрицательному полюсу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования расширяют представление о феномене хикикомори, всё чаще регистрируемом среди молодёжи в России, а также открывают перспективу разработки психологических практик, ориентированных на психологическую коррекцию неадаптивных личностных черт людей, склонных к острым формам самоизоляции и эскапизму.

Ключевые слова: хикикомори, социальная изоляция, эскапизм, отчуждение, самоотношение, проблемы социализации, молодёжь

PERSONAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE IN A STATE OF ACUTE SOCIAL SELF-ISOLATION (HIKIKOMORI)

A. Nesterova, D. Kichman

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim of this article is to determine some of the personality characteristics of young people who manifest in their social behavior extreme forms of social withdrawal and alienation called hikikomori.

Methodology. On the basis of the theoretical analysis and the empirical study on a sample of 272 people, some socio-psychological characteristics of hikikomori were clarified. The study involved young people aged 18 to 30, 68 of whom defined themselves as “hikikomori” and indicated that they have almost minimal contact with the outside world. The following methods were used: the author’s adaptation of the screening method for determining hikikomori HQ-25 (A. Teo); Questionnaire for measuring the level of escapism severity (T.N. Savchenko, O.I. Teslavskaya, E.V. Belovol, A.A. Kardapoltseva); Alienation test by Maddi et al. (SAQ, adaptation for adolescence by E.N. Osin (Osin, 2011); Questionnaire for the study of self-attitude (S.R. Panteleev). A comparative analysis of data in two groups of subjects, as well as a correlation and regression analysis were made.

Research implications. As a result of the comparative analysis of the experimental and control groups, it was noted that individuals with an acute form of social withdrawal (hikikomori) have such pronounced characteristics as general escapism, isolation, vegetativeness, impotence, nihilism, and a high level of alienation. In the entire sample of young people, high scores on the “problems of socialization” scale were noted. The features of self-attitude among hikikomori the dissatisfaction with their abilities was noted, as well as a feeling of weakness, doubts about the ability to command respect, and the belief that their personality causes disapproval and rejection in other people. In general, all indicators according to the Questionnaire for the study of self-attitude gravitate towards the negative pole.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the hikikomori phenomenon, which is increasingly being recorded among young people in Russia, and also open up the prospect for developing psychological practices focused on the psychological correction of non-adaptive personality traits of people prone to acute forms of self-isolation and escapism.

Keywords: hikikomori, social withdrawal, escapism, alienation, self-attitude, socialization problems, youth

Введение в проблему

Впервые явление «хикикомори» (или острая социальная самоизоляция) было описано в Японии в конце XX в. Оно определялось как состояние, при котором человек добровольно остаётся в собственном доме на протяжении 6 месяцев и более, при

этом остро ограничивая какие-либо формы социального взаимодействия с другими людьми [26, с. 178]. В настоящий момент представление о хикикомори находится в стадии активного обсуждения. Само положение феномена в области научного знания в настоящий момент находится среди интере-

сов психиатрии, где рассматриваются патологические формы острой самоизоляции и патогенез этой изоляции, и различными областями психологии. Последние годы всё более активно изучается данная проблема в социальной психологии, рассматривая «хикикомори» как одну из форм социального поведения человека, выражающуюся в выборе человеком наиболее радикальных форм отчуждения, избегания прямых взаимодействий с людьми и изоляции от реальных контактов. В русском языке термин «хикикомори» применим как к самому феномену, так и к лицам, находящимся в состоянии острой социальной изоляции.

С точки зрения антропологии феномен хикикомори всё чаще рассматривается не как психическое расстройство, а как реакция человека на столкновение с тяжёлым дистрессом. Социология трактует этот феномен как яркую форму социального выражения недовольства, протеста или «жалобы» человека на современное общество. Это состояние можно рассматривать как ответную реакцию на фрустрацию, как форму пассивного сопротивления при столкновении с высоким уровнем давления со стороны общества и других людей при переходе юного человека из подросткового возраста во взрослую жизнь.

В исследованиях многих авторов показано, что хикикомори начинают своё социальное затворничество после окончания школы или в течение обучения в последних классах школы (например, после отчисления за неуспеваемость или при столкновении с какими-либо проблемами). [3; 5; 20; 24]. В поведении хикикомори наблюдается не только ограничение социаль-

ных контактов с внешним миром, но также и с членами собственной семьи: они редко выходят из своей комнаты, ограничивая контакты даже с самыми близкими людьми. В наиболее лёгких случаях хикикомори могут позволить себе выйти на ночную прогулку, но на ограниченное количество времени и с минимизацией возможности контактов с другими людьми.

Согласно представлениям современных исследователей, хикикомори является кросскультурным феноменом, который не специфичен только для японской культуры, как считалось раньше [27]. В научной литературе есть сообщения о случаях хикикомори в Китае [14], Южной Корее [17], Финляндии [15], США [27], Украине [11] и других странах. Среди типичных поведенческих паттернов, характерных для хикикомори, исследователи отмечают добровольную самоизоляцию, избегание каких-либо социальных контактов (вплоть до ограничения взаимодействия с семьёй), зачастую отмечается отсутствие постоянной работы и/или места обучения [25]. Всё больше появляется исследований, отмечающих, что явление хикикомори – это интернациональное явление, которое обнаруживает себя не только в Японии и странах Азии, но и во всём мире. Мета-анализ, проведённый в 2022 г., показал, что в кросскультурной перспективе явление хикикомори на Ближнем Востоке, в Европе, Восточной Азии, Арабских странах, России и Украине имеет общие характеристики с подобным феноменом, впервые описанным в Японии. Более 80% исследований разных стран констатируют, что в острой изоляции молодые люди не работают и не учатся,

не общаются вне дома и остаются в своём жилище большую часть времени (за исключением уединённых ночных прогулок). Кросскультурные различия проявляются в том, что среди «западных» хикикомори несколько чаще встречаются женщины, молодёжь более старшего возраста (почти нет подростков), и сам период хикикомори несколько короче, нежели это описывают японские исследователи [21].

В разных странах Восточной Азии неодинаково определяют феномен «хикикомори». Так, в Японии состояние хикикомори чаще связывают с психическими расстройствами; в Гонг-Конге хикикомори определяют как закрытую молодёжь, склонную к игровой и интернет-аддикции; в Сингапуре – как социально замкнутую от общества группу молодёжи, не посещающую учебные заведения, с низкой успеваемостью и проблемами в отношениях со сверстниками; в Корее – как молодёжь с игровой зависимостью; в Китае – как группу безработной, непродуктивной молодёжи [28].

В России полномасштабных исследований хикикомори не проводилось, при этом многие авторы указывают на наличие этого явления в нашей стране [1; 2; 4; 22]. Так, Я. С. Лякина отмечает, что в социальной сети «ВКонтакте» можно найти десятки групп, посвящённых жизни хикикомори (количество подписчиков у самого популярного паблика для людей, склонных к острой социальной изоляции, более 600 тысяч человек) [4]. Особенно тревожно, что с этими группами ассоциируют себя не только сами хикикомори, но и «сочувствующие» такому образу жизни (так называемая молодёжь с признаками аффинности). Обычно в этих популяр-

ных среди молодёжи пабликах описываются отдельные истории изоляции, а также размещаются различные картинки-аниме, манги, аниме-сериалы и пр. Российская Федерация не может игнорировать это явление, т. к. учёные прогнозируют рост проявления поведения с признаками острой социальной изоляции (хикикомори), и это может затронуть почти 2% молодёжи во всём мире [9, с. 951].

Теоретический анализ исследований показал, что личностные черты хикикомори не так широко исследованы, но имеются некоторые данные об индивидуально-типологических чертах этих людей. Прежде всего стоит отметить, что в основном хикикомори – это люди, попадающие в возрастную категорию «молодёжь».

Среди особенностей одними из первых были выделены так называемые «5 основных характеристик» хикикомори, которые определялись авторами, как присущие всем людям, находящимся в данном состоянии. К ним относятся: 1) эпизоды «поражения без борьбы»; 2) «Я – идеальное» формируется за счёт чужих желаний и представлений; 3) консервация «Я – идеального»; 4) родительское влияние на образ «Я – идеального» у ребёнка; 5) избегание ситуаций, которые могут вызвать негативное отношение у окружающих [24].

Среди личностных характеристик хикикомори выделяют повышенный уровень переживания одиночества [15], выраженный уровень стресса [20], сниженный уровень жизнестойкости [3], риск суицидального поведения [30].

В исследованиях показано, что хикикомори чаще встречаются в мужской популяции населения [10]. Отмечено,

что к острой социальной изоляции склонны молодые люди, чьи родители страдают какими-либо психическими заболеваниями.

Среди индивидуально-личностных характеристик у хикикомори выявлены следующие особенности: проблемы в межличностных отношениях со сверстниками (буллинг и пр.), снижение уровня автономии личности, низкий уровень самооценки и чрезмерная интроверсия личности [31, с. 27].

В исследовании 2020 г. японских и французских коллег было обнаружено, что на тяжесть состояния хикикомори влияют такие факторы, как симптомы повышенной тревоги и депрессии, соматические жалобы (ипохондрические реакции), отсутствие общения между родителями, а также чрезмерное использование Интернета [13, с. 808]. Отмечается, что хикикомори имеют более высокий уровень пассивно-агрессивного поведения; тенденцию приспосабливать свои эмоции к окружающей среде и людям; склонность подавлять собственные эмоции, когда они чувствуют себя уязвимыми [16]. Показано, что чертами хикикомори являются неконкурентоспособность, неэффективное общение, проблемы с идентичностью из-за негативных оценок со стороны людей [29].

В научной литературе активно обсуждается связь между хикикомори и интернет-зависимостью. Показано, что несмотря на избегание социальных взаимодействий, хикикомори продолжают «придерживаться» виртуальных форм коммуникации, используя альтернативные каналы, в первую очередь, сеть Интернет [29].

В качественных исследованиях, где проводились глубинные интервью с

хикикомори, отмечалось, что они часто отказываются учиться и работать, потому что стыдятся себя и боятся, что их негативно оценят, будут оскорблять и принижать. Хикикомори очень чувствительно относятся к тому, что их стигматизируют, называя «спрятанная молодёжь», «замкнутые парни». Они переживают это и ещё больше закрываются [19]. Часто хикикомори сообщают о чувстве собственной ненужности, безнадёжности и потере доверия к людям. Среди наиболее свойственных им чувств во взаимодействии с людьми они отмечают скуку, страх, стыд, потерю интереса к взаимодействию с кем бы то ни было [29].

Исследования рефлексии по отношению к собственному поведению и образу жизни показывают противоречивые данные: одни исследователи говорят, что хикикомори тяжело переживают своё состояние, оценивают этот опыт как тяжёлый и неприятный [23, с. 641]. Другие исследователи отмечают, что некоторые хикикомори видят в своём состоянии спасение, наслаждаются уединением, ощущают себя свободными от ограничений и временных рамок [18, с. 537].

Было замечено, что люди с более высокой степенью социальной изоляции гораздо ниже субъективно оценивали качество своей жизни (корреляция $r = -0,850$; $p = 0,0000$). Это указывает на то, что социальная изоляция не является положительным фактором улучшения качества жизни хикикомори [8].

Характеристики жизнестойкости и механизмов совладания тоже имеют отличительные особенности у хикикомори. По мнению А. И. Калиниченко, в данной выборке снижен уровень жиз-

нестойкости, особенно по показателю «включённость». Автор объясняет снижение жизнестойкости у хикикомори низкой мотивацией к социальной активности; социальной стигматизацией и вынужденной изоляцией, а также недостатком ресурсов для преодоления социальных стрессоров [3].

Социальные факторы также могут повлиять на усиление поведения острой социальной изоляции. Так, исследование Дж. Гэвина и М. Бронсана показало, что социальные и технологические изменения, вызванные ограничениями COVID-19, могут усугубить риск возникновения состояния хикикомори у молодых людей. Международная выборка из 826 участников заполнила онлайн-анкету, состоящую из вопросов о демографических данных, опыте карантинных ограничений за предыдущие 12 месяцев, изменениях в использовании Интернета за предыдущие 12 месяцев, а также шкалах риска хикикомори. Учёные выяснили, что более высокий риск хикикомори встречался среди юношей, а также тех, кто редко в период изоляции выходил из дома. При этом более активное использование Интернета в период самоизоляции, по заключению авторов, наоборот, снижает риск хикикомори [12, с. 189].

При этом ещё раз стоит заметить, что в России феномен хикикомори недостаточно изучен, нет сведений об индивидуально-типологических характеристиках хикикомори, которые могут повлиять на выбор поведенческих реакций острой социальной изоляции и закрытости.

Таким образом, **цель настоящего исследования** состоит в определении личностных особенностей молодых

людей и хикикомори в рамках сравнительного анализа экспериментальной и контрольной группы.

Процедура и методы исследования

Процедура исследования. Проведён сравнительный анализ личностных особенностей молодых людей, склонных к острой социальной изоляции.

Диагностический инструментарий. Изучение личностных особенностей испытуемых осуществлялось при помощи авторской адаптации скрининг-методики определения хикикомори HQ-25, разработанной Аланом Тео и коллегами; Методики измерения уровня выраженности эскапизма (Т. Н. Савченко, О. И. Теславская, Е. В. Беловол, А. А. Кардапольцева); Опросника субъективного отчуждения С. Мадди (ОСОТЧ; адаптация для юношеского возраста Е. Н. Осина, 2011); Методики исследования самоотношения (МИС, С. Р. Пантелеев). Данные обрабатывались с помощью сравнительного анализа по критерию Манна-Уитни, корреляционного и регрессионного анализа. Все данные обрабатывались в статистическом пакете Statistica 12.

Выборка исследования. Выборка представлена двумя сравнительными группами: группа хикикомори и контрольная группа молодых людей, не склонных к поведению острой социальной изоляции. Хикикомори исследовались через социальные сети, тематические форумы и социальные группы людей, склонных к социальной изоляции. В связи с трудностью поиска не просто замкнутых и интровертированных молодых людей, а именно юношей и девушек, проявляющих поведение хикикомори, перед началом

основного исследования проводилась фильтрация выборки по заданным критериям: 1) опыт социальной изоляции не менее 6 месяцев (не связанных с карантинными мерами по COVID-19); 2) отсутствие диагностированного психического заболевания; 3) изоляция от непосредственных социальных контактов, ограничение общения в близкими. Выборка набиралась в течение 3 лет, начиная с 2019 г. Был установлен контакт с 68 хикикомори, которые согласились принять участие в исследовании (посредством онлайн-опроса). Среди 68 человек подавляющее большинство – юноши (91%). Это согласуется с данными зарубежных исследований, в которых также говорится о том, что к острой социальной изоляции в большей мере склонны именно молодые люди. Общий объем выборки составил 272 человека: юноши и девушки в возрасте от 18 до 30 лет. Контрольная группа была также рандомизирована по полу, возрасту и наличию высшего/среднего образования. Далее в описании и интерпретации результатов для большей ясности мы будем называть людей, склонных к острой социальной изоляции (далее ОСИ) – «хикикомори», а молодых людей контрольной группы – «лица, не склонные к ОСИ».

Результаты и обсуждение

Обнаружена статистически достоверная связь состояния хикикомори с возрастом и уровнем образования. У юношей и девушек старшего возраста состояние хикикомори встречается чаще (распределение частотности показывает, что это возраст 20–25 лет), и чаще это люди, получающие высшее образование или уже окончившие вуз ($r=0,41$, при $p<0,05$). С возрастом уве-

личивался показатель «проблемы социализации» и «изоляция» в группе хикикомори.

Далее проводился сравнительный анализ личностных характеристик хикикомори и лиц, не склонных к острой социальной изоляции (применялся непараметрический критерий Манна-Уитни (U)).

1. Показатели выраженности состояния хикикомори (скрининг-методика А. Тео в авторской адаптации). По теории А. Тео, в состоянии хикикомори можно выделить три основополагающие фактора: «проблемы социализации», «изоляция», «отсутствие эмоциональной поддержки». Результаты сопоставления двух групп – хикикомори и лиц, не склонных к острой социальной изоляции (далее кратко – ОСИ), – представлены в таблице 1.

В группе хикикомори статистически достоверно выше показатели «*изоляция*» (U эмп. = 5488, при $p<0,01$) и «*отсутствие эмоциональной поддержки*» (U эмп. = 5496, $p<0,01$), т. е. можно сказать, что молодёжь, склонная к ОСИ, на поведенческом уровне избегает любого прямого контакта с другими людьми, а также не видит вокруг себя людей, с которыми можно было бы обсудить важные проблемы и получить эмоционально позитивный отклик.

Необходимо отметить, что по шкале «проблемы социализации» достоверных различий в двух выборках обнаружено не было, и показатели довольно высоки в обеих группах. В данной шкале представлены утверждения, которые характеризуют сложности в непосредственном взаимодействии с другими людьми: трудности завязывания отношений, новых знакомств, не-

Таблица 1 / Table 1

Сравнение двух групп по определению хикикомори HQ-25 / Comparison of two groups by Hikikomori Questionnaire (HQ-25)

Переменные	U-критерий Манна-Уитни по переменной «хики» Отмеченные значения значимы при $p < 0,05000$			
	Ранговая сумма «лица, не склон- ные к ОСИ»	Ранговая сумма «хикикомори»	U	p-value
Проблема социализации	27876,00	9252,00	6906,000	0,958120
Изоляция	26398,00	10730,00	5488,000	0,009976*
Отсутствие эмоциональ- ной поддержки	26406,00	10722,00	5496,000	0,010395*

Примечание: * статистически значимые отличия между сравниваемыми группами

Источник: данные авторов.

принуждённого общения, формирования доверия и симпатии. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что в целом по всей нашей выборке у молодёжи наблюдаются некоторые проблемы в построении отношений с другими людьми и сложности социализации. Возможно, это объясняется тем, что часть исследования пришлось на период изоляции, связанной с карантинными ограничительными мерами в ситуации COVID-19. И особо тревожным является тот факт, что по всей выборке (272 человека) все показатели склонности к хикикомори несколько превышают средние значения, особенно по шкале «проблемы социализации». Это является довольно тревожным сигналом в понимании причин принятия решения о социальной изоляции современной молодёжью.

2. Субъективное отчуждение и эскапизм как фактор проявления поведения хикикомори. На следующем этапе сравнивались полученные данные по методикам измерения уровня выраженности эскапизма и субъективного отчуждения.

Социальный эскапизм в умеренном проявлении является нормативной реакцией личности и отражает потребность личности иногда разделять в своём сознании реальную и воображаемую жизнь. Результаты опроса 272 респондентов показали, что уровень эскапизма по всей выборке превышает нормативные значения и в группе хикикомори, и в контрольной группе. Статистически достоверные различия обнаружены только по шкале «Состояние потока» (U эмп. = 5850, при $p < 0,05$), причём данный параметр больше выражен в группе молодёжи, не склонной к острой социальной изоляции (ОСИ). Можно отметить, что молодёжь в контрольной группе в большей мере отличается чрезмерной вовлечённостью, погружённостью в мечтания и стремлением к получению удовольствия. Авторы методики отмечают, что чрезмерная выраженность этой шкалы может свидетельствовать о том, что такие люди могут испытывать трудности возвращения к реальности [7]. Далее на рисунке 1 представлены различия в показателях социального эскапизма.

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность показателей социального эскапизма в сравниваемых выборках / The severity of indicators of social escapism in the compared samples

Источник: данные авторов.

Анализ данных показывает, что в целом по выборке высокий уровень социального эскапизма был отмечен по шкале «неудовлетворённость и избегание». У большого количества молодёжи, составлявшего выборку, этот показатель имеет высокие значения, что свидетельствует о наличии внутренних конфликтов, рассогласовании желаемого и действительного. Это может объясняться как особенностями кризиса молодости, так и актуальны-

ми эмоциональными состояниями современной молодёжи, обусловленными происходящими в мире социально значимыми событиями, а также новыми условиями киберсоциализации [1; 6].

По опроснику субъективного отчуждения были замечены статистически значимые различия почти по всем шкалам в двух сравниваемых выборках, кроме шкалы «авантюризм» (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Сравнение субъективного отчуждения в двух группах / Comparison of the two groups' Subjective Alienation

Показатели	Ранговая сумма «лица, не склонные к ОСИ»	Ранговая сумма «хикикомори»	U	p-value
Вегетативность	25728,00	11400,00	4818,000	0,000164*
Бессилие	26046,00	11082,00	5136,000	0,001359*
Нигилизм	25520,00	11608,00	4610,000	0,000035*
Авантюризм	27070,00	10058,00	6160,000	0,167448

Окончание табл. 2

Показатели	Ранговая сумма «лица, не склон- ные к ОСИ»	Ранговая сумма «хикикомори»	U	p-value
Отчуждение от работы	26260,00	10868,00	5350,000	0,004768*
Отчуждение от общества	26714,00	10414,00	5804,000	0,043993*
Отчуждение от людей	25666,00	11462,00	4756,000	0,000105*
Отчуждение от семьи	25600,00	11528,00	4690,000	0,000064*
Отчуждение от себя	25902,00	11226,00	4992,000	0,000541*
Общий уровень отчуждения	25906,00	11222,00	4996,000	0,000556*

Примечание: * статистически значимые отличия между сравниваемыми группами

Источник: данные авторов.

Можно констатировать, что три показателя субъективного отчуждения: «вегетативность», «бессилие», «нигилизм» в наибольшей степени выражены в группе хикикомори. Все сферы отчуждения (семья, работа, люди, общество и пр.) актуализированы в ней. Самые высокие значения в группе хикикомори по данной методике обнаружены по шкалам «вегетативность», «нигилизм», «отчуждение от работы» и «отчуждение от общества». Неспособность поверить в значимость осуществляемой деятельности, обесценивание личностных смыслов, деструктивная позиция и апатия приводит к тому, что люди, склонные к поведению хикикомори, отчуждаются от всех значимых сфер своей жизни и отдаляются от людей и общества. Этот вывод согласуется с данными зарубежных авторов [14; 20; 27].

Также отечественные исследователи утверждают, что в целом поколение «Миллениум» более склонно к отчуждению важных аспектов своей реальности [5].

3. Особенности самоотношения хикикомори. Как свидетельствует большое количество психологических исследований, наличие высокой самооценки, самоуважение приводит индивида к убеждению в том, что он – хороший, достойный и положительно воспринимаемый другими людьми человек. Именно таким образом формируется позитивная идентичность в различных сферах жизни.

Результаты исследования указывают на проблемы идентичности в группе хикикомори. На рисунке 2 представлены различия в двух группах по методике исследования самоотношения. Различия в двух выборках были обнаружены по шкалам «самоуверенность» (U эмп. = 4830, при $p < 0,01$), «саморукводство» (U эмп. = 5814, при $p < 0,05$) и «зеркальное Я» (U эмп. = 5634, при $p < 0,05$). Все три показателя входят в фактор «самоуважение», и эти показатели ниже в группе изолирующейся молодёжи. Таким образом, можно говорить о том, что хикикомори сомневаются в том, что могут уважать себя, они имеют более низкий уровень саморегу-

ляции и способности брать ответственность за свою жизнь, а также постоянно ожидают негативных оценок своей личности со стороны других людей. В отношении понимания фактора самооценки есть противоположные сведения в различных исследованиях о хикикомори. Одни учёные заявляют, что нарушение

процесса позитивной идентификации является чуть ли ни основной причиной появления симптомов хикикомори в то время, как другие исследователи констатируют, что у «прячущейся молодёжи» достаточно стабильная позитивная самооценка, и даже приписывают им нарциссические черты личности.

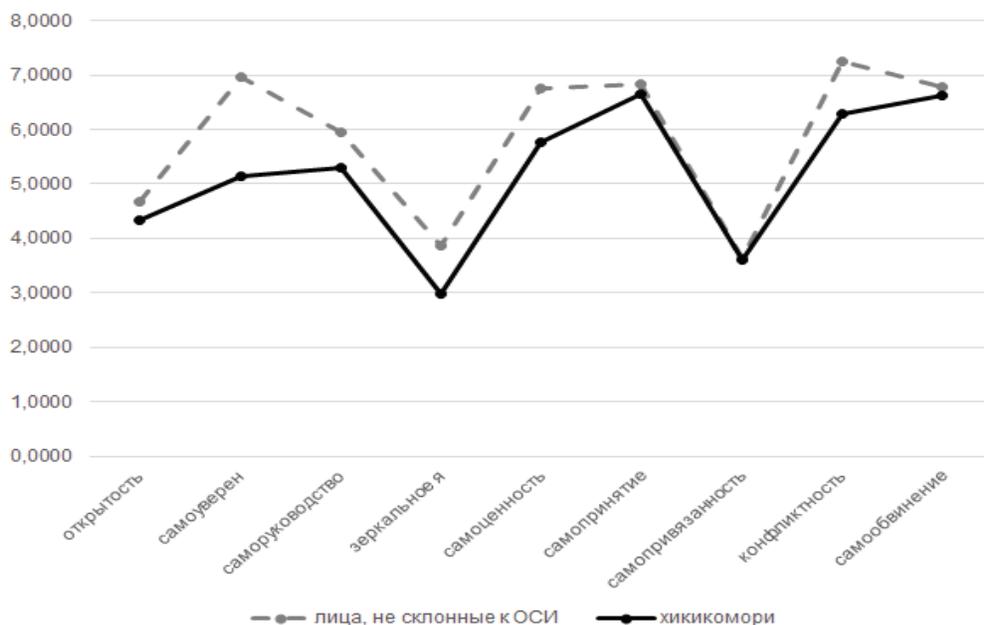

Рис. 2 / Fig. 2. Выраженность показателей самоотношения в сравниваемых выборках / The severity of self-attitude indicators in the compared samples

Источник: данные авторов.

Хочется также отметить, что в целом по всей выборке обнаружены низкие показатели по шкале «самопривязанности», что говорит о стремлении молодёжи из двух выборок к некоему недостижимому идеальному образу, желанию изменить что-то в себе, обусловленному недовольством собой. Высоки показатели в обеих группах по шкалам «внутренняя конфликтность» и «самообвинения».

4. Взаимосвязь между показателями поведения хикикомори и личностными характеристиками. В завершении был проведён корреляционный анализ взаимосвязи личностных черт и атрибутов поведения хикикомори (ранговая корреляция по Спирмену).

Высокий прямо пропорциональный коэффициент корреляции наблюдается между различными атрибутами поведения хикикомори и общим уровнем эскапизма и отчуждения. Почти

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь показателей поведения ОСИ (хикикомори) и личностных характеристик / The correlation between the indicators of hikikomori's behavior and personal characteristics

Показатели	Поведение хикикомори	Проблемы социализации	Изоляция	Отсутствие эмоциональной поддержки
Общий уровень социального эскапизма	-0,043	0,186*	0,218*	0,136*
Общий уровень отчуждения	0,209*	0,182*	0,241*	0,266*
Открытость	-0,072	-0,096	-0,119*	-0,110
Самоуверенность	-0,228*	-0,117	-0,190*	-0,184*
Саморуководство	-0,122*	-0,120*	-0,142*	-0,149*
Зеркальное Я	-0,142*	-0,161*	-0,203*	-0,288*
Самоценность	-0,114	-0,199*	-0,201*	-0,241*
Самопринятие	-0,031	-0,088	-0,087	-0,111
Самопривязанность	-0,052	-0,013	-0,016	-0,009
Внутренняя конфликтность	-0,106	0,125*	0,075	0,068
Самообвинение	-0,008	0,161*	0,149*	0,166*

Примечание: * статистически значимые связи между показателями

Источник: данные авторов.

все показатели хикикомори обратно пропорционально связаны с такими характеристиками самоотношения личности, как самоуверенность, саморуководство, зеркальное Я, самооценочность.

Из отдельных коэффициентов корреляции можно отметить прямую взаимосвязь между всеми шкалами скрининг-опросника хикикомори и самообвинением, что говорит о том, что хикикомори склонны ставить только себе в вину свои промахи и неудачи, не прощать себя за ошибки. Проблемы социализации статистически значимо связаны с высоким уровнем конфликтности ($r = 0,125$, при $p < 0,05$). Высокий уровень изоляции предполагает низкий уровень открытости личности, о чём свидетельствует коэффициент корреляции с отрицательным знаком ($r = -0,119$, при $p < 0,05$).

Дополнительно проведённый регрессионный анализ показал, что в поведении хикикомори бóльший вклад вносят такие переменные, как пол (мужской), высокий уровень субъективного отчуждения (особенно от работы и общества в целом), высокий уровень нигилизма, самообвинения, низкий уровень самоуверенности.

Заключение

Поведение хикикомори связано с социально-психологическими особенностями людей, склонных к острой социальной изоляции. Анализ полученных нами результатов даёт основание сделать следующие выводы относительно личностных особенностей хикикомори в России.

1. В российской выборке хикикомори представлены в большей степени представителями мужского пола.

Стоит отметить, что в женской выборке хикикомори показатели самообвинения и внутренней конфликтности, также как и закрытость и недоверие к миру, статистически достоверно выше, чем у юношей. Девушки проявляют ещё более радикальные формы социальной изоляции и ухода от контактов. Чаще всего поведение острой социальной изоляции проявлялось в нашей выборке в возрасте от 20 до 25 лет.

2. Хикикомори имеют высокий уровень социального эскапизма, равно как и высокий уровень субъективного отчуждения. В выборке хикикомори было выявлено, что среди присущим им качеств преобладает нигилизм, бессилие и вегетативность, что подчёркивает ощущение беспомощности в возможности наладить отношения с окружающим миром.

3. В статье изучены такие личностные характеристики хикикомори, как эскапизм, уровень субъективного отчуждения, самоотношение. Последняя характеристика отличается низким уровнем самоуважения: показатели самоуверенности, саморуководства и зеркального Я находятся в зоне низких значений. Хикикомори склонны к самообвинениям и интрапсихическим конфликтам, что характеризует их внутреннюю неустойчивость.

4. Наибольший вклад в формирование поведения хикикомори вносят такие переменные, как принадлежность к мужскому полу, самоотчуждение от значимых сфер своей жизни и от собственной личности, высокий уровень нигилизма, самообвинения и отсутствие самоуважения. Внутренняя конфликтность личности влияет на возникновение проблем в социализации хикикомори, а замкнутость и желание

спрятаться от мира связаны с поведением острой социальной изоляции.

4. В целом по выборке молодёжи, в том числе в контрольной группе, настаивают высокие показатели социального эскапизма (наличие высоких значений), а также достаточно нестабильный уровень самоотношения, характеризующийся достаточно высокими показателями внутренней конфликтности и самообвинений, равно как и низким уровнем зеркального Я, что говорит о чувствительной зависимости личности современных молодых людей от оценки окружающих.

5. Найдена корреляция между стремлением к изоляции, отчуждением и самоотношением в группе хикикомори. Проведён регрессионный анализ, позволяющих определить индивидуально-типологические особенности людей с признаками хикикомори, вносящими наибольший вклад в формирование поведения острой социальной изоляции и отчуждения.

Полученные данные требуют более глубокого анализа, сопоставления с данными релевантных исследований во всём мире, как на Востоке, так и на Западе. При этом, изучение феномена хикикомори, проявляющегося в российской действительности, имеет несомненные *перспективы*, т. к. поведение острой социальной изоляции всё чаще регистрируют исследователи и в нашей стране (в том числе, описание поколения NEET). Полученные сведения о личностных особенностях хикикомори позволят разработать меры для профилактики формирования поведения отчуждения и изоляции молодёжи, подготовят почву для решения проблем, связанных с социализацией юношей и девушек в условиях циф-

ровизации жизненного пространства, ослабления реальных контактов и возможностей активного социального взаимодействия.

Ограничения данного исследования могут быть связаны со сложностью сбора данных в выборке хикикомори, которые категорически не готовы к глубинным интервью и непосред-

ственному общению с исследователями, а также отсутствием единой эмпирической модели изучения данного феномена, т. к. методология и диагностический инструментарий для постижения данного явления ещё находятся на этапе становления и апробации.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодёжи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57.
2. Войскунский А. Е., Солдатова Г. У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 22–43.
3. Калиниченко А. И. Исследование уровня жизнестойкости хикикомори // Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей XLI Региональной студенческой научно-практической конференции / Омск, 10 – 28 апреля 2017 года / под ред. С. В. Белима. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2017. С. 308–312.
4. Лякина Я. С. Феномен хикикомори: обзор исследований // Reflexio. 2018. Т. 11. № 1. С. 99–153.
5. Мичкова Н. С., Ошемкова С. А. Экзистенциальные картины мира представителей поколения “X” и поколения “Миллениум”: особенности переживания бессмысленности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 60–78.
6. Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 82–98.
7. Теславская О. И., Савченко Т. Н. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма // Экспериментальная психология. 2019. Т. 64. № 2. С. 162–176.
8. Chan G. H., Lo T. W. Hidden youth services: What Hong Kong can learn from Japan // Children and Youth Services Review. 2014. № 42. С. 118–126.
9. Chan H., Lo T. Quality of life of the hidden youth in Hong Kong // Applied Research in Quality of Life. 2014. № 9 (4). P. 951–969.
10. Chauliac N., Couillet A., Faivre S. Characteristics of socially withdrawn youth in France: a retrospective study // International Journal of Social Psychiatry. 2017. № 63 (4). P. 339–344.
11. Frankova I. Does hikikomori exist in Ukraine? // European Psychiatry. 2017. № 41 (1). P. 228–288.
12. Gavin J., Brosnan M. The Relationship Between Hikikomori Risk and Internet Use During COVID-19 Restrictions // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2022. № 25 (3). P. 189–193.
13. Hamasaki Y., Pionnii-Dax N., Dorard G. Identifying social withdrawal (hikikomori) factors in adolescents: understanding the hikikomori spectrum // Child Psychiatry & Human

- Development. 2021. № 52 (5). P. 808–817.
14. Hu X., Fan D., Shao Y. Social Withdrawal (Hikikomori) Conditions in China: A Cross-Sectional Online Survey // *Frontiers in Psychology*. 2022. № 13. URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 10.01.22).
 15. Husu H. M., Вдлімдкі V. Staying inside: social withdrawal of the young, Finnish ‘Hikikomori’ // *Journal of Youth Studies*. 2017. № 20 (5). P. 605–621.
 16. Katsuki R., Inoue A., Indias S. Clarifying deeper psychological characteristics of hikikomori using the rorschach comprehensive system: a pilot case-control study // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.01.22).
 17. Lee Y. S., Lee J. Y., Choi T. Y. Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2013. № 67 (4). P. 193–202.
 18. Li T. M. H., Liu L., Wong P. W. C. Withdrawal experience and possible way-outs from withdrawal behavior in young people // *Qualitative Social Work*. 2018. № 17 (4). P. 537–555.
 19. Li T. M. H., Wong P. W. C. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): a systematic review of qualitative and quantitative studies // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2015. № 49 (7). P. 595–609.
 20. Nonaka S., Sakai M. Psychological Factors Associated with Social Withdrawal (Hikikomori) // *Psychiatry investigation*. 2021. № 18 (5). P. 463–470.
 21. Nonaka S., Takeda T., Sakai M. Who are hikikomori? Demographic and clinical features of hikikomori (prolonged social withdrawal): A systematic review // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2022. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.21).
 22. Petrova Y. A., Alehina M. V., Romanchenko A. P. Hikikomori as psychological type of person by the example of Japan // *Problems of development of a personality: diversity of approaches: Materials of the IV international scientific conference / Prague, November, 15–16, 2017*. P. 67–70.
 23. Rubinstein E. Emplotting hikikomori: Japanese parents’ narratives of social withdrawal // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. 2016. № 40 (4). P. 641–663.
 24. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of “hikikomori” (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today // *Journal of Psychopathology*. 2013. № 19. P. 191–198.
 25. Tajan N., Yukiko H., Піонній-Дак N. Hikikomori: the Japanese Cabinet Office’s 2016 survey of acute social withdrawal // *The Asia Pacific Journal*. 2017. № 15 (5). URL: <https://apjpf.org> (дата обращения: 10.01.22).
 26. Teo A. R. A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori // *International journal of social psychiatry*. 2010. № 56 (2). P. 178–185.
 27. Teo A. R., Fetters M. D., Stufflebam K., Identification of the hikikomori syndrome of social withdrawal: psychosocial features and treatment preferences in four countries // *International Journal of Social Psychiatry*. 2015. № 61 (1). P. 64–72.
 28. Wong J. C. M., Wan M. J. S., Kroneman L. Hikikomori phenomenon in East Asia: regional perspectives, challenges, and opportunities for social health agencies // *Frontiers in psychiatry*. 2019. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.01.22).
 29. Yong R. K. F., Kaneko Y. Hikikomori, a phenomenon of social withdrawal and isolation in young adults marked by an anomic response to coping difficulties: a qualitative study exploring individual experiences from first-and second-person perspectives // *Open Journal of Preventive Medicine*. 2016. № 6 (01). URL: <https://www.scirp.org/journal> (дата обращения: 10.01.22).
 30. Yong R., Nomura K. Hikikomori is most associated with interpersonal relationships, fol-

lowed by suicide risks: a secondary analysis of a national cross-sectional study // *Frontiers in psychiatry*. 2019. № 10. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.01.22).

31. Yung J. Y., Wong V., Ho G. W. Understanding the experiences of hikikomori through the lens of the CHIME framework: connectedness, hope and optimism, identity, meaning in life, and empowerment; systematic review // *BMC psychology*. 2021. № 9 (1). URL: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com> (дата обращения: 10.01.22).

REFERENCES

1. Ajsina R. M., Nesterova A. A. [Cybersocialization of youth in the information and communication space of the modern world: and risks]. In: *Social'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 42–57.
2. Vojskunsij A. E., Soldatova G. U. [An epidemic of loneliness in the digital society: hikikomori as a cultural and psychological phenomenon]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019, vol. 27, no. 3, pp. 22–43.
3. Kalinichenko A. I. [Study of the level of resilience of hikikomori]. In: Belim S. V., ed. *Molodyozh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnyh statej XLI Regional'noj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Omsk, 10 – 28 aprelya 2017 goda* [Youth of the third millennium: a collection of scientific articles of the XLI Regional Student Scientific and Practical Conference / Omsk, April 10–28, 2017]. Omsk, Omsk State University Press, 2017, pp. 308–312.
4. Lyakina Ya. S. [The hikikomori phenomenon: a review of research]. In: *Reflexio*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 99–153.
5. Michkova N. S., Oshemkova S. A. [Existential pictures of the world of representatives of generation “X” and generation “Millennium”: features of the environment]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2021, no. 2, pp. 60–78.
6. Sidyacheva N. V., Gubanov A. V., Zotova L. E. [Socio-psychological determinants of psychological well-being during the COVID-19 pandemic: data from international studies]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 4, pp. 82–98.
7. Teslavskaya O. I., Savchenko T. N. [Subjective quality of life and psychological adaptation in individuals with low, medium and high levels of escapism]. In: *Ekspertimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology], 2019, vol. 64, no. 2, pp. 162–176.
8. Chan G. H., Lo T. W. Hidden youth services: What Hong Kong can learn from Japan. In: *Children and Youth Services Review*, 2014, no. 42, pp. 118–126.
9. Chan H., Lo T. Quality of life of the hidden youth in Hong Kong. In: *Applied Research in Quality of Life*, 2014, no. 9 (4), pp. 951–969.
10. Chauliac N., Couillet A., Faivre S. Characteristics of socially withdrawn youth in France: a retrospective study. In: *International Journal of Social Psychiatry*, 2017, no. (4), pp. 339–344.
11. Frankova I. Does hikikomori exist in Ukraine? In: *European Psychiatry*, 2017, no. 41 (1), pp. 228–288.
12. Gavin J., Brosnan M. The Relationship between Hikikomori Risk and Internet Use during COVID-19 Restrictions. In: *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2022, no. 25 (3), pp. 189–193.
13. Hamasaki Y., Pionniñ-Dax N., Dorard G. Identifying social withdrawal (hikikomori) fac-

- tors in adolescents: understanding the hikikomori spectrum. In: *Child Psychiatry & Human Development*, 2021, no. 52 (5), pp. 808–817.
14. Hu X., Fan D., Shao Y. Social Withdrawal (Hikikomori) Conditions in China: A Cross-Sectional Online Survey. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, no. 13. Available at: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 10.01.22).
 15. Husu H. M., Вдлімдкі V. Staying inside: social withdrawal of the young, Finnish 'Hikikomori'. In: *Journal of Youth Studies*, 2017, no. 20 (5), pp. 605–621.
 16. Katsuki R., Inoue A., Indias S. Clarifying deeper psychological characteristics of hikikomori using the roschach comprehensive system: a pilot case-control study. In: *Frontiers in Psychiatry*, 2019, no. 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.01.22).
 17. Lee Y. S., Lee J. Y., Choi T. Y. Home visitation program for detecting, evaluating and treating socially withdrawn youth in Korea. In: *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 2013, no. 67 (4), pp. 193–202.
 18. Li T. M. H., Liu L., Wong P. W. C. Withdrawal experience and possible way-outs from withdrawal behavior in young people. In: *Qualitative Social Work*, 2018, no. 17 (4), pp. 537–555.
 19. Li T. M. H., Wong P. W. C. Youth social withdrawal behavior (hikikomori): a systematic review of qualitative and quantitative studies. In: *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2015, no. 49 (7), pp. 595–609.
 20. Nonaka S., Sakai M. Psychological Factors Associated with Social Withdrawal (Hikikomori). In: *Psychiatry investigation*, 2021, no. 8 (5), pp. 463–470.
 21. Nonaka S., Takeda T., Sakai M. Who are hikikomori? Demographic and clinical features of hikikomori (prolonged social withdrawal): A systematic review. In: *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2022. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.21).
 22. Petrova Y. A., Alehina M. V., Romanchenko A. P. Hikikomori as psychological type of person by the example of Japan. In: *Problems of development of a personality: diversity of approaches: Materials of the IV international scientific conference / Prague, November, 15–16, 2017*. P. 67–70.
 23. Rubinstein E. Emplotting hikikomori: Japanese parents' narratives of social withdrawal. In: *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2016, no. 40 (4), pp. 641–663.
 24. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of "hikikomori" (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today. In: *Journal of Psychopathology*, 2013, no. 19, pp. 191–198.
 25. Tajan N., Yukiko H., Пшонній-Dax N. Hikikomori: the Japanese Cabinet Office's 2016 survey of acute social withdrawal. In: *The Asia Pacific Journal*, 2017, no. 15 (5). Available at: <https://apjpf.org> (accessed: 10.01.22).
 26. Teo A. R. A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori. In: *International journal of social psychiatry*, 2010, no. 56 (2), pp. 178–185.
 27. Teo A. R., Fetters M. D., Stufflebam K., Identification of the hikikomori syndrome of social withdrawal: psychosocial features and treatment preferences in four countries. In: *International Journal of Social Psychiatry*, 2015, no. 61 (1), pp. 64–72.
 28. Wong J. C. M., Wan M. J. S., Kroneman L. Hikikomori phenomenon in East Asia: regional perspectives, challenges, and opportunities for social health agencies. In: *Frontiers in psychiatry*, 2019, no. 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.01.22).
 29. Yong R. K. F., Kaneko Y. Hikikomori, a phenomenon of social withdrawal and isolation in young adults marked by an anomic response to coping difficulties: a qualitative study exploring individual experiences from first-and second-person perspectives. In: *Open Journal of Preventive Medicine*, 2016, no. 6 (01). Available at: <https://www.scirp.org/journal> (accessed: 10.01.22).

30. Yong R., Nomura K. Hikikomori is most associated with interpersonal relationships, followed by suicide risks: a secondary analysis of a national cross-sectional study. In: *Frontiers in psychiatry*, 2019, no. 10. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.01.22).
31. Yung J. Y., Wong V., Ho G. W. Understanding the experiences of hikikomori through the lens of the CHIME framework: connectedness, hope and optimism, identity, meaning in life, and empowerment; systematic review. In: *BMC psychology*, 2021, no. 9 (1). Available at: <https://bmcpshychology.biomedcentral.com> (accessed: 10.01.22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Альбина Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета
e-mail: anesterova77@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-7830-9337;

Кичман Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mankich@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7957-8232.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Albina A. Nesterova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: anesterova77@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-7830-9337;

Dmitrii N. Kichman – Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: mankich@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7957-8232.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нестерова А. А., Кичман Д. Н. Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 117–134.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-117-134

FOR CITATION

Nesterova A. A., Kichman D. N. Personal characteristics of people in a state of acute social self-isolation (hikikomori). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 117–134.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-117-134

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

УДК 159.98:005,32

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-135-155

МУДРАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИЯХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Булгаков А. В., Андреева Н. Ю., Бережная М. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучение мудрой человечности в организациях (МЧО) различного типа.

Процедура и методы исследования. На выборке, состоящей из 160 чел. (55 мужчин и 105 женщин в возрасте от 22 до 48 лет), из 12 разнотипных организаций, работающих в обычных условиях (2 управляющих жилищным комплексом компании, 2 строительных организаций, 2 охранных предприятий; всего 95 чел.) и условиях оперативной деятельности (2 аварийно-спасательных, 2 поисковых, 2 участвующих в производстве следственных действий водолазных станций, всего 65 чел.) проведён опрос. Обследования проводились с 2019 по 2022 гг. Использованы модернизированные шкалы «Аллофилия» Т. Питтински, «Доминирование» Дж. Даккита, самооценки мудрости Дж. Вебстера, тест «Мотивационный профиль» П. Мартина и Ш. Ричи, диагностика организационной культуры Куинна и Камерона, проективная методика изучения социальной идентичности Л. Б. Шнейдер и В. В. Хрусталевой, методика оценки социально-психологической атмосферы по Фидлеру, методика профессиональных состояний, межличностных взаимодействий в группе по Сишору.

Результаты. Сконструирована и апробирована модель «Мудрая Человечность в организации» (МЧО). Эмпирически проверены элементы модели. Подтверждено значение для HR-аналитики персонала различных организаций конструкта «Человечность в организации», входящего в модель МЧО. Определено следующее положение: категория «отношение к другим группам» остаётся базовой, а категории отношения к руководителю и коллегам, в большей степени зависят от ситуации. Другой элемент модели – «Самооценка мудрости» – существенно дополняет интегративный конструкт МЧО. Выявлено, что показатель мудрости равноценно присутствует во всех организациях. При этом у выполняющих оперативные задачи он больше, а у работающих в обычных условиях – дополняется дескрипторами «опыт» и «рефлексия». Третий элемент модели МЧО определён для всех организаций как доминанта организационной культуры (ОК) «Порядок». Выявлено отсутствие

© СС ВУ Булгаков А. В., Андреева Н. Ю., Бережная М. Н., 2022.

различия организаций по ОК «порядок» (0,260), определены различия в ОК «отношение» (0,01), «творчество» (0,03) в профессиональной идентичности сотрудников (0,02), структуре мотивации (0,01) в организациях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснована методология изучения МЧО, включающая принципы «мудрость как объединяющая идея организации»; «мудрость как когнитивная карта человечности»; «Любовь как Путь к мудрости», «основа человечности»; «мудрость как принцип культуры»; «мудрость как инструмент познания человечности».

Ключевые слова: аллофилия, мудрость, мудрая человечность в организациях, организация, управление, человечность

WISE HUMANITY IN ORGANIZATIONS OF VARIOUS TYPES: METHODOLOGY AND RESEARCH METHODOLOGY

A. Bulgakov, N. Andreeva, M. Berezhnaya

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The study of wise humanity in organizations (WHOs) of various types.

Methodology. A survey was conducted on the sample of 160 people (55 men and 105 women aged 22 to 48) from 12 different types of organizations operating under normal conditions (2 housing complex management companies, 2 construction organizations, 2 security companies, 95 people in total) and operating conditions (2 emergency-rescue, 2 searching, 2 diving stations involved in the production of investigative actions, a total of 65 people). The survey was conducted from 2019 to 2022. The modernized scales “Allophilia” by T. Pittinsky were used, as well as “Dominance” by J. Dakkit, self-assessment of wisdom by J. Webster, “Motivational profile” test by Martin and Ritchie, diagnostics of organizational culture by Quinn and Cameron, projective method of studying social identity by L.B. Shneider and V.V. Khrustaleva, methodology for assessing the socio-psychological atmosphere according to Fiedler, professional conditions, interpersonal interactions in a group according to Sishore.

Results. The model “Wise Humanity in Organization” (MHO) was designed and tested. The elements of the model were empirically verified. The significance for the R-analytics of various organizations personnel according to their affiliation is confirmed for the construct “Humanity in Organization”, which is part of the WHO model. The following statement is defined: the category “attitude towards other groups” remains basic, and the category “attitude towards the manager and colleagues” is more dependent on the situation. Another element of the model – “Self-assessment of wisdom” – significantly complements the integrative construct of the WHO. It was revealed that the indicator of wisdom is equally present in all the organizations. At the same time, it is larger for those performing operational tasks, and for those working under normal conditions, it is supplemented by experience and reflection descriptors. The third element of the WHO model is defined for all organizations as the dominant of the organizational culture (OC) “Order”. The absence of differences in organizations in terms of OC order (0.260) was revealed, the difference in OC ratio (0.01), creativity (0.03), professional identity of employees (0.02), motivation structure (0.01) in organizations were determined.

Research implications. The methodology of studying the WHO is substantiated, including the following principles “wisdom as a unifying idea of the organization”; “wisdom as a cognitive

map of humanity”; “Love as the Path to Wisdom”; “the basis of humanity”; “wisdom as a principle of culture”; “wisdom as a tool for getting to know the humanity”.

Keywords: allophilia, wisdom, wise humanity in organizations, organization, management, humanity

Введение

Понятие «Мудрая человечность» имеет глубокие гуманитарные теоретические и практические корни. Философы, филологи, литераторы обращались к нему. Так в начале XX в. А. А. Блок в дни прощания с великим русским писателем-гуманистом Л. Н. Толстым говорил: «С Толстым ушла мудрая человечность» [26]. Дальнейшие суровые события истории нашего государства фактически подтвердили эту мощную метафору-предсказание, понятие надолго исчезло из семантического поля русской культуры, заговорившем на ином языке. Остались в науке и практике составные элементы: мудрость, человечность, отношения. Сегодня пришло время вернуться к интегральному понятию «мудрая человечность» в контексте межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. Цель такого возвращения – оптимизировать управление персоналом в организациях разного типа. А для того, чтобы изменять, надо уметь измерять, операционализировать элементы «мудрой человечности организации» (далее МЧО), используя накопленный опыт в сфере управления персоналом [10] разнообразных организаций [9].

Человечность в межличностных и межгрупповых отношениях в организации представляет собой единство эмоционально-чувственного и рационально-теоретического уровней профессионального сознания. В понятии человечности речь идёт об отношении к человеку, о его отношении к рабо-

те и коллективу. Здесь центральным моментом выступает желание и руководителей, и сотрудников видеть в организационных взаимоотношениях осознанно или не осознаваемо человеческое лицо, человеческий образ, в конце концов, именно человечность своей организации. Проблема человечности профессиональных отношений рассматривается рядом отечественных и зарубежных учёных, социологов, психологов (А. В. Булгаков, А. В. Суворов, Н. Д. Шадриков и др.). [10; 29; 31]. Понятие «Человечность организации» относится не только к теории, но и к практике управления. Компании часто указывают на необходимость использования методов критического, эмансипативного расширения возможностей для вовлечения сотрудников в процессы принятия решений, при этом подчёркивается важность мнения сотрудников нижнего уровня, их способности принимать решения в отношении стратегического управления и общего лидерства организации.

Мудрость – это интегральное понимание мотивов, эмоций, особенностей принятия решений, поведения других и понимание себя, а именно – своих ограничений и возможностей, а также видение мира в широком и разнообразном, более объективном контексте. Т. Гилович, Л. Росс выявлено соотношение детерминации поведения человека в ситуациях нравственного выбора. Это соотношение между: а) ситуативными влияниями складывающейся ситуации; б) личностной де-

терминацией – влиянием личностных особенностей человека, его мировоззренческих и нравственных установок на принятие решение о поступке. Влиять на людей сложно, они – «не пассивные марионетки, которых за ниточки дёргает кукловод» [16, с. 143]. Методологическую основу изучения мудрости и мудрой человечности в настоящей статье представляют философские взгляды К. И. Зорина [20], сформулированные им как принципы мудрости и представленные нами для целей эмпирического исследования в реальных условиях жизнедеятельности российских организаций.

Краткий обзор литературы

Анализ научной литературы по проблеме позволил сделать предположение: психологические аспекты мудрости организации могут быть представлены системой принципов, которые выступают как методология изучения человечности организации. Отметим, что парадигма мудрости до последнего времени была не так популярна в современном гуманитарном знании. В более 300 работах 2011–2021 годов по сходной проблематике было проведено и защищено только одно диссертационное исследование в прямой постановке вопроса [30]. Здесь для изучения мудрости использовался диагностический инструментарий системы ценностей М. Рокича, однако дальнейшее расширение её возможностей как методологии исследования результатов не дало, было приостановлено. Возможно, проявилась стереотипность представлений о том, что понятие мудрости относится к кругу интересов учёных, работающих в классических парадигмах и исчерпавших возмож-

ности формулы результатов исследования «банальность–оригинальность» в своих размышлениях, измерениях, интерпретациях в сторону первой позиции. Сегодня с появлением адаптированного варианта Шкалы самооценки мудрости Дж. Вебстера (SAWS) ситуация меняется [25; 8]. Появились эмпирические исследования мудрости в отечественной психологии (Н. Н. Мехтиханова и М. Л. Смульсон) [23]. Исследования мудрости востребованы в сферах образования, менеджмента и организационного лидерства, где мудрость рассматривается в качестве важнейшего личностного ресурса человека [30; 34]. Ведутся разработки многомерных шкал самооценки мудрости [24; 34; 35; 36; 37; 38; 42]. Сделаны попытки применения междисциплинарной методологии [27].

Анализ научных взглядов, прежде всего В. И. Зорина [21], дополненных результатами немногочисленных эмпирических исследований, позволил сформулировать ряд *принципов, важных для изучения мудрой человечности в организации*.

Во-первых, «Мудрость как специфическая когнитивная карта». Для изучения человечности она может стать доминирующей структурой в формировании и развитии общей картины мира, запускающей регулятивные механизмы когнитивных процессов. Когнитивная карта является инструментом, метарегулятивом познавательной деятельности человека, формирует репрезентации, определяет и контролирует мысли, поступки людей, способствует выработке образцов, видов репрезентаций различного уровня, даже таких, как социальное взаимодействие в организации.

Считаем целесообразным использование теоретической модели мудрости Дж. Вебстера [43; 44], на основе которой построена «Шкала самооценки мудрости» (SAWS). В основу операционализации Шкалы положены личностные качества человека, которые не только являются устойчивыми, но ещё и надёжно распределёнными по пяти подшкалам: открытость, регуляция эмоций, юмор, опыт, воспоминания/рефлексия.

Во-вторых, «Мудрость как инструмент познания». Мудрость – всепроникающее и многоликое, удивительно прекрасное и гармоничное, простое и сложное явление. Она главная цель не только познания, но и всей человеческой жизни. При этом в практике жизни, иногда под влиянием духовно-нравственного инстинкта, наш ум интуитивно использует смутное, подсознательное понимание мудрости.

В-третьих, «Мудрость как принцип культуры». Мудрость является главной формой закрепления в культуре смысла и содержания различного рода моральных норм и духовных ценностей в обычаях, традициях, обрядах, в ритуалах, запретах (табу), мифах, сказках, песенном творчестве, в пословицах, поговорках и в других способах жизненного человеческого бытия. Мудрость основывается на неуловимой связи между характером культуры и распространением предпринимательства. К. Эрхард и С. Хейни [32] продемонстрировали, что современная активность в основании новых компаний зависит от происхождения их основателей. Учёные установили, что успешность этих компаний не связана с текущей инновационностью. Авторы, изучая активность в откры-

тии и закрытии компаний, неожиданно обнаружили подтверждение того, что предпринимательство связано с культурой происхождения предпринимателя. Они предположили, что выполненное исследование отвечает отчасти на вопросы: «Какие компоненты культуры могут быть важны для предпринимательства?»; «Что является детерминантой в “основной” культуре – склонности к инновациям или опора на интуицию в условиях неопределённости и готовности к риску?». Эрхард и Хейни на эмпирическом материале сравнения «исторически» немецких и французских предпринимателей Швейцарии доказали, что склонность к инновациям значения не имеет, здесь определяющей является заложенная в культуре оценка рисков.

В-четвёртых, принцип «Гармония, единство и многообразие функционирования мудрости в “великом информационном поле”» (В. С. Мухина). Мудрость как бы разлита в нём и представляет собой энергоинформационную матрицу, которая помогает преодолеть хаос и противоречия по закону гармонии, ведёт к самосозиданию и саморазвитию человека в человеке. По сути мудрость – это способ реализации в жизни Гармонии Любви, Разума и Совести, способ, который приводит к возрождению духовности как религиозной, так и светской в разных её проявлениях и формах (позитивной духовности и негативной, например, у террориста, у убийцы), с учётом того, есть много людей с неразвитой духовностью или почти бездуховных. Мудрость – не только сущность духовности, но и самый эффективный, и в тоже время самый человеческий способ достижения успеха, обретения материального

богатства в органическом единстве с богатством духовным. Одновременно с этим мудрость позволяет обрести крепкое здоровье и полноту человеческого счастья. Ориентация на духовное бытие, на мудрость, на любовь – это не только важнейший признак высокого уровня развития человека, но и источник всех его достижений.

В-пятых, принцип «Мудрость как главная объединяющая идея организации» (по аналогии с национальной и государственной идеей) в противовес с глупостью на всех уровнях человеческого взаимодействия. В условиях перманентных кризисов необходимо принятие мудрости в организации не только на уровне разума, инстинктов и интуиции руководителей и персонала. Важно найти способы возрождения её в обычаях, традициях, ритуалах и других формах проявления народной, организационной, корпоративной культуры. Сегодня мудрость приобретает большой вес в карьерном плане. Она обеспечивает вневозрастную стабильную востребованность. Мудрость необходима для эффективного управления развитием: страны, компании, карьеры, семьи, наконец, – себя. Метанавыки – soft and hard skills – необходимое условие динамично развивающейся карьеры в самых разных сферах, её «непотопляемости». Мудрость как поток «растекается» по разным сферам жизни и профессиям, обогащая каждое направление новыми возможностями и выигрышными стратегиями.

В-шестых, принцип «Любовь как Путь к мудрости и основа человечности». Для обозначения системы формирующихся взглядов, помогающих обрести мудрость, уже древние греки нашли в своём языке глубокое по

смыслу слово, обозначающее «любовь к мудрости». Любовь – один из главных Путей движения человечества к Мудрости, надёжный способ преодоления эгоизма. Добро, как и любовь, не нуждается в объяснении, а зло, наоборот, в нём нуждается. Любовь – главный метод практического укоренения отношений добра, милосердия, справедливости между людьми, а также как способ «выкорчёвывания» эгоизма и других пороков человека [21].

Таким образом, проведённый анализ подходов к понятию мудрости позволил определить её возможности как методологии изучения человечности в организации. Нами проведено соотнесение общих принципов социальной психологии, изучения внутригрупповых отношений [28] и сформулированных выше принципов мудрости человечности организации (табл. 1), которые можно использовать в качестве методологии дальнейшего эмпирического исследования

Для построения Модели МЧО проведём теоретический анализ модели «Толерантность» А. Г. Асмолова, М. С. Гусельцева, Т. П. Скрипкиной, Г. В. Солдатовой и др. [1; 2; 3; 5; 6; 18; 19], модели «Аллофилия (Allophilia)» Т. Питтински [40; 39; 32; 33], модель «Человечность-доминирование» А. В. Булгакова [10; 12].

Разнообразные модели психологической реальности [3], в том числе толерантность, исследовались в многочисленных работах российских учёных последних десятилетий, количество защищённых научных работ по психологии достигает 5 тыс. Динамика исследований по психологии, в которых использована модель *Толерантность-интолерантность* такова: 2000 г. –

Таблица 1 / Table 1

Соотнесение общих принципов социальной психологии, изучения внутригрупповых отношений, мудрой человечности организации / Correlation of the general principles of social psychology, the study of intra-group relations, the wise humanity of organization

Общие социально-психологические принципы	Принципы изучения внутригрупповых отношений	Принципы мудрости человечности
Принцип единства социально-психологических явлений, среды и активности	Универсальность и диверсификация во внутригрупповых отношениях	принцип мудрости как главная, объединяющая идея организации; мудрость как специфическая когнитивная карта человечности
принцип социально-психологической системности	системный характер внутригрупповых отношений	принцип «Любовь как Путь к мудрости и основа человечности»
принцип социально-психологического развития	социально-динамическое моделирование внутригрупповых отношений	мудрость как принцип культуры; мудрость как инструмент познания человечности
принцип социальной и психологической комплексности	принцип сопряжения амбивалентности в изучении внутригрупповых отношений	принцип гармонии, единства и многообразия; функционирования мудрости в «великом информационном поле» человечности

Источник: составлено авторами

127 работ, 2006 г. – 583 работы, 2014 г. – 202 работы, 2020 г. – 80 диссертационных исследований.

С помощью этой модели наибольшие результаты достигнуты при изучении этнических и коммуникативных [18] взаимодействий. Однако и здесь выделяются, как правило, «риски лишь одной стратегии– интолерантности» [1]. По мнению А. Асмолова и С. Сорокиной, причинами являются «изменения в психологическом содержании понятия толерантности: из сложного конструкта, нервом которого является активная позиция личности, он превращается в пассивную установку и связанную с ней познавательную и культурную всеядность» [1].

Несмотря на обширность и глубину изучения единого понимания природы толерантности и причин толерантного/интолерантного поведения нет. Толерантность – явление многоуровневое и может проявляться в различных формах: 1) терпимость как отстранённость от социума, неучастие, равнодушие; 2) смиренность во имя сохранения мира и соответствия социально одобряемым образцам; 3) позиция снисходительного отношения к различиям; 4) нравственные ориентации на признание и уважение прав другого; 5) открытость в отношении других, любопытство, интерес к различиям, их одобрение и восприятие в качестве ресурса развития личности и

общества [29]. Сложилось общее понимание смысла толерантности как терпимости к инокультуре, иномыслию, иноверию. Смысл отражает две основные тенденции использования термина в психологии: 1) индивидуальное свойство (стабильное или ситуативное), отражающее способность к саморегуляции при фрустрирующих воздействиях среды – способность к самосохранению; 2) способность к неагрессивному поведению по отношению к другому человеку – готовность к взаимодействию. Понимание толерантности как позитивного отношения к другой культуре при наличии позитивного отношения к своей собственной¹, по мнению профессора Н. М. Лебедевой, является наиболее методологически приемлемым в российских условиях. Для изучения толерантности/интолерантности важен фактор принадлежности к группе социального одобрения в среде взаимодействия. Модель Толерантности на сегодняшний день выполнила свою роль. Оставаясь в центре психологических исследований политических событий России XX в., трагедий её народов, понятие толерантности в значительной степени исчерпало себя из-за своей размытости, нечёткости, а где-то и излишнего наукообразия. Расширение привело к сжатию. Настало время, используя накопленный опыт, обратиться к другим понятиям.

Модель Т. Петтински – «аллофилия». [39; 40; 41] Модель построена на основе

¹ Фуколова Ю. Толерантность предполагает любовь к своей культуре. Интервью с Надеждой Лебедевой. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/tolerantnost-predpolagaet-lyubov-k-svoey-kulture> ((дата обращения: 17.12.2021).

противопоставления понятий «неприятие, неприязнь» и введённого автором сложно сконструированного понятия «аллофилия», составленного из греческого и латинского слова «любовь». Т. Петтински категорически отвергает в качестве доминанты при оценке межличностных и межгрупповых отношений использования термина «толерантность». Его модель – дихотомия/неприязнь/аллофилия, где толерантность занимает промежуточную, неустойчивую позицию, сталкиваясь с которой личность «соскальзывает» на позицию неприязни. Автор предлагает валидный измерительный инструмент, прошедший проверку на различных этнических выборках. Опросник включает 5 показателей: симпатия, комфорт, сопричастность, увлечённость, близость с членами других групп [10; 11; 13]. Особенностью измерений является оценка положительного в противоположной часто отвергаемой группе. Здесь в диагностике применён принцип амбивалентности, не часто встречающийся в психологических исследованиях.

Модель «Человечность-доминирование» в организации А. В. Булгакова, обобщённая в Индексе человечности организации (ИЧО) [10]. Для обоснования модели автором проведён ряд эмпирических исследований, в которых был реализован сравнительный анализ результатов диагностики групп сотрудников правоохранительных органов (следователей, участковых уполномоченных, психологов), строительных (архитекторов, инженеров-строителей, экономических (менеджеров), педагогических (преподавателей, студентов) с помощью опросника «Человечность-Доминирование в Организации (ЧДО)», состоящего из 2-х шкал А и Д.

Шкала А (аллофилия) измеряет индекс человечности в организации (ИЧО). Целью индекса является измерение позитивных межличностных и межгрупповых отношений в организации. Индекс включает адаптированную для российских условий шкалу Т. Питтински, но в расширенном виде показателей с членами других групп (сообществ) как с равным, так и с различным статусом. ИЧО измеряется средним значением данных, полученных путём опроса по трём категориям: отношение к другой группе, отношение к начальнику, отношение к коллеге.

Шкала Д определяет уровень доминирования. Доминирование рассматривается как инструмент достижения статуса. Исходя из положений теории социального доминирования, необходимость поддержания и улучшения социального статуса взаимосвязана с предубеждениями и дискриминацией других. Однако, в отличие от Сиданиуса и Пратто, мы считаем этот мотив основополагающим человеческим мотивом. В основу взята двухкомпонентная модель (dual process model) Дж. Даккита, которая содержит два относительно независимых мотивационных измерения, отражающих установки на поддержание: 1) социальной сплочённости, порядка, стабильности и коллективной безопасности («авторитаризм правого толка»); 2) группового доминирования и превосходства («ориентация на социальное доминирование») [18]. Двухкомпонентная модель Дж. Даккита хорошо объясняет межгрупповую угрозу, неравенство и конкуренцию, которые и определяют межгрупповые предубеждения, именно эти факторы активизируют и направляют мотивационные цели, вы-

раженные в авторитаризме правого толка и ориентации на социальное доминирование. Наиболее общими психологическими основами являются два взаимосвязанных аспекта: 1) эгалитаризм и антиэгалитаризм; 2) открытость и сопротивление изменениям, которые также хорошо объясняются компонентами модели Дж. Даккита. В качестве инструмента доминирования часто используется психологический механизм обесценивания [15], который имеет своим следствием маскировку последствий доминирования, а само обесценивание означает не ненависть, не безразличие, а обратную сторону любви в широком смысле, т. е. аллофилии.

Результатом обобщения приведённых моделей и интеграции их с понятием «мудрость» была создана *Модель «Мудрая Человечность в организации»* (рис. 1).

Методы

Для проверки работоспособности модели была разработана методика исследования, которая включает, во-первых, показатели по трём основным шкалам: 1) шкала «Аллофилия», 2) шкала «Доминирование», 3) шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера [20]. Во-вторых, – мотивационный профиль (Мартин, Ричи в адаптации А. В. Булгакова), Диагностика организационной культуры (Куинн, Камерон в авторской адаптации), проективная методика изучения социальной идентичности (Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева), шкала социально-психологической атмосферы по Фидлеру, оценка профессиональных состояний, оценки межличностных взаимодействий в группе по Сिशору.

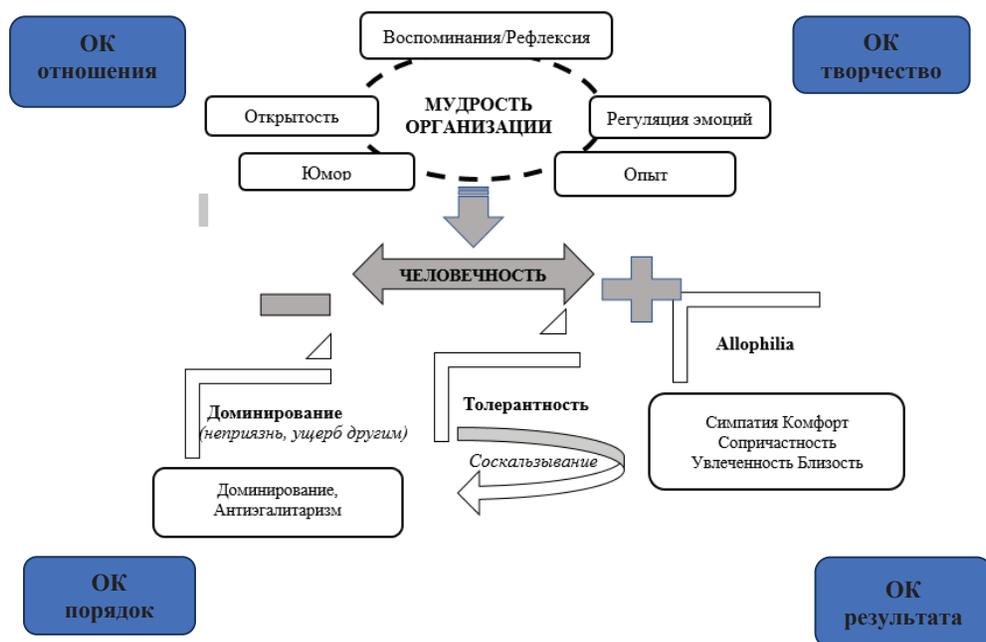

Рис. 1 / Fig. 1. Модель мудрой человечности организаций в контексте их организационных культур / A model of the wise humanity of organizations in the context of their organizational cultures

Источник: составлено авторами.

Гипотеза исследований была сформулирована следующим образом:

1. Конструкт «Мудрая человечность» в организации как диагностика (HR-аналитика) совокупной человечности и мудрости персонала может применяться к различным организациям в отличающихся ситуациях деятельности (повседневной или оперативной).

2. Организационная культура, профессиональная идентичность, социально-психологический климат, профессиональные состояния руководителей и сотрудников различным образом будут оказывать влияние на мудрую человечность в организации.

Обоснование выборки исследования. В статье использованы данные двух выборок, объединённых в одну,

составом 160 чел. Так Н. Ю. Андреева [13] предоставила результаты изучения 6 разнотипных организаций, работающих в обычных, повседневных условиях деятельности: 2 управляющие компании жилищным комплексом, 2 строительные организации, 2 охранных предприятия. Всего – 95 чел. Кроме того, использовались результаты исследования М. Н. Бережной [22], проанализировавшей в своей научной работе данные опросов персонала 6 водолазных станций, представляющих организации экстремальной, оперативной деятельности: 2 аварийно-спасательных, 2 поисковых, 2 участвующих в производстве следственных действий. Всего – 65 чел. Обследования проводились с 2016 по 2022 гг., методики изучения, несмотря

на специфичность целей и задач, включали общие диагностики. Возраст обследованных – от 22 до 48 лет (средний – 37,2, СК0 7,1), мужчин – 55 (34,3) %, женщин – 105 (65,7 %), по должностному статусу руководителей – 27 (14,3%) чел., сотрудников – 123 (85,7%) чел.

Шкалы «Аллофилия» и «Доминирование» обоснованы в наших предыдущих работах. В исследованиях Н. Ю. Андреевой и М. Н. Бережной использованы базовые понятия организационной культуры (рамочной структуры организационной культуры Куинна и Камерона в адаптации А. В. Булгакова [14]). Мотивация персонала измерялась с помощью опросника «Мотивационный профиль». В комплекс методик по изучению социально-психологических особенностей персонала организаций вошли: Проективная методика изучения социальной идентичности (Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева); шкала социально-психологической атмосферы по Фидлеру; оценка профессиональных состояний, оценки межличностных взаимодействий в группе по Сिशору.

Н. Ю. Андреевой и М. Н. Бережной была использована модернизированная «Шкала самооценки мудрости», включающая субшкалы: 1) открытость; 2) регуляция эмоций; 3) юмор; 4) опыт; 5) воспоминания/рефлексия. Шкала содержит 20 утверждений, оцениваемых испытуемыми по шестибальной шкале. Результаты по шкале «Мудрость» представляют собой средний балл, полученный по вопросам, относящимся к одной из пяти субшкал. Исходя из данных С. Э. Дровосекова, О. В. Митиной, Н. А. Низовских (2019), в настоящем исследовании использованы наиболее весомые вопро-

сы опросника по шкалам мудрости – 20 вопросов из 40.

В статье представлены результаты сравнительного корреляционного исследования. В качестве основных статистических методов обработки использовались факторный и сравнительный анализы с использованием непараметрического критерия Краскела-Уоллиса для независимых выборок.

Таким образом, *целями изучения* стали: структура, содержание, ресурс человечности в организациях различных типов важных для оптимизации управления персоналом. Переменными – человечность персонала организации; мудрость организации; социально-психологический климат, профессиональная идентичность, мотивация руководителей и сотрудников. Результатом является доказательство/опровержение/дополнение модели психологического явления «Мудрая Человечность организаций различных типов».

Результаты и их обсуждение

Для определения направлений исследования был проведён сравнительный анализ результатов диагностики проявлений человечности персонала различных типов организаций, их организационных культур Сравнение позволило подтвердить правильность наших предположений, во-первых, о различии интегративных критериев и показателей индекса человечности и мудрости применительно к изученным организациям. Во-вторых, о частичной однородности результатов по критериям организационно-культурного, профессиональной направленности персонала, эффективности управления персоналом в компаниях различного уровня развития.

Использование непараметрического критерия Краскела–Уоллиса для независимых выборок выявило отсутствие различия организаций по ОК «порядок» (0,260), определил различие в ОК «отношение» (0,01), «творчество» (0,03) ОК «профессиональная идентичность сотрудников» (0,02), «структура мотивации» (0,01) в организациях.

Результаты опросов по каждой организации были подвергнуты факторному анализу и табулированы в процентах общей дисперсии показателей каждой организации. На примере анализа управляющей компании проиллюстрируем полученные данные (рис. 2).

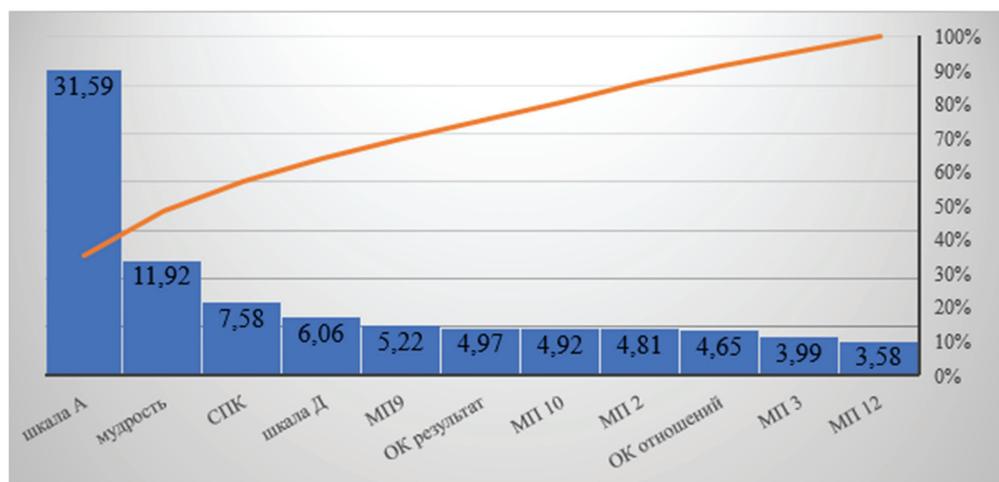

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты факторного анализа взаимосвязи человечности, мудрости в профессиональных отношениях и социально-психологических элементов управляющей компании (n=12 чел., в % дисперсии) / Results of factor analysis of the relationship between humanity, wisdom in professional relationships, and socio-psychological elements of the management company (n=12 people, in % of variance)

Источник: составлено Н. Андреевой.

Факторный анализ раскрыл 92% общей дисперсии данных. Было выявлено по меньшей мере четыре доминирующих фактора: шкала А (аллофилия) – 31,58%, мудрость – 11,92%, социально-психологический климат – 7,58%, доминирование – 6,06%. Остальные факторы – в сумме чуть более 30% – мотивационные и организационно-культурные факторы.

Далее выявленные данные были табулированы по организациям, выполнявшим повседневные и оперативные

задачи, с учётом дескрипторов мудрой человечности. Данные представлены в долях дисперсии от общей дисперсии по каждой организации. Результаты сравнения факторных структур этих организаций представлены на рис. 3.

Наибольшую нагрузку в конструкте «мудрая человечность организации» несёт человечность, полностью измеряемая ИЧО и отдельными шкалами А и Д, их дескрипторами и категориями. Линейную взаимосвязь человечности и мудрости демонстрируют тренды

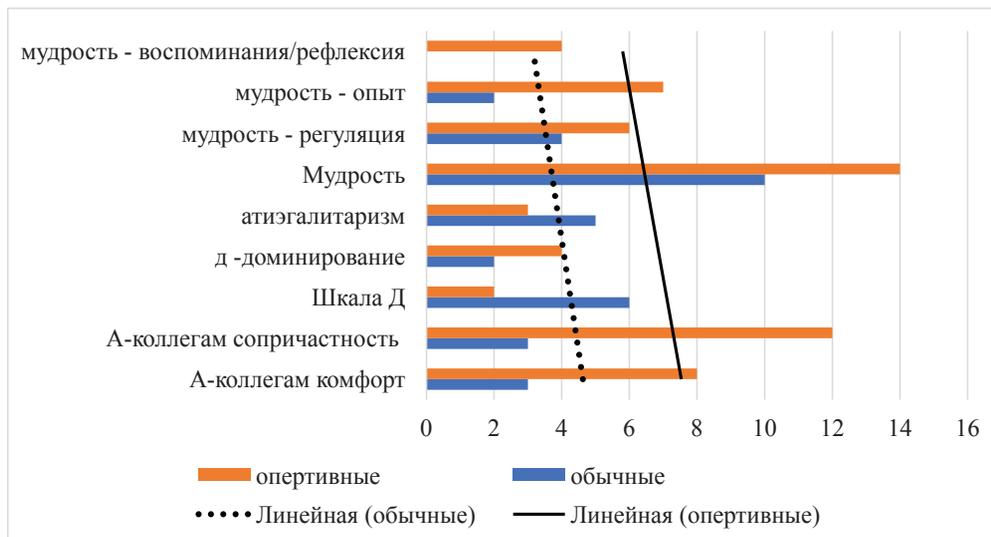

Рис. 3/ Fig. 3. Результаты сравнительного анализа структуры факторов мудрой человечности обычных и оперативных организаций $n=12$, в долях дисперсии от общей по своим организациям / The results of a comparative analysis of the structure of the factors of wise humanity of ordinary and operational organizations $n=12$, in shares of dispersion from the total for their organizations.

Источник: составлено авторами.

их показателей. Общим для всех организаций является область категории «Отношение к другим», и отсутствие показателей в категории «Отношение к коллегам». По всей видимости, эти данные вошли в факторы ИЧО и шкалы А как использующие результаты данной категории. Кроме того, наличие в модели МЧО показателя СПК (социально-психологического климата), значимо на уровне 0,01, коррелирующем с категорией «отношение к коллегам», что может служить подтверждением полученного. Отличающим организации является такой критерий, как более плотный состав человечности по категориям отношений к руководителю и коллегам в организациях, выполняющих оперативные задачи. Таким образом, подтверждено значение для диагностики (HR-аналитики) персонала различных

по принадлежности организаций конструкта «Человечность в организации». При этом категория отношение к другим группам остаётся базовой, а категории «отношения к руководителю и коллегам», – в большей степени зависящим от ситуации. Самооценка мудрости в организации существенно дополняет интегративный конструкт «Мудрая человечность (МЧ) в организации». Показатель мудрости равноценно присутствует во всех организациях. При этом у выполняющих оперативные задачи он больше, а у работающих в обычных условиях дополняется дескрипторами «опыт» и «рефлексия».

Выводы и заключение

Эмпирические исследования Н. Ю. Андреевой и М. Н. Бережной обосновали возможность и целесо-

образность применения конструкта «Мудрая человечность в организации как диагностика (HR-аналитика) совокупной человечности и мудрости персонала». Инструмент может применяться к различным организациям в отличающихся ситуациях деятельности (повседневной или оперативной). Следует подчеркнуть, что результаты, полученные по категориям «отношение к другим группам», «отношение к руководителю», «отношение к коллегам» вносят свой вклад в оценку мудрой человечности. Самооценка мудрости является его дополняющим инструментом.

В свою очередь организационная культура, профессиональная идентичность, социально-психологический климат, профессиональные состояния руководителей и сотрудников специфически оказывают влияние на мудрую человечность в организации.

Мудрая человечность организации содержательно раскрывается через освещение и разрешение следующих психологических проблемных аспектов управления персоналом.

Во-первых, разрешение базового противоречия между руководством организации и её персоналом, проявляющимся в одновременном недопонимании обеими профессиональными группами социальной роли организации: у руководителей – отсутствием продуманной стратегии эффективности, у персонала – своей ответственности, интересов по отношению к результатам деятельности всего учреждения, предприятия. Как итог – появляется напряжение из-за столкновения групповых интересов по поводу создания человеческих условий труда со стороны руководства в сочетании с нередко

безответственным, иногда вредительским отношением сотрудников к условиям труда; формирование в трудовых коллективах неуважительных отношений между руководителями и рядовыми сотрудниками, злоупотребление на всех уровнях иерархии организации служебным положением. «Успешные менеджеры» мотивацию персонала к профессиональной деятельности не знают, не понимают, рассматривают сотрудников как расходный материал, как неизбежные издержки «производства». Приведённая картина мира цинична, она вербально звучит только в неформальном общении и маскируется руководством с помощью звучных призывов к командной работе, не принимаемых сотрудниками технологиями управления мотивацией.

Во-вторых, необходимо минимизировать когнитивную проблему значительного недопонимания управленцами всех уровней существования давно установленной дифференциации между человеческим и другими ресурсами. Причина этой проблемы кроется в недооценке потенциала персонала как главного ресурса развития организации, который реализуется в пространстве столкновения внешних и внутренних факторов конкретной управленческой ситуации. При этом внешние факторы детерминируют эмоциональный фон как специфическую характеристику человеческого капитала. Поэтому зачастую использование даже психологически обоснованных методов управления персоналом может неоднозначно восприниматься коллективом организации. Выход видится в компенсирующей силе применения психологических механизмов реализации потребности в самоут-

верждении, в достижении поставленной карьерной цели.

В-третьих, важно минимизировать проблему незнания организациями целей, которые преследуют сотрудники. Это приводит к обману, крушению надежд, появлению массовой неудовлетворённости персонала. В результате возникает бездействие или имитация бурной деятельности. Итог такой работы: организационная рутинная, резкое снижение потенциала организационной культуры, отторжение инноваций, организационный застой.

В-четвёртых, гармоничное построение организационной культуры на основе взаимного доверия и уважения. Без понимания структуры, содержания человечности персонала организации невозможно создать социальный-психологический климат, дескрипторы которого: «открытость в профессиональном общении и информирование подчинённых; прозрачность, предсказуемость, последовательность действий и решений руководства; обдуманное делегирование руководителями своих полномочий, не унижающих сотрудников при совершении ошибок; защита благополучия и достоинства людей на рабочем месте; всемерная поддержка инициатив, уверенности сотрудников в себе и в коллегах; уважение компетентности сотрудников, их желания найти оптимальное решение проблемы; наличие навыков профессионального общения, прежде всего – умения договориться между собой; эффектив-

ное руководство, основанное на лидерстве, построении командной работы» [7, с. 42].

В-пятых, при последующих исследованиях МЧО в различных ситуациях профессиональной деятельности в обязательном порядке требуется рекурсия, множественные возвращения к уже пройденным этапам. Несмотря на внешнюю прозрачность созданной модели после каждого продвижения вперёд в познании психологического явления МЧО происходят изменения и внешней, и внутренней ситуаций.

Написание статьи совпало с суровыми обстоятельствами нашей специальной военной операции на Украине. Своевременно ли говорить сейчас о мудрой человечности, когда правовое поле науки меняется на фоне кровавой циничной борьбы Зла с Добром, результатом 30-летней целенаправленной информационно-психологической деятельности деструктивных сил на Украине по смене этнической идентичности у значительной части русского населения? Считаем, что именно сегодняшний момент смены представлений о ценностях – это тот момент истины, когда идея мудрой человечности может стать общенациональной идеей. Для психологов открыты все уровни социального от межгосударственных до личностных, включая организационный. Надеемся, что читатели увидят и такой аспект в нашем материале.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г., Сорокина С. С. Культурные практики поддержки конструктивного и деструктивного разнообразия в сложных системах // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 3–15.
2. Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. 447 с.

3. Асмолов А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М.: Смысл, 1998. 358 с.
4. Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Проблемные ситуации психологии XXI века // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 14–28.
5. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. От организма как целого к персонафицированному сообществу: трансформация самоорганизации в социобиологии // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. URL: <http://www.psystudy.com> (дата обращения: 16.08.21).
6. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Родословная жизни сообща: ещё раз о скачках эволюции // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 3–19.
7. Баранов А. В., Нугайбеков Р. А. Развитие производственных систем: стратегия бизнес-прорыва. СПб: Питер, 2015. 272 с.
8. Бойкова М. Мудрость и её «окна возможностей» // Форсайт. Журнал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2019. № 6. URL: <https://foresight-journal.hse.ru> (дата обращения: 16.08.2021)
9. Бородина Т. И. Личностно-профессиональная спецификация государственных служащих: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 228 с.
10. Булгаков А. В. Индекс человечности в организации: обоснование, измерение, применение // Организационная психология, 2020. Т. 10. № 3. С. 8–37.
11. Булгаков А. В. Психологическое обеспечение деятельности по противодействию экстремизму и терроризму: теории и практика // Гуманитарно-педагогическое образование. 2019. Т. 5. № 2. С. 184–191.
12. Булгаков А. В. Человечность в организации в контексте принципа культурного опосредования // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 140–164.
13. Булгаков А. В., Андреева Н. Ю. Человечность персонала организации: проблемы изучения и управления // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 11 (79), ч. 11. С. 77–81.
14. Булгаков А. В., Иванова М. С., Павлютенкова О. А. Вовлечённость в профсоюзное движение: междисциплинарный подход: монография. М.: Диона, 2018. 208 с.
15. Бурдьё П. Назначение народа / Конференция по социологии и истории искусства / Лозанна, 4–5 февраля 1982 года // пер. Н. А. Шматко. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2614> (дата обращения: 16.08.2021)
16. Гилович Т., Росс Л. Наука мудрости. Как обратить себе на пользу важнейшие открытия социальной психологии / пер. с англ. М. В. Колопотина. М.: Индивидуум пабблишинг, 2019. 368 с.
17. Готсданкер А. С., Булгаков А. В., Носс И. Н. Проблематика современных исследований организационного развития и методов внедрения организационных преобразований // Человеческий капитал. 2019. № 12 (132). С. 207–216.
18. Григорьев Д. С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 30–44.
19. Джерелиевская М. А. Установки коммуникативного поведения. М.: Смысл, 2000. 191 с.
20. Дровосеков С. Э., Митина О. В., Низовских Н. А. Шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера (SAWS): психометрический анализ русскоязычной версии // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 160–171.
21. Зорин В. И. Жизнь как проявление мудрости. Иваново: Новое Ивановское издательство, 2006. 256 с.

22. Метечко Л. Б., Сорокин А. Е., Гончаренко В. И. Основные принципы работы эколого-компенсационных систем по снижению антропогенного воздействия на экосистемы прибрежной зоны Крыма // Тезисы докладов Международной научно-технической конференции Системы контроля окружающей среды / Севастополь, 24–27 октября 2016 года. Севастополь: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение “Институт природно-технических систем”, 2016, с. 203.
23. Мехтиханова Н. Н., Смутьсон М. Л. Мудрость – свойство пожилых и адаптированных? // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 3. С. 36–40.
24. Низовских Н. А. Шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера (SAWS): психометрический анализ русскоязычной версии // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3. С. 160–171.
25. Ремизов В. Б. Мудрая человечность. Кантианские мотивы в откровении Льва Толстого // Материалы XXVI Международных Толстовских чтений. В 2 ч. Ч. 1. Л. Н. Толстой в движении эпох / Тула, 2000 год / отв. ред. В. Б. Ремизов. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. С. 11–32.
26. Соколова Е. Т. Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л. С. Выготского // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <https://psystudy.ru> (дата обращения: 16.08.21).
27. Социальная психология труда: между неопределенностью и прозрачностью: монография / А. В. Булгаков, С. Л. Евенко, Е. А. Карпова, А. А. Качина, А. В. Кидинов, Н. С. Крамаренко, Н. Н. Лавров, А. Б. Леонова, В. В. Логинова, Е. А. Орлова, Е. А. Певцова, А. С. Поляков, В. Н. Селезнев, Т. П. Скрипкина, Ф. Р. Султанова, В. В. Сысоев, Э. П. Утлик, Т. И. Шульга. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 290 с.
28. Суворов А. В. Человечность как фактор саморазвития личности: дис. ... д-ра психолог. наук. М., 1996. 58 с.
29. Сухих Е. С. Толерантность: психологическое содержание и личностные факторы // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 4. С. 66–71.
30. Хромова И. П. Психологические особенности разрешения педагогических проблемных ситуаций в вузе средствами народной мудрости: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
31. Шадриков В. Д. Происхождение человечности. М.: Логос, 2004. 296 с.
32. Эрхард К., Хейни С. Культурные корни старта, роста и закрытия компаний. // Journal of SSRN. 2021. №91-98 / пер. Д. Бутрина. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3892622 (дата обращения: 17.08.2021)
33. Ambrosi-Randić N., Plavšić M. The Role of Education in Development of Wisdom // Quality, Social Justice and Accountability in Education Worldwide. 2015. Vol. 13. Pp. 11–17.
34. Ardelit M. Empirical Assessment of a Three-Dimensional Wisdom Scale // Research on Aging. 2003. № 25 (3). Pp. 275–324.
35. Baltes P. B., Smith J. The Fascination of Wisdom: Its Nature, Ontogeny, and Function // Perspectives on Psychological Science. 2008. №3 (1). Pp. 56–64.
36. How to measure wisdom: Content, reliability, and validity of five measures / J. Гльск, S. Кцнig, K. Naschenweng, U. Redzanowski, L. Dorner, I. Straßer, W. Wiedermann // Frontiers in Psychology. 2013. № 4. P. 405.
37. Greene J. A, Brown S. C. The wisdom development scale: translating the conceptual to the concrete // Collective Studies Development. 2006. № 47. Pp. 11–19.
38. Maxwell N. Misconceptions Concerning Wisdom // Journal of Modern Wisdom. 2013. Vol. 2. Pp. 92–97.

39. Pittinsky Todd L. Allophilia: Moving beyond Tolerance in the Classroom // *Childhood Education*. 2009. № 85 (4). Pp. 212–215.
40. Pittinsky T. L. Allophilia and intergroup leadership // Harvard Kennedy School. 2005. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications> (дата обращения: 01.12.2022).
41. Pittinsky T. L., Ratcliff J. J., Maruskin L. A. Coexistence in Israel: A National Study. Center for Public Leadership. Cambridge: Harvard Kennedy School Harvard University, 2008. 20 p.
42. Webster J. D. An Exploratory Analysis of a Self-Assessed Wisdom Scale // *Journal of Adult Development*. 2003. № 10 (1). Pp. 13–22.
43. Webster J. D. Measuring the character strength of wisdom // *International Journal of Aging and Human Development*. 2007. № 65. Pp. 163–183.

REFERENCES

1. Asmolov A. G., Sorokina S. S. [Cultural practices of supporting constructive and destructive diversity in complex systems]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2019, no. 1, pp. 3–15.
2. Asmolov A. G. *Optika prosveshcheniya: sociokul'turnye perspektivy* [Optics of education: socio-cultural perspectives]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2012. 447 p.
3. Asmolov A. G. [Tolerance: different paradigms of analysis]. In: *Tolerantnost' v obshchestvennom soznanii Rossii* [Tolerance in the public consciousness of Russia]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 358 p.
4. Asmolov A. G., Guseļceva M. S. [Problem situations in the psychology of the XXI century]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2016, no. 4 (88), pp. 14–28.
5. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. [From the organism as a whole to the personified community: transformation of self-organization in sociobiology]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2016, vol. 9, no. 48. Available at: <http://www.psystudy.com> (accessed: 16.08.21).
6. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. [Pedigree of life together: once again about the jumps in evolution]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2018, no. 4, pp. 3–19.
7. Baranov A. V., Nugajbekov R. A. *Razvitie proizvodstvennyh sistem: strategiya biznes-proryva* [Development of production systems: business breakthrough strategy]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2015. 272 p.
8. Bojkova M. [Wisdom and its “windows of opportunity”]. In: *Forsajt. Zhurnal Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki»* [Foresight. Journal of the National Research University Higher School of Economics], 2019, no. 6. Available at: <http://foresight-journal.hse.ru> (accessed: 16.08.2021)
9. Borodina T. I. *Lichnostno-professional'naya specifikaciya gosudarstvennyh sluzhashchih: monografiya* [Personal and professional specification of civil servants: monograph]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2018. 228 p.
10. Bulgakov A. V. [Index of humanity in an organization: justification, measurement, application]. In: *Organizacionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 8–37.
11. Bulgakov A. V. [Psychological support of activities to counter extremism and terrorism: theory and practice]. In: *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie* [Humanitarian and pedagogical education], 2019, vol. 5, no. 2, pp. 184–191.
12. Bulgakov A. V. [Humanity in an organization in the context of the principle of cultural mediation]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Psychology. Pedagogy. Education”], 2020, no. 4, pp. 140–164.

13. Bulgakov A. V., Andreeva N. Yu. [Humanity of the organization's personnel: problems of study and management]. In: *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Actual scientific research in the modern world]. 2020, no. 11 (79), pt. 11, pp. 77–81.
14. Bulgakov A. V., Ivanova M. S., Pavlyutenkova O. A. *Vovlechyonnost' v profsoyuznoe dvizhenie: mezhdisciplinarnyj podhod: monografiya* [Involvement in the trade union movement: an interdisciplinary approach: a monograph]. Moscow, Diona Publ., 2018. 208 p.
15. Bourdieu P. Appointment of the people (Rus. ed., Shmatko N. A., transl. Burd'yo P. Naznachenie naroda. In: *Konferenciya po sociologii i istorii iskusstva / Lozanna, 4–5 fevralya 1982 goda* [Conference on sociology and art history / Lausanne, February 4–5, 1982]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/2614> (accessed: 16.08.2021)
16. Gilovich T., Ross L. The Wisest One in the Room. How You Can Benefit from Social Psychology's Most Powerful Insights (Rus. ed., Kolopotin M. V., transl. Gilovich T., Ross L. Nauka mudrosti. Kak obratit' sebe na pol'zu vazhnejshie otkrytiya social'noj psihologii. Moscow, Individuum publishing, 2019. 368 p.
17. Gotsdanker A. S., Bulgakov A. V., Noss I. N. [Problems of modern research on organizational development and methods of introducing organizational transformations]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2019, no. 12 (132), pp. 207–216.
18. Grigor'ev D. S. [Development of a short version of the scales from the methodology of J. Duckit: right-wing authoritarianism, orientation towards social dominance, belief in a dangerous and competitive world]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2017, no. 4 (28), pp. 30–44.
19. Dzherelievskaya M. A. *Ustanovki kommunikativnogo povedeniya* [Attitudes of communicative behavior]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 191 p.
20. Drovosekov S. E., Mitina O. V., Nizovskih N. A. [J. Webster Wisdom Self-Assessment Scale (SAWS): psychometric analysis of the Russian version]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2019, no. 3 (133), pp. 160–171.
21. Zorin V. I. *Zhizn' kak proyavlenie mudrosti* [Life as a manifestation of wisdom]. Ivanovo, Novoe Ivanovskoye izdatel'stvo Publ., 2006. 256 p.
22. Metechko L. B., Sorokin A. E., Goncharenko V. I. [Basic principles of the operation of environmental compensation systems to reduce the anthropogenic impact on the ecosystems of the coastal zone of the Crimea]. In: *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii Sistemy kontrolya okruzhayushchej sredy / Sevastopol', 24–27 oktyabrya 2016 goda* [Abstracts of the International Scientific and Technical Conference Environmental control systems / Sevastopol, October 24–27, 2016]. Sevastopol, Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Natural and Technical Systems" Publ., 2016, p. 203.
23. Mekhtihanova N. N., Smul'son M. L. [Is wisdom a property of the elderly and adapted?]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2013, vol. 19, no. 3, pp. 36–40.
24. Nizovskih N. A. [Webster Wisdom Self-Assessment Scale (SAWS): psychometric analysis of the Russian version]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2019, no. 3, pp. 160–171.
25. Remizov V. B. [Wise humanity. Kantian motives in the revelation of Leo Tolstoy]. In: Remizov V. B., ed. *Materialy XXVI Mezhdunarodnyh Tolstovskih chtenij. V 2 ch. Ch. 1. L. N. Tolstoj v dvizhenii epoh / Tula, 2000 god* [Proceedings of the XXVI International Tolstoy Readings. In 2 hours, Part 1. L. N. Tolstoy in the movement of epochs / Tula, 2000]. Tula, Tula State Pedagogical University Publ., pp. 11–32.
26. Sokolova E. T. [Violations of mentalization in the clinical and cultural paradigm of L. S. Vygotsky]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2017, vol. 10, no. 56.

- Available at: <https://psystudy.ru> (accessed: 16.08.21).
27. Bulgakov A. V., Evenko S. L., Karpova E. A., Kachina A. A., Kidinov A. V., Kramarenko N. S., Lavrov N. N., Leonova A. B., Loginova V. V., Orlova E. A., Pevcova E. A., Polyakov A. S., Seleznev V. N., Skripkina T. P., Sultanova F. R., Sysoev V. V., Utlik E. P., SHuġa T. I. *Social'naya psihologiya truda: mezhdu neopredelennost'yu i prozrachnost'yu: monografiya* [Social psychology of work: between uncertainty and transparency: monograph]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019. 290 p.
 28. Suvorov A. V. *Chelovechnost' kak faktor samorazvitiya lichnosti: dis. ... d-ra psiholog. nauk* [Humanity as a factor in the self-development of personality: Dr. Sci. thesis in Psychological Sciences]. Moscow, 1996. 58 p.
 29. Suhii E. S. [Tolerance: psychological content and personal factors]. In: *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 2005, no. 4, pp. 66–71.
 30. Hromova I. P. *Psichologicheskie osobennosti razresheniya pedagogicheskikh problemnyh situacij v vuze sredstvami narodnoj mudrosti: avtoref. dis. ... kand. psiholog. nauk* [Psychological features of resolving pedagogical problem situations at the university by means of folk wisdom. Cand. Sci. thesis in Psychological Sciences]. Tambov, 2009. 25 s.
 31. Shadrikov V. D. *Proiskhozhdenie chelovechnosti* [The origin of humanity]. Moscow, Logos Publ., 2004. 296 p.
 32. Haenni S., Erhardt K. The Cultural Roots of Firm Entry, Exit, and Growth (Rus ed. Butin D., transl. Kul'turnye korni starta, rosta i zakrytiya kompanij) // *Journal of SSRN*. 2021. №91-98. Available at: <https://papers.ssrn.com> (accessed: 17.08.2021)
 33. Ambrosi-Randić N., Plavšić M. The Role of Education in Development of Wisdom. In: *Quality, Social Justice and Accountability in Education Worldwide*, 2015, vol. 13, pp. 11–17.
 34. Ardelt M. Empirical Assessment of a Three-Dimensional Wisdom Scale. In: *Research on Aging*, 2003, no. 25 (3), pp. 275–324.
 35. Baltes P. B., Smith J. The Fascination of Wisdom: Its Nature, Ontogeny, and Function. In: *Perspectives on Psychological Science*, 2008, no. 3 (1), pp. 56–64.
 36. Гльк J., Кцнig S., Naschenweng K., Redzanowski P., Dorner L., Straßer I., Wiedermann W. How to measure wisdom: Content, reliability, and validity of five measures. In: *Frontiers in Psychology*, 2013, no. 4, p. 405.
 37. Greene J. A., Brown S. C. The wisdom development scale: translating the conceptual to the concrete. In: *Collective Studies Development*, 2006, no. 47, pp. 11–19.
 38. Maxwell N. Misconceptions Concerning Wisdom. In: *Journal of Modern Wisdom*, 2013, vol. 2, pp. 92–97.
 39. Pittinsky Todd L. Allophilia: Moving beyond Tolerance in the Classroom. In: *Childhood Education*, 2009, no. 85 (4), pp. 212–215.
 40. Pittinsky T. L. Allophilia and intergroup leadership. In: *Harvard Kennedy School*, 2005. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/publications> (accessed: 01.12.2022).
 41. Pittinsky T. L., Ratcliff J. J., Maruskin L. A. Coexistence in Israel: A National Study. Center for Public Leadership. Cambridge, Harvard Kennedy School Harvard University, 2008. 20 p.
 42. Webster J. D. An Exploratory Analysis of a Self-Assessed Wisdom Scale. In: *Journal of Adult Development*, 2003, no. 10 (1), pp. 13–22.
 43. Webster J. D. Measuring the character strength of wisdom. In: *International Journal of Aging and Human Development*, 2007, no. 65, pp. 163–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9438-832X.

Андреева Наталья Юрьевна – аспирант кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: nata240286@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1253-5638

Бережная Марина Николаевна – соискатель кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета
e-mail: mn@dessa.ru; ORCID: 0000-0002-8678-201X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Bulgakov – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9438-832X

Natalya Yu. Andreeva – Post-graduate Student of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: nata240286@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1253-5638

Marina N. Berezhnaya – Competitor of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: mn@dessa.ru; ORCID: 0000-0002-8678-201X

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Булгаков А. В., Андреева Н. Ю., Бережная М. Н. Мудрая человечность в организациях различного типа: методология и методика исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 135–155.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-135-155

FOR CITATION

Bulgakov A. V., Andreeva N. Yu., Berezhnaya M. N. Wise humanity in organizations of various types: methodology and research methodology. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 135–155.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-2-135-155

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2022. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчики Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,75, уч.-изд. л. 10,5.
Подписано в печать: 15.06.2022. Выход в свет: 17.06.2022. Заказ № 2022/06-05.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А